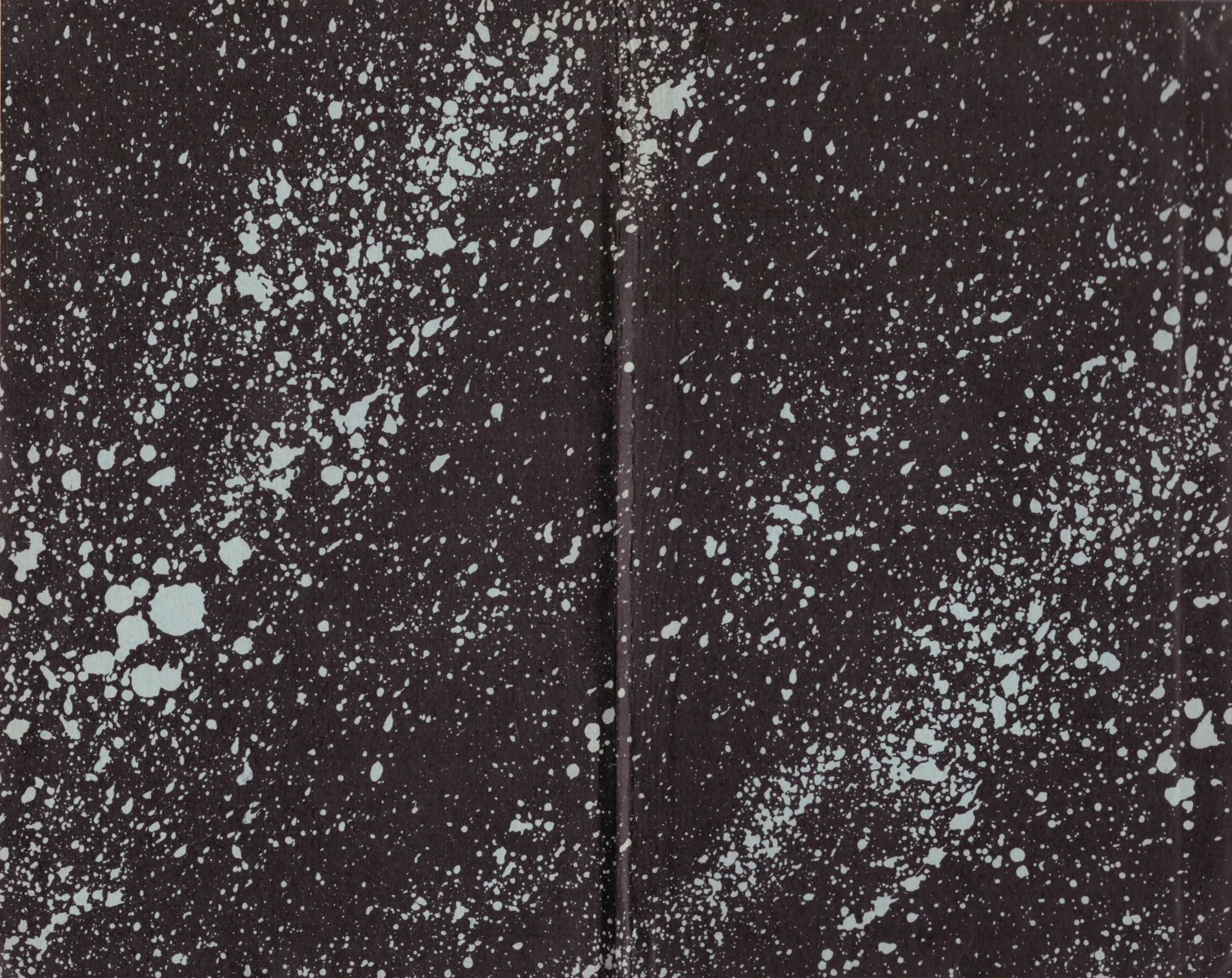

СБОРНИК НАУЧНО-ФАНАТАСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

**ЛУЧШИЙ
ИЗ МИРОВ**

ЛУЧШИЙ ИЗ МИРОВ

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
РАССКАЗОВ, ОТМЕЧЕННЫХ
НА МЕЖДУНАРОДНОМ
КОНКУРСЕ ФАНТАСТИКИ
СЕМИ СТРАН:
БОЛГАРИИ, ВЕНГРИИ,
ГДР, ПОЛЬШИ, РУМЫНИИ,
СССР, ЧЕХОСЛОВАКИИ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1964

В 1962 году молодежные научно-популярные журналы «Наука и техника за младежта» (Болгария), «Непсюри техника» (Венгрия), «Югенд унд Техник» (ГДР), «Млоды техник» (Польша), «Сцинта си техника» (Румыния), «Техника — молодежи» (СССР), «Веда а техника младежи» (ЧССР) провели международный конкурс на лучший научно-фантастический рассказ.

Конкурс был организован журналом «Техника — молодежи».

Большое участие в конкурсе приняла молодежь: научные работники, инженеры, аспиранты, ученики старших классов, рабочие, жители сел. Прислали свои рассказы и многие писатели и журналисты.

Лучшие произведения были отмечены международными и национальными премиями.

Публикуемый сборник составлен редакцией журнала «Техника — молодежи» по материалам конкурса.

I. ЖИВОЙ СВЕТ

Д. ПЕЕВ
(Болгария)

ВОЛОС МАГОМЕТА

Никто не может повернуть обратно стрелки часов, жить во времени, предшествовавшем нашему рождению. Прошлое для нас безвозвратно!

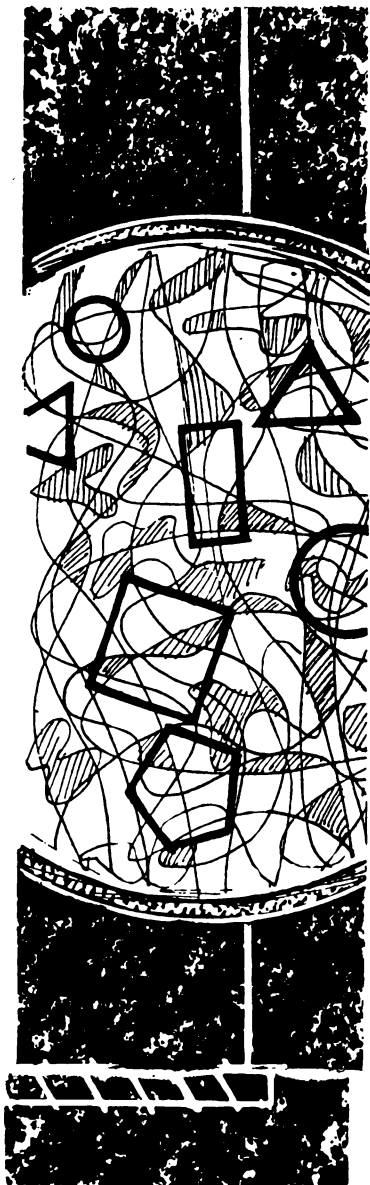
И все же я посетил забытую эпоху, жил на Земле сотни тысяч лет назад. Это был я и не я.

Я видел все «собственными глазами», хотя это были глаза другого, незнакомого, неизвестного человека.

Человека? Можно ли называть его человеком?

Однажды ко мне явился Страшимир Лозев. Когда-то в гимназии мы были близкими друзьями, потом жизнь нас разлучила, а еще позже мы случайно встретились на улице и решили непременно повидаться и вспомнить «то время».

После традиционных

приятельских шуток Страшимир достал из кармана маленькую скляночку и поставил на стол.

— Я хочу знать твое мнение. Рассмотрю-ка хорошенько эту вещицу и скажи, из чего она сделана и для чего может служить?

Я взглянул сначала на своего друга, потом на предмет. Это был маленький, прозрачный, гладкий цилиндр. Внутри, почти по всей его длине, лежал тоненький беловатый стерженек. Скляночка показалась мне очень тяжелой для своих размеров. Я повертел ее в руках и спросил:

— Откуда она у тебя?

— погоди, не спеши. — Лозев взял скляночку, ловко раскрыл ее и подал мне стерженек. — Смотри, вот это важнее всего.

На тонкий стерженек оказалась навитой белая нитка. Я нашел ее конец и начал разматывать целый моток этой нити, гибкой, как очень тонкая стальная проволока, но странно тяжелой.

Лозев зажег спичку, поднес конец нитки к пламени, продержал так несколько минут, потом подал мне. Я попробовал. Нитка была холодная, даже не потемнела. Потом Лозев заставил меня найти ножницы и предложил отрезать от нее кусочек. Но напрасно я старался. Белая нитка извивалась, выскользывала. Я напрягал все силы, но только порезал пальцы.

— Ну, что скажешь? — спросил мой приятель.

— Похоже на какой-то шелк, хотя я никогда не видел ничего подобного, — ответил я. — Цилиндрик и стерженек как будто стеклянные, но очень тяжелые, а нитка... Я так и не могу определить, из какого она материала. Может быть... это какая-нибудь неизвестная пластмасса с необычными свойствами?..

— Нет, — уверенно возразил Лозев, — это не пластмасса.

— Тогда я не знаю. Скажи сам.

— Хорошо, скажу. Это волос из бороды Магомета.

— Какой волос? Какой Магомет?

— Это волос из бороды пророка Магомета.

И Лозев рассказал мне странную историю. Его дя-

дя, капитан Проинов, командовавший ротой во время Балканской войны, взял этот волос из мечети в маленьком фракийском городке Кешане осенью 1912 года. Этот волос прославил городок на всю Турецкую империю. Считалось, что волос обладает чудесными свойствами: сам растет, сам обвивается вокруг стерженька и заключает в себе мудрость большую, чем у всех мудрецов на свете. Капитан не стал держать у себя такую добычу: мало ли что может случиться на войне. Поэтому он отправил скляночку с волосом своей сестре, матери моего друга. Вскоре капитан Проинов погиб в бою. Сестра никому не показывала склянку, словно боялась ее, и мой приятель получил ее только после смерти матери.

Закончив рассказ, Лозев умолк и начал тщательно наматывать волос обратно на стерженек.

— Надеюсь, — заговорил я, — не нужно доказывать тебе, что это не может быть волосом.

— Такова его история. А теперь послушай, зачем я пришел к тебе. Я хочу, чтобы ты взял странную склянку. Нет, нет, это не суеверие. Просто я прошу тебя исследовать ее в лаборатории.

В сущности, я и сам хотел просить его об этом: мне очень хотелось понять, что представляет собою таинственная нитка. Но своим коллегам по Химико-технологическому институту (я работаю там ассистентом на кафедре электрохимии) я не сказал ничего, так как понимал, что всякое сообщение о «лабораторном исследовании волоса из бороды Магомета» вызовет только насмешки.

Прежде всего я захотел отрезать кусочек от таинственной нитки. Полная неудача. Я начал с ножниц, потом взялся за топор, а кончил огромным прибором для испытания материалов на растяжение. Ниточка толщиной около 0,07 миллиметра (это почти толщина человеческого волоса) выдержала чудовищную нагрузку в пять тонн. Она не порвалась, а лишь выскользнула из оправки. Я подверг нитку множеству самых различных исследований. Она не рвалась, не уступала никаким химическим реактивам, не плавилась в пламени горелки, не пропускала тока, не на-

магничивалась, не... не... Словом, в руках у меня был предмет, сделанный из не известного науке вещества. Но что за предмет? Из какого вещества?

Как и следовало ожидать, мое сообщение руководству института о «волосе Магомета» было встречено с недоверием. Я настоял на том, чтобы мои опыты были повторены. Результат оказался по-прежнему отрицательным. Дело, вероятно, на этом и закончилось бы, но у меня появилась возможность поехать в Советский Союз, и я решил поделиться своими недоумениями с советскими коллегами и попросить у них помощи.

Приехав в Москву, я передал скляночку в лабораторию одного из институтов и рассказал все, что знал. Через две недели мне позвонили из лаборатории: меня хочет видеть директор института, ученый с мировым именем. Я, конечно, немедленно поехал.

— Нам удалось установить, — сказал мне академик, — что цилиндрик, стерженек и нитка состоят из одного и того же материала: из сверхуплотненного кремния, подвергнутого, вероятно, давлению в несколько миллионов атмосфер. Изменена не только кристаллическая решетка, но и уменьшены орбиты электронов.

Другой присутствовавший в кабинете ученый добавил:

— Следы находки теряются в глубине веков, и мы, по всей вероятности, никогда не найдем их. Впрочем, это здесь не самое важное.

— Важнее всего то, — продолжал директор, — что все исключительные качества вашей находки, несомненно, указывают на ее взвездное происхождение.

— Вы хотите сказать, что... — взволнованно прошептал я.

— Да, мы считаем, что цилиндрик с нитью принесен неизвестно когда разумными существами, обитателями других звездных миров, посетившими Землю. — Академик произнес эту фразу одним духом,

словно высказывал мысль, смущавшую его самого. — Другого объяснения не может быть, так как в прошлом такое вещество не могло быть создано на Земле. Даже современная наука не в состоянии получить его. И, естественно, мы задали себе вопрос: каково было предназначение этого предмета?

— Может быть, на нем что-нибудь записано? — осмелился предположить я.

— Да, это было бы логичнее всего. Мы проверили и установили, что на нити что-то записано, но эта запись сделана не механическим, не фотохимическим, не электрическим или магнитным способом. Нить оказалась не сплошной, а трехслойной. Под внешней кремниевой оболочкой находится тонкий электропроводный слой, а внутри — термопластическая сердцевина. И вот на ней-то термоэлектрическим способом нанесены переменные импульсы очень высокой частоты. На каждом миллиметре находится около семи миллионов сигналов.

— Вот уже пять дней как наши сотрудники в Институте технической кибернетики занимаются этой тайной. Мы привлекли себе в помощь лингвистов, психологов, физиологов. Мы пытались расшифровать сигналы как азбуку или говор. Искали в них физические постоянные, данные менделеевской таблицы. Пытались найти математические величины, общие для всего космоса. Но до сих пор мы так и не нашли ничего. Вчера научный совет института пришел к единодушному выводу: мы не в состоянии расшифровать запись.

— Может быть... в сигналах вообще нет логического смысла? — неуверенно предположил я.

— Нет, — твердо возразил ученый. — Я уверен, что смысл в них есть, только они сложнее, чем писанный или произнесенный текст. По виду кривых на экранах осциллографов мне казалось, что я вижу запись мыслей. Да, именно... мыслей. Но расшифровать эту запись мы не в силах.

— Я читал протокол нашего совета, — задумчиво произнес академик. — И чем больше я в него вдумывался, тем больше мне казалось, что мы ошибаемся

в самой постановке проблемы. Мы ищем, что записано, а не зачем записано.

— Что вы хотите сказать? — спросил я.

— Я спрашиваю: какая была цель записи? Представьте себе, что вы посетили планету далекой звездной системы. Там еще нет разумных существ, с которыми вы могли бы общаться. Вы хотите оставить послание тем, которые придут позже и смогут его прочесть. Как вы поступите?

— Я бы нашел способ передачи своих мыслей, понятный для всякого разумного существа. И позабылся бы о том, чтобы моя запись сохранялась возможно дольше.

— Правильно! — воскликнул академик. — Второе условие налицо. Кремниевая изоляция может сохранять запись в течение миллионов лет. Значит, это доказывает, что запись адресована «читателям», которые должны появиться много позже. Посмотрим теперь, как выполняется первое условие. Способ передачи мысли? Согласитесь, что речь и письменность для такой цели не подходят: как средства выражения второй сигнальной системы они крайне условны, и их нужно отбросить.

— Может быть, фильм? — предложил я.

— Да, это было бы лучше. Но, к сожалению, это не фильм. Вернее, не запись световых изображений. Может быть, на этой нити записаны какие-то универсальные восприятия, но записаны каким-то другим образом.

— Который нам еще не понятен, — вставил второй ученый.

— Значит, мы нашли «волос Магомета» слишком рано, — усмехнулся академик. — Но поиски нужно продолжать. Мы проявили записанные на нити импульсы, но на этом наша роль исчерпывается.

— Что вы имеете в виду? — спросил второй ученый.

— Ленинградский институт нейрокибернетики. Надеюсь, там найдут способ прочесть сигналы. Не исключено, что таинственные гости оставили запись своей мыслительной деятельности.

— Как! — поразился я. — Вы допускаете, что нить содержит непосредственную запись мыслей каких-то других существ?

— А что в этом невероятного? Согласитесь, что фиксирование токов мозга — это не только самый полный и непосредственный, но и самый универсальный способ передачи информации.

Когда я прибыл в Институт нейрокибернетики, работы уже значительно продвинулись. Исследования показали, что на нитке записаны именно излучения мозга. Чтобы прочесть запись, нужно было переделать некоторые приборы и аппаратуру.

Задача состояла в следующем. Термоэлектронная запись, превращенная в электромагнитные импульсы, усиливалась и переводилась в омега-лучи (так называются колебания, излучаемые мозгом при мышлении). Омега-генератор нужно было соответствующим образом укрепить на голове у какого-нибудь человека. В случае, если все наши предположения правильны, этот человек испытает все переживания того, чьи сигналы записаны. Опыт предложили проделать на мне самом. Я согласился.

Меня усадили в кресло, закрепили так, что я не мог шевельнуться, надели мне на голову шлем омега-излучателя. Я ощутил холодное прикосновение металлических электродов, и мне показалось, что мою голову обвили щупальца какого-то морского чудовища.

— Не волнуйтесь! Успокойтесь! — раздался незнакомый мне голос. — Мы только пробуем предварительную настройку.

Напряженное ожидание продолжалось несколько минут. Я ничего не чувствовал. Может быть, все это было ошибкой?

Вдруг меня ослепила яркая молния.

— Видите ли вы что-нибудь? — спросил чей-то голос.

— Яркий свет, — ответил я. — Но он погас. Больше я ничего не вижу.

— А теперь? — спросил тот же голос. — Говорите, сообщайте обо всех своих ощущениях, обо всех чувствах и мыслях.

И вдруг я увидел улочку с маленькими домиками, улочку в своем родном городе. Навстречу мне идет тот самый Страшимир Лозев, который принес мне «волос Магомета», но это маленький мальчик, ученик гимназии. Я видел его собственными глазами, видел залитые солнцем камни старой мостовой и в то же время осознавал, что это галлюцинация.

— Что означает это воспоминание моего детства? Разве оно тоже записано на нити?

— Нет, мы только пробуем настройку, — ответил голос.

Исследования продолжались целый час. Я испытал множество ощущений: слышал голоса, музыку, уличный шум; видел давно забытые картины, ощущал холод и зной; чувствовал, что поднимаюсь по лестнице, — чувствовал настолько ясно, что должен был смотреть на свои ноги, чтобы убедиться в их неподвижности.

Вторая часть опытов началась с того, что меня укололи в руку иглой. Однако ко мне никто не приближался: это была запись ощущений одного из сотрудников института. Потом директор института сказал неизвестно почему:

— Плазма — это вещество в сильно ионизированном состоянии.

— Вы ничего не чувствуете? — спросил главный оператор.

— Я только слышал, что Николай Кириллович сказал: «Плазма — это вещество в сильно ионизированном состоянии», но какое это имеет отношение к опыту?

— Имеет, имеет! — весело воскликнул директор. — Вы думаете, что я произнес эту фразу сейчас, а она записана вчера. Я сказал ее товарищу Коновалову, запись мыслей которого вам сейчас передают.

Но «настоящий» опыт был проведен только через три дня. Все началось как обычно: врачи, крес-

ло, шлем. Светились экраны, трепетали стрелки измерителей, мигали контрольные лампочки. А я ждал...

Но тут мне придется прервать свой рассказ и заменить его выдержкой из официального протокола:

«Испытуемый чувствует себя хорошо, спокоен. В 9.21 к омега-генератору подключена запись с точки, обозначенной через лямбда-0733. Все технические показатели соответствуют стандартам, описанным в схеме Г.

Испытуемый молчит, на вопросы не отвечает. Пульс медленно ускоряется и на 4-й минуте достигает максимума — 98 ударов. Кровяное давление слегка понижено, дыхание ускоренное, поверхностное. Температура тела колеблется вокруг нормальной в среднем на $0,1^{\circ}$ в минуту. Тонус мускулатуры резко повышен. Зрачки не реагируют на свет. Кожная чувствительность сильно снижена. В конце опыта испытуемый не реагирует даже на уколы. Через 8 минут 18 секунд, когда рецептор достиг точки на записи, обозначенной через фи-0209, опыт прекращен.

Каталиптическое состояние продолжалось 3 минуты после выключения генератора. Испытуемый шевелится, открывает глаза, несколько раз громко зевает, смотрит блуждающим взглядом и спрашивает по-болгарски: «Где я? Кто вы такие?» Лишь через несколько минут он вполне приходит в сознание и заговаривает по-русски».

Очнувшись, я увидел, что вокруг меня собрались почти все участники опыта. Мне предложили пойти отдохнуть, но на лицах своих товарищей я прочел такой интерес, что тотчас же начал рассказывать о пережитом под влиянием омега-лучей.

Видение началось с моря ослепительных молний, словно я находился среди грозовых облаков. Но молнии были розовые, зеленоватые, переливались всеми цветами радуги. Потом все успокоилось.

Я лечу низко над бескрайней снежной равниной. Небо покрыто мрачными, серыми тучами. Кругом царит странная мертвая тишина, словно уши у меня

плотно заткнуты. Я не ощущаю ничего — ни холода, ни даже своего тела.

Стая косматых четвероногих зверей гонится за огромным оленем. Но я пролетаю мимо, безучастный к кровавой драме, которая вскоре разыграется внизу. Все быстрее, все выше несусь к синеющим горам.

Я ищу что-то, я ищу кого-то!

На мгновение я замечтался. Перед моими взорами, как чудесное видение, возникает другой мир, сказочно прекрасный. Под смешанным светом двух солнц — ослепительно синего и темно-вишневого — блестят величественные металлические здания. В теплом воздухе летают тысячи блестящих овальных предметов. Там кипит прекрасная, разумная жизнь. Там мои близкие, те, кого я покинул. А тут — тут я одинок!

Я лечу... лечу... лечу...

Вот я среди гор. И вдруг я замедляю полет. «Оно» здесь, где-то близко. Я не вижу «его», но какое-то непонятное чувство подсказывает мне, что «оно» тут, подо мной.

Теперь я лечу совсем медленно, низко, чуть не касаясь заснеженных верхушек деревьев. Да, вот «оно»!

По скользкой, посыпанной снегом земле бежит волосатое двуногое существо. Оно напрягает все силы, чтобы уйти от преследователя — огромного, свирепого пещерного медведя. Но сил не хватает. Еще несколько шагов — и страшные, кривые когти чудовища вопьются в спину двуногому.

Я смотрю, и во мне что-то вздрагивает. Это жалкое, некрасивое двуногое дорого мне. Оно совсем не похоже на меня — ни по разуму, ни по внешности. И все-таки я чувствую, что оно близко мне. На этой холодной, неприветливой, чужой планете в нем одном есть что-то общее со мною.

Я могу испепелить зверя. Но я только подумал — и он замер, словно пораженный громом, а потом упал как подкошенный. Он не умер — он только парализован. А двуногое продолжает бежать, гонимое ужасом, даже не оборачиваясь.

Медведь больше не интересуется меня. Я следую за волосатым существом. Оно бежит все дальше в лес, все выше в горы. Спотыкается, падает, встает и снова бежит...

Двуногое приводит меня к пещере. У входа горит большой костер. Вокруг огня сидит с десяток подобных ему существ, закутанных в грубые шкуры.

С появлением беглеца все вскакивают. Начинают быстро шевелить губами. Я не слышу никаких звуков, да мне это и не нужно. Каким-то образом я воспринимаю их чувства: страх при внезапном появлении соплеменника, гнев за то, что он потревожил их любопытство при рассказе о его таинственном спасении. Страх, гнев, любопытство — все это мои чувства; гораздо более примитивные, но все же мои!

Возбуждение вскоре улеглось. Прибежавший затерялся в толпе своих косматых собратьев. Все они дрожат от холода.

Я долго слежу за тем, как они входят и выходят из пещеры, как толкаются, как морщат свои низкие лбы, как рычат друг на друга. Меня наполняют горькая скорбь и мука. Мне жаль этих примитивных существ за их беспомощность. Жаль и самого себя. Меня охватывает чувство одиночества и обреченности. И вдруг под действием непонятого толчка я решаюсь показаться им и становлюсь видимым.

Вокруг меня появляется блестящая сфера, из которой торчит множество металлических щупалец. Существа, увидев меня так близко, сначала цепенеют от неожиданности, потом убегают и скрываются в глубине пещеры. Остается только одно, совсем маленькое, неподвижное и беспомощное. Я приближаюсь. Щупальца молниеносно хватают его и поднимают ко мне. Оно такое же, как все прочие, но гораздо меньше их.

Неужели среди этих жалких созданий я должен искать союзников? Неужели среди них я должен провести свою жизнь? Нет!

Я понимаю, почти вижу, как из этих примитивных созданий развиваются разумные люди, как они набираются знаний и мудрости, как овладевают приро-

дой. Сначала на своей планете, потом и на соседних небесных телах. И настанет время, хотя и чрезвычайно далекое, когда отдаленные потомки этих комматых полуживотных отправят космические корабли к звездам, к моей планете.

Но я не могу дожидаться их бесконечно медленного развития. Я один среди них.

В этот момент я чувствую, что на меня нападают. В меня полетел дождь тяжелых камней. Щупальца задвигались, они без труда ловят брошенные в меня камни и тихонько опускают их на землю. Я могу уничтожить напавших, но не хочу причинять им никакого зла. Опускаю детеныша на пол и снова становлюсь невидимым.

Потом я с бешеной скоростью несусь над бесконечными лесами. Лечу как безумный, то высоко, то над самой землей, словно гонясь за какой-то недостижимой мечтой. Потом все снова тонет в разноцветных молниях, в море сверкающих огней.

На этом кончилось мое видение. Затем характер сигналов резко изменился, и комиссия решила не воспроизводить их, несмотря на все мои настояния. Ученые боялись, что с инопланетным пришельцем случилось какое-то несчастье и что измененные сигналы — это запись его смерти. А никто не может предвидеть, не вызовет ли агония неизвестного тяжелых травм в моем организме.

Что означает пережитое мною под влиянием омега-лучей?

Почему пришелец был одинок? Был ли он единственным в звездолете? Возможно ли, чтобы товарищи покинули его? Я чувствовал муку его одиночества, стремление вернуться на родину, напрасные надежды на помощь наших диких предков, от которых он получил только град камней.

Хотя я жил его чувствами и мыслями всего несколько минут, этот звездный человек, погибший сотни тысяч лет назад на нашей планете, стал мне дорогим и близким.

Где вы, собратья погибшего? Под какой двойной звездой вы живете, творите и мечтаете? Почему не посетите Землю снова? Человечество уже не встретит вас камнями. Или вы боитесь, что оно встретит вас атомными бомбами?

Или вы здесь, среди нас, но укрываетесь в невидимости, не считая нас достаточно созревшими для встречи с разумными существами других звездных миров?

Не это ли ваша тайна — тайна, скрытая в «волосе Магомета», более мудром, чем тысячи мудрецов?

С. ГАНСОВСКИЙ (СССР) НЕ ЕДИНСТВЕННЫЕ СУЩЕ

Шум погони приближался, и, задышавшись, Наар опять подумал: нужно просить Юношу, чтобы он бежал один, оставил его, старика. (Он даже не знал, как того зовут, — просто Юноша.) Но в этот момент могучий низкий рев, который так озадачил весь город и их двоих, когда они выходили из тюрьмы, снова потряс небо и скалы и умолк.

На этот раз он был еще сильнее, всеобнимающий свирепый звук. И он отчетливо ударил сверху, с неба.

Юноша, рослый и красивый, с пристальным суровым взглядом, остановился и повернулся к Наару.

— Ты слышал когда-нибудь такое, Учитель?

Наар покачал головой. Это было чуть-чуть похоже на рев урагана, но погода стояла безветренная. Это походило и на раскаты отдаленной грозы, но рев был

отрывистым, коротким. Казалось, что-то приблизилось сверху, из невероятной дали, ударило как молотом и исчезло опять где-то там, в небе.

— Никогда.

Юноша посмотрел на небо, потом вниз, в долину. Погоня остановилась. Их тоже напугал рев.

Украшенные с длинными бичами в руках и рабы тремя большими отрядами рассыпались по каменистому склону. В каждом отряде было еще по два быстрых диатона, но здесь, на крутизне, эти проворные звери делались неуклюжими — им мешали средние ноги.

Теперь все замерло.

Украшенные — высокие, крупные (каждый почти в полтора раза больше жителя и вдвое выше раба) — остановились, опустив бичи и задрав головы с тяжелыми гребнями к серому клочковатому небу. Рабы сразу же уперлись длинными узловатыми руками в землю и стали отдыхать. Диатоны улеглись на камни, подложив под себя все шесть ног, и стали водить из стороны в сторону длинными узкими мордами.

Потом один из украшенных снял свой шлем с гребнем и помахал им над головой. Наару показалось, что отсюда, издали, он узнает его. Это был старейшина убежища Судилищ и Наказаний.

По знаку старейшины другие украшенные из двух отрядов сошлись к центру долины и стали в кружок. Сверху двум беглецам было видно, как шевелятся их губы — они совещались, поглядывая вверх. Затем они стали расходиться по своим местам.

— Вперед, Учитель, — сказал Юноша.

Они опять побежали, пробираясь в хаосе камней.

«Зачем он вывел меня из тюрьмы, — думал Наар. — Неужели я еще нужен кому-нибудь после этих долгих лет пыток и мучений?»

Он вдруг понял, что видит Юношу не в первый раз. Много дней назад его выводили по обычаю на площадь, и один из украшенных, подгоняя его бичом, кричал: «Вот безумец, который утверждает, будто над нашим небом есть еще одно, светлое! Вот он, кто отрицает Всеобщий Камень!» Он кричал тем осо-

бым гнусавым голосом, к которому украшенные причают себя с детства, чтобы еще и этим отличаться от жителей и рабов. Тогда-то в толпе Наар заметил гордый пристальный взгляд и молодое суровое лицо и с горечью подумал: «Неужели и этот презирает?» Но вот прошли дни, сегодня утром дверь камеры вдруг отворилась, мертвый страж лежал на полу, и Юноша вывел его из города. Зачем?..

Позади, внизу, раздались свистки и резкое щелканье бичей. Погоня возобновилась; беглецы молча прибавили шагу.

«Он называет меня Учителем, — сказал себе Наар. — Значит, есть такие, кто верит мне?»

А сам он уже почти перестал верить себе, и то, что было десятилетия назад, казалось ему почти сном. Тогда, еще молодой и сильный, он был так высок ростом, что в темноте его принимали за украшенного. По ночам он мог бродить по городу, не опасаясь попасть в убежище Наказаний. Наар стал сомневаться в том, чему учили украшенные. Их наука утверждала, что наверху, за серым мятущимся клочковатым небом, нависает вечный Всеобщий Камень, который и заполняет собой все Пространство Пространств. Что океан, который окружает собой со всех сторон край двадцати городов, там, дальше, за горизонтом, упирается в тот же Всеобщий Камень. Что единственная сущая жизнь где бы то ни было есть жизнь двадцати городов — жизнь украшенных и рабов. Камень внизу под нами и камень наверху, над серым небом — вот все, что есть, было и будет.

Но однажды, бродя по берегу, Наар увидел, как тяжелые волны выбросили на камни удивительную твердую траву, которая не растет нигде. Потом, позже, в пещерах рыбаков, которые доставляют украшенным рыбу, вылавливая ее руками, Наар не встречал изделия из той же травы и убедился, что рыбаки верят в то, что за океаном есть еще другие земли и, может быть, даже другие города. Тогда он стал сомневаться и в учении о Всеобщем Камне. Он спрашивал себя, отчего же днем небо светлое, а по ночам темное, почему всегда меняется его цвет,

откуда взялась жизнь в щели камня? И, мучаясь этими вопросами, он решил добраться до неба — влезть на Гору Всех Гор, вершина которой, как утверждала наука украшенных, соединялась наверху со Всеобщим Камнем.

Это было удивительное путешествие. Он поднимался все вверх и вверх, преодолевая кручи и пропасти. Сначала он питался только жестким мохом, который растет на скалах и который составляет единственную пищу рабов. Потом, обессилевшему от голода, ему попало гнездо медоносной птицы. Наар знал, что мед — это пища украшенных и что он смертелен для жителей и рабов. Но он был так измучен, что решил разбить одно яйцо из гнезда и выпить его. Оказалось, что мед не повредил ему, а, напротив, дал силу, хотя он и не принадлежал к украшенным.

Оттуда с высоты он видел сразу пять городов, и все они казались лишь маленькими кучками камешков.

Позже, на третье восьмидневье пути Наар добрался до неба. И оказалось, что оно такое же, как туман, собирающийся вечерами внизу, в скалах у океана. Наар шел все выше и выше, и клочья тумана превратились в поля, а долины внизу не стало видно. Наар уже начал думать, что скоро он дойдет до Всеобщего Камня. Но туман вокруг него и над ним становился все светлее. Страшный холод, который терзал его на высоте, кончился, сделалось тепло. И, наконец, на пятое восьмидневье его путешествия совершилось великое чудо. Серое небо облаков и туманов кончилось, оно бесконечной равниной лежало под ногами Наара. А над ним, над его головой, повсюду, было другое небо, прекрасное, глубокое, синее и сияющее. В этом небе пылал огромный диск — такой яркий, что Наар чуть не ослеп, взглянув на него в первый раз. Лучи диска согрели Наара, дали ему новые силы.

И не было никакого Всеобщего Камня. Диск поднимался над головой Наара, в бесконечную глубину уходила синева неба, вершины гор вокруг были покрыты травами, такими яркими и густыми, каких

Наар никогда не видел внизу, и пели птицы. И мир, который остался под слоем туманов и облаков, мир украшенных и их рабов, казался отсюда темным, страшным и жалким.

Но позже, когда Наар спустился и стал рассказывать в городах обо всем этом, украшенные схватили его, и под пытками в камерах убежища Наказаний он сам почти уже перестал верить в то, что видел.

— Учитель, — сказал Юноша, — обопришь на меня. — Он заметил, что Наару трудно идти, и взял его за руку. — Учитель, я вывел тебя из тюрьмы, чтобы показать одну вещь. Многие из молодых верят тебе, и несколько жителей решило повторить твой подвиг. Мы тайно собирались здесь, на каменном плато, чтобы украшенные не узнали о наших намерениях. И вот много дней назад, когда мы, пастухи, были здесь, вдруг раздался тот же звук, что мы слышим сегодня. С неба вылетел сияющий шар и упал недалеко от нас. Был страшный грохот, и взлетели камни, но потом все стихло. Подойдя к тому месту, мы увидели тяжелый предмет со странным знаком на нем. Мы подняли его и увидели, что он отшлифован так, как могут только разумные руки. Мы хотим показать тебе этот предмет, и ты скажешь нам, что это значит, по-твоему. В том месте нас ждут друзья, мы оторвемся от погони и скроемся в горах...

Он не успел еще договорить, как слева раздался свист и над ними пролетела стрела. Обернувшись, они увидели новый отряд преследователей: в центре трое украшенных, гребни на их шлемах развевались по ветру, по бокам длинной цепочкой рабы, согнувшиеся в быстром беге. Некоторые бежали на двух ногах, другие помогали себе руками. Один из них был уже так близко, что Наар мог различить лукавую усмешку на его лице. Раб хотел схватить его первым, он надеялся получить много пищи в награду.

Справа тоже свистели, еще один отряд появился на плато.

— Беги, Учитель! — воскликнул Юноша. Он толкнул Наара в сторону узкой тропинки между огромны-

ми глыбами. — Беги, там встретят тебя. — Сам же он лег между камней и приготовил свой лук со стрелами.

Наар сделал несколько шагов и остановился. Зачем? Все равно он не убежит. Его тело было совсем слабым, так как во время пыток в убежище Наказаний у него вынули много мускулов из рук и ног.

— Смотрите, смотрите! — гнусаво закричал один из украшенных. — Вот он, безумец, который говорит, что над нашим небом есть еще что-то!

Торопясь, Юноша натянул тетиву и выстрелил. Но стрела только сорвала гребень со шлема украшенного. Испуганный и пораженный, он остановился и огляделся.

Украшенные тоже остановились.

— Ужас! Ужас! — закричали украшенные. — Он поднял руку на всемогущего.

Раб, который был уже в нескольких шагах от Юноши, сделал новый прыжок, протянув вперед руки. Но его настигла вторая стрела Юноши. Пронзенный насквозь, он упал на камни и покатился, кусая стрелу и пытаясь зубами вырвать ее из тела.

Наар бросился назад и лег рядом с Юношей.

— Беги ты, — сказал он. — Убегай, не то ты попадешь в убежище Наказаний.

Юноша резко обернулся к нему.

— Почему ты здесь? Торопись!

Украшенные снова защелкали бичами. Теперь они гнали впереди себя рабов, а сами укрывались за камнями.

— Страшитесь! Страшитесь! — раздался гнусавый голос, и Наар узнал старейшину.

И в этот момент Юноша вдруг схватил Наара за плечо.

— Слушай, Учитель. Опять!

Воздух задрожал вокруг них, и оттуда сверху, где, как знал Наар, за облаками простиралось бесконечное синее небо, донесся рев. Он нарастал, он был громче, чем те два раза. Он становился нестерпимым.

Рабы и украшенные остановились. Все в страхе подняли головы.

Что-то в темноте появилось над ними в густых облаках. Оно все росло и росло, и вдруг из мглы появился огромный, длинный предмет. Источая снизу пламя, он опускался с неба, все увеличиваясь в размерах. Замер на миг над глыбами камня, опустился еще и стал в трехстах шагах от Наара и его товарища.

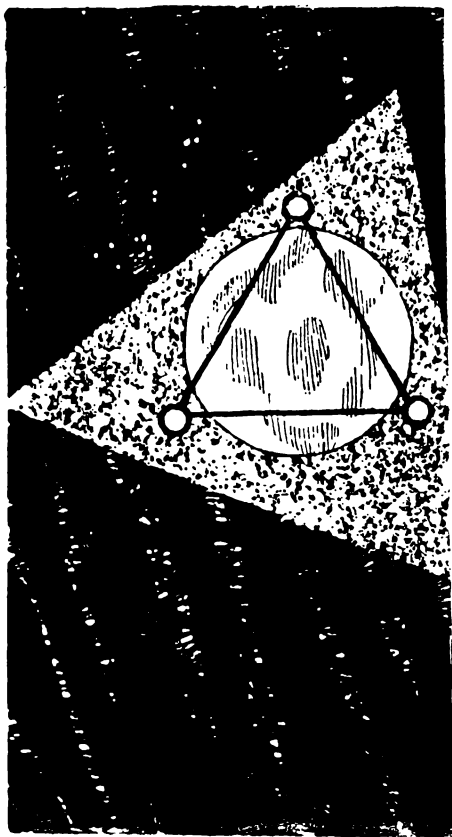
Украшенные и рабы лежали.

— Смотри! — вскричал Юноша, поднимаясь. — Тот же знак, какой мы видели. Пятиконечная фигура!..

Это было в... году, когда первый корабль с Земли пробил вечный слой облаков, окружающих Венеру.

Р. НОР
(Румыния)

ЖИВОЙ СВЕТ

Вершина Чогори была похожа на остров. Пустынный остров, окруженный океаном облаков. Иногда вершина исчезала в этом океане, ее окутывали волны беловатого тумана, сквозь которые не было видно ни неба, ни земли. А потом, когда туман исчезал, можно было увидеть чудо: днем — невероятно синий небосвод, ночью — бесконечность, в которой зажигаются сверкающие огни звезд.

Единственное здание астрономической обсерватории высечено прямо в скале: небольшая комната под

блестящим прозрачным куполом. Здесь живут два человека. Каждые три месяца прилетает конвертиплан и сменяет наблюдателей. Жизнь здесь однообразна, и даже радио едва ли в состоянии скрасить ее.

Оба наблюдателя молоды. Гордону Бакстеру из Детройта и Сергею Аносову из Красноярска вместе нет и шестидесяти лет. Вот уже семьдесят пять суток как они на острове — семьдесят пять дней и семьдесят пять ночей. В Красноярске, как и в Детройте, два с половиной месяца — это не так много. Но здесь день кажется месяцем, месяц — годом, а три месяца — вечностью.

Они подружились, несмотря на различие характеров и на диаметрально противоположность взглядов на жизнь.

Сейчас Сергей спит. Бакстер следит за приборами. Регулирует орбитоскоп и записывает наблюдения в книгу. В тишине слышен только шорох калерона — газа, циркулирующего между слоями купола и препятствующего его обледенению.

Бакстер потягивается и зевает, потом закуривает и смотрит в купол. Небо ясно. В бледном звездном свете другие вершины Каракорума, ниже Чогори, похожи на странный инопланетный пейзаж.

— Вот так должно быть и на Луне, — бормочет Бакстер. — Чертовски высокая гора! Вторая в мире. Ничего нет, кроме неба, утесов и льда. Бррр...

— Гордон, чем ты недоволен?

Голос Аносова заставил Бакстера вздрогнуть.

— А, я разбудил тебя? Уже три часа! Пора уже...

— Я выспался. Если хочешь прилечь...

— Что-то не спится... Знаешь, Сергей, я спрашиваю себя: почему именно мы двое очутились в этой пустыне?

Аносов улыбается уголком губ.

— Разве нас не привела сюда любовь к астрономии?

— Конечно, конечно! Правду сказать, я даже не надеялся, что мне удастся здесь работать. Столько было кандидатов. И все-таки выбрали меня! Это было невероятное счастье. В одной детройтской газете по-

явилась статья: «Гордон Бакстер на высоте 8 600 метров». Трудно описать тебе, что я чувствовал в тот день. Наконец-то у меня была «паблисити»! Ты, Сергей, даже не знаешь, что такое «паблисити»! Пока ее нет, ты даже не знаешь ее настоящей ценности. Стоит тебе впервые вкусить ее сладкой отравы, и начинает казаться, что без нее ты уже не можешь жить. Она делает тебя человеком, создает тебе индивидуальность. Без нее ты — ничто, одна из серых теней, составляющих массу.

Аносов отвечает с легкой иронией:

— Обо мне никогда не писали в газетах. И все-таки я живу как нельзя лучше и никогда не был какой-то частью бесформенной массы.

— Разве у тебя нет желаний, стремлений, честолюбия?

— Конечно, есть. Например, желание открыть что-нибудь новое в этом необъятном множестве звезд, что-нибудь дающее толчок творческим мыслям.

— А знаешь, чего хочется мне? Найти что-нибудь такое, что вызвало бы сенсацию на всем этом глиняном шарике. Репортеры, интервью, конференции, крупные заголовки в газетах...

Косой взгляд Аносова заставляет Гордона умолкнуть. Но через несколько мгновений он начинает снова:

— Я знаю, о чем ты думаешь, Сергей. Что я жаден к деньгам. Да, я люблю деньги! Много денег, без счета. Будь у меня несколько тысяч долларов, я бы бросил все дела и с первым же конвертипланом полетел в Сринагар. Оттуда я бы отправился в Карачи или в Калькутту и сел бы там на самый лучший корабль. Мне с детства хотелось плавать по морям. Говорят, что вода в них бывает разная. В одних морях она голубая и прозрачная, в других — черная, как смола, или зеленая, как бутылочное стекло, в третьих — блестит как золото или серебро.

Аносов смотрит на него долго и как будто удивленно. Потом шепчет:

— И деньги тоже бывают разного цвета.

— Что ты сказал?

— Ничего. Я тебя понимаю, Гордон. Но, видишь ли, мне гораздо труднее объяснить, что привело меня на Чогори.

...Время идет незаметно. До восхода солнца осталось только два часа.

Аносов разглядывает звезды внимательно, почти напряженно, словно пересчитывая.

— Да, это все. Ни одна не пропала, — заключает с удовлетворением «звездный сторож», как называет себя Сергей.

Иногда у него бывает такое ощущение, словно кто-то поручил ему стеречь звезды. Действительно, появление их по вечерам радует его, угасание в утренней заре — печалит. Аносов никогда не писал стихов, но по-своему он тоже поэт. Волосы Вероники, Золотая Рыба, Геркулес... Созвездия, но в то же время драгоценные камни в сверкающем ожерелье легенд.

Наконец Сергей встает с кресла и прижимается лбом к нижней части купола. Странная мысль приходит ему в голову: если бы астронавт с какой-либо другой планеты увидел только эту голую, каменистую площадку, окруженную морем облаков? Не заставило ли бы это его думать, что Земля — нескончаемый серый океан, над которым поднимается только один пустынный островок? Может быть, равнодушно пролетел бы мимо, в поисках другой, более приветливой планеты?

Но что это?

Аносов вздрагивает, поднимает голову и устремляет взгляд в одну точку купола. Неизвестная звезда? Нет... это не звезда, она движется. Может быть, спутник? Но по расписанию сейчас не может быть ничего такого. И потом, она какая-то туманная, размытая... Комета?

Пальцы молодого человека лихорадочно пробегают по кнопкам панели управления, оптические приборы направляются на странную светящуюся точку. Время от времени слышится шелканье съемочного аппарата.

Шум разбудил Бакстера.

— Что случилось, Сергей?

— Смотри, Гордон! — указывает Аносов. — Там вдруг появилась светящаяся точка. Не комета ли?

— Комета? А... да, да, вижу. Кажется, она приближается к нам. Она направляется к Земле, — повторяет Бакстер. — Но траектория у нее необычная для космического объекта... а скорость перемещения... Нет, это не может быть кометой! Это что-то другое!

— Другое?

— Включи-ка радиолокатор!

Комнату наполняет жужжание. Две пары глаз напряженно вглядываются в голубой экран. Ничего! Ни малейшего движения внутри концентрических кругов! И вдруг там вырисовывается пятнышко.

— Электромагнитные волны встретили препятствие! Объект, направляющийся к нам, — это не просто... свет. Это что-то... что излучает или отражает фотоны! — тревожно вскрикивает Бакстер.

Сергей кивает головой.

— Это светящаяся масса треугольной формы.

Бакстер не сводит глаз с неба.

— Она приближается, она явно приближается. Нужно известить...

— Погоди, постой!

— Чтобы кто-нибудь опередил нас? Нужно немедленно же сообщить.

Аносов не отрывается взглядом от треугольника, который за эти несколько минут удвоил свои размеры. Он хватает Бакстера за руку.

— Нет, Гордон! Прошу тебя подождать.

— Подумай, что будет, если кто-нибудь сообщит раньше нас...

— Это неважно. В конце концов о чем мы можем сообщить? О треугольном светящемся пятне, которое приближается к Земле. Подумай лучше, что может получиться. Некоторые газеты только и ждут подобной «бомбы». Кто знает, чего они могут наплести.

— К черту их! Пусть говорят, что хотят! Но пусть упомянут о нас. Я пойду сообщу...

Аносов загораживает ему дорогу.

— Подожди, Гордон!

— Сергей, речь идет о будущем, о моей... о нашей карьере...

Аносов кладет ему руку на плечо и заглядывает прямо в глаза.

— Прошу тебя потерпеть. Скоро мы узнаем, что это.

— Ждать, опять ждать!.. Я человек действия, Сергей!

Аносов притягивает его к себе.

— Слушай, человек действия. Прежде чем действовать, нужно подумать.

Бакстер дает ему дружеский пинок.

— Ладно, так и быть. Хотя это обойдется мне недешево... в несколько тыщенок.

Бакстер садится в кресло. Его взгляд остается прикованным к небу. Светящийся треугольник занимает уже около трети купола.

Постепенно молодого наблюдателя начинает охватывать страх. Страх перед этим странным светящимся пятном, страх потерять случай и не заявить об открытии. Он осторожно встает и начинает прокрадываться к передатчику. Аносов замечает это.

— Кажется, мы договорились, Бакстер?

Упрек оказывается метким и выводит Бакстера из терпения.

— Договорились, договорились... Ждать? Какого черта ждать? Минуты, когда этот проклятый треугольник опустится на Землю? А кто знает, что произойдет тогда?

— Что бы ни произошло, радиограмма не поможет.

Бакстер молча пожимает плечами. Проходит несколько минут.

— Ну, Гордон, пошли!

— Пошли?

Бакстер пожимает плечами и одевается.

Снаружи дует ветер. Треугольник приблизился настолько, что кажется — еще минута, и он сядет на скалы. Свет голубоватого тона ярок, но не ослепителен.

Голубой свет достигает площадки. И ничего не происходит! Только снежные сугробы, словно по волшебству, превращаются в сверкающий хрусталь, а скалы начинают фосфоресцировать.

Потом треугольник перестает быть треугольником. Свет опускается на землю, просачивается в трещины, взбирается по каменистым обрывам, движется к маленькому плато, где высится купол обсерватории.

Оба наблюдателя не двигаются с места, словно окаменев.

— Оно как будто живое, — шепчет Сергей.

— Живое существо! — Бакстер впирается пальцами в руку своего товарища. — Сергей, спрячемся! Скорее! — Голос у него звучит хрипло.

Сергей не слышит. Зачарованно следит за странной игрой голубого света, торопливо ощупывающего каждую пядь почвы.

— Оно ищет что-то! Говорю тебе, оно ищет нас! — кричит Бакстер и устремляется к двери обсерватории.

Его движение словно привлекло свет. Яркое щупальце протягивается за Гордоном, выслеживает его, настигает... Голубой свет окутал его ноги и быстро поднимается по всему телу. За какую-то долю секунды Бакстер сделался светящимся. Он смотрит на руки, тоже засветившиеся странным голубым светом.

Ужас сжимает ему горло. Он готов упасть, но Сергей кидается, чтобы поддержать его.

Аносова тоже окутывает этот голубой свет. Оба они становятся похожими на фантастические существа из глубин океана или с какой-нибудь другой планеты.

«Было ошибкой выходить из обсерватории, еще большей ошибкой — звать с собою Бакстера, — думает Аносов. — Что, если этот голубой свет несет смертельную опасность?» Но взгляд на карманный сцинтиллятор успокаивает его. Радиоактивности нет и следа!

Потом голубой свет покидает их, будто нехотя спускается по их телу и уходит прочь.

Бакстер рассматривает свои руки со всех сторон.

— Что это было, Сергей?

— Не знаю. Химическое вещество или, может быть, микроорганизмы.

— А что, если этот голубой свет, который так тебе понравился, был неодолимым оружием существ с другой планеты?

— Неодолимым оружием? Почему, Гордон, это должно быть оружием, а не знаком мира? Почему контакт между нами, землянами, и разумными существами с другого небесного тела обязательно должен иметь воинственный характер?

Гордон Бакстер не слушает его.

— Из-за тебя, Аносов, все из-за тебя! Если бы не ты, я бы остался в обсерватории. И мир узнал бы о грозящей опасности. Что бы ни случилось, я бы известил об этом! Извещу и сейчас!

Он хочет подняться по ступенькам, но Сергей кликает его:

— Гордон, смотри... там, на плато...

Бакстер неохотно оборачивается. Голубой свет сконцентрировался на маленьком плато близ обсерватории. Там происходит что-то странное. В светящемся пятне ходят волны, появляются волокна и струи. Световая масса кипит, то утолщается, то становится тоньше, расплзается, оставляя голые пятна, потом стягивается, образуя шарики различных размеров. Голубые, фосфоресцирующие шарики начинают какой-то странный танец, какое-то вращение, похожее на...

— Звездная система! — вскрикивает Аносов. — Модель звездной системы! А этот шарик, искрящийся ярче прочих, — это звезда Гемма!

Бакстер подходит на несколько шагов, чтобы рассмотреть.

— Ты... ты прав, Сергей! Невероятно! Видишь, вокруг звезды вращаются шарики поменьше... планеты... И одна из планет... Сергей... не могу поверить своим глазам...

На поверхности шарика показываются контуры карты. Видны океаны, цвет их гораздо темнее суши. Несколько пятнышек, словно небольшие острова, появляются в районе полюсов.

— Контуры исчезли, — замечает Сергей. — Но теперь...

Святящийся шар начинает вспыхивать, словно подает сигналы. Кажется, что он старается привлечь к себе внимание зрителей. Потом карта появляется снова. И так несколько раз.

Бакстер и Аносов подошли к самому краю плато, на котором разыгрывается поразительное зрелище.

— Готов поставить все до последнего цента, — восклицает Бакстер, — что светящийся шарик словно хочет показать нам, откуда он явился!

— Вот именно. Я почти уверен в этом. — Голос Сергея слегка вздрагивает от волнения. — Гордон, он будто бы к нам обращается! То, что мы видели, может быть только сообщением. Известием, посланным обитателями одной из планет в системе Геммы.

Слушай, Гордон! Предположим, что разумные обитатели планеты в системе Геммы решили исследовать космос, ищут в нем высшие формы жизни. Предположим далее, что на их планете есть микроорганизмы, непосредственно поглощающие световую энергию. Они могут использовать ее для перемещения на огромные расстояния и для выполнения программы, вроде программ для кибернетической машины.

— Это похоже на дрессировку!

— Я бы не называл это дрессировкой. Скажем... биологической системой с дифференцированными заданиями. Каждый микроорганизм или каждая группа микроорганизмов выполняет определенную функцию. В данном случае заданием было обнаружение жизни. Живой свет был отправлен в космическое пространство, чтобы найти жизнь. Он встретил нашу планету, нашел на ней самую высокую точку, на которой в этот момент находилась высокоорганизованная жизнь. Он нашел нас, Бакстер, и соответственно программе наше присутствие дало толчок к целой системе сигналов. Я думаю, теперь живой свет улетит.

Действительно, светящиеся шарики начинают расплываться, вытягиваться, снова сливаться в голубоватую массу, гораздо менее яркую, чем вначале.

— Он истратил энергию, — задумчиво замечает

Аносов. — Но в пути он восстановит ее. Каждое самосветящееся космическое тело будет питать его своим излучением. Возможно, вернувшись на свою планету, живой свет выполнит последний пункт своей программы — воспроизведет модель нашей планетной системы, той системы, где он нашел высшую форму жизни.

Живой свет начинает медленно подниматься над землей и колыхается в воздухе, как огромное покрывало.

— Он словно прощается с нами, — шепчет Сергей.

Бакстер смущен, но старается овладеть собою. Когда это ему удастся, он спрашивает, но без прежней убежденности:

— А что, если этот свет был послан для подготовки к нападению? Как ты думаешь, Сергей, могут существа Геммы намереваться...

— Бакстер, Бакстер! — Аносов смеется, но его смех звучит невесело. — Об этом и думать нечего! У существ, настолько высокоразвитых, способных отправить в пространство... биологическую систему с заданной программой, чтобы разыскивать жизнь, — у таких существ не может быть и мыслей о завоевании. А теперь, Гордон, иди и передай: «На Чогори принято сообщение от разумных существ с другой планеты. Это братская весть, весть о дружбе».

Бакстер обрадованно спешит по ступенькам в обсерваторию.

Сергей Аносов остается один на самой высокой точке плато. Он стоит неподвижно, засунув руки в карманы шубы, запрокинув голову. Где-то вдали цвет неба начинает изменяться. Близится рассвет. Треугольник быстро удаляется туда, откуда исходит свет. Он едва виден на фоне светящегося неба и гаснущих звезд.

Сергей поднимает руку к голове. Он словно салютует живому свету, полностью растворившемуся в свете Солнца.

В. КАЙДОШ
(ЧССР)
О П Ы Т

Корабль, из которого он был выброшен в пространство, уже затерялся среди звезд, и теперь тут были только он в своем серебристом футляре и холодный простор вокруг. Он скользил по ведущему его незримому лучу, ощущал волнение при взгляде на сине-зеленый шар, закрывающий уже свыше двух третей черного неба. Шар был посередине сплюснут и лучился холодным, жемчужным сиянием. Над темными пятнами океанов плыла разорванная вата облаков. Специалисты говорили, что в атмосфере планеты содержится много кислорода. Мефи закрыл глаза и поддался приятному ощущению падения.

На Коре не одобряли его проекта, но как биопсихолог, Мефи не имел себе равных, и ему уступили.

...Теперь это был уже не диск, а огромный шар, по краям слегка размытый, неглубоко под ним плыла

волна тумана. В герметичном скафандре начало ощущаться слабое тепло. Атмосфера. Он включил охлаждение и погрузился в туман. Со всех сторон его охватили белесые волны, но луч уверенно вел его в непроницаемой мгле. С волнением он размышлял о том, как это произойдет.

...Самые большие трудности были с историками. Мефи мысленно повторял их возражения: «Слишком молодой вид; всего лишь неполных 100 балов прошло с тех пор, как они стоят на двух ногах и с трудом объясняются членораздельно... В общественном развитии они еще не достигли Уровня Сознания, отдельные племена делятся на множество групп и подгрупп... Высший уровень развития — на северном материке, где живут в гнездах из собранного вокруг материала...»

«Искусственных материалов они не знают, — облегченно сказал он себе, — наконец-то настоящие примитивные существа».

«Они еще не поднялись до уровня мыслящих существ, лишь несколько отдельных особей (здесь следовал ряд с трудом расшифровываемых имен, доступных только автоматам) способны к контакту...» И так далее, и так далее...

Мефи вспомнил, что в записях были упоминания о кровавых войнах, о болезнях и о какой-то непонятной организации, которая обладала, по-видимому, очень большим влиянием, а ее главой был какой-то Папа.

«Пробовать ускорить развитие этих хищников, — говорил ученый Эфир в бурной дискуссии в зале Мышления близ голубых вершин гор Салбанту, — это все равно, что пытаться изменить направление падающей лавины одним пинком ноги. Пройдет еще много балов, прежде чем они научатся понимать Мудрость и Красоту... И жаль рисковать жизнью нашего ученого коллеги Мефи ради столь напрасной цели...» Эфир при этом слегка заикался, а Мефи улыбнулся, — впервые, вероятно, сухой Эфир так явно выражал свои чувства.

Вверху теперь мерцали звезды, восхитительные

мигающие точки на темном фоне. Глубоко внизу плыла поверхность планеты, на которой не бывал еще никто из обитателей Кору. Опасная планета. Он несколько раз прикоснулся к кнопкам на своем широком поясе. Ответом были легкие толчки. На этой стороне планеты была ночь. Он падал во тьму, скользя по незримой нити, направляемый автоматами туда, где была наибольшая надежда на успех. Ибо путь Мефи вел к самому ученому человеку на планете.

На этой планете — на Земле — был в то время год от рождества Христова 1347-й.

Сводчатый потолок комнаты покрывали паутина и мрак. Перламутровые завесы паутины сплетались в серый узор. В поздний ночной час тьме не было покоя в этом пристанище науки. Ее то и дело спугивали желтые, сине-зеленые или красные вспышки, отблески пламени на сводах над очагом. Перед ним среди тигельков и реторт бегал мелкими шажками старик.

Его тень смешно подражала всем его движениям, живописно изламываясь на многочисленных углах и выступях комнаты. Пахло дымом, старой кожей и плесенью от беспорядочно разбросанных по разбитому кирпичному полу огромных книг, переплетенных в свиную кожу. Пронзительно пахло и сернистыми парами и ароматными травами — шафраном и лакрицей.

Старик, размешивавший кипящую на огне жидкость, каждую минуту отскакивал, чтобы заглянуть в раскрытую книгу и подсыпать в тигель то или другое вещество из многочисленных коробочек, стоявших на столе. Иногда он щурился и тер себе лоб, иногда принюхивался к бальзамической смеси в тигле, поглядывал на песочные часы и снова обращался к книге.

— Аркана, возвращающая молодость, — шептал он, — эссенция четырех стихий, падающая с утренней росой на цветы, посланная полной луной или зеленой

звездой, ты вернешь мне жизнь... жизнь, молодость, красоту... — И его беззубый рот пылко твердил слова заклинаний, тщетных и напрасных, ибо никакая мудрость фолиантов не может остановить течение времени.

Глаза у него были старые, усталые, окруженные веерами морщин. Он все изучил, все узнал, все сохранила его огромная память: древние знания халдеев, смелые открытия Альберта Великого, туманные глубины мистики, безнадежную тоску мавританских ученых по чудесном безоаре... «Ах, — покачал он головой, — все это только мечты. И зачем они вообще, если жизнь безостановочно уходит, как песок в песочных часах?»

— Вагнер! — позвал он, прислушиваясь к ночной тишине.

Трижды окликнул он своего помощника, но никто не отозвался.

— Спит, как животное, этот деревенский купец, путающий знание с мелочной торговлей, — пробормотал он и шагнул к двери.

Но тут вспыхнула ослепительная молния, серые своды превратились в светящийся хрусталь, и в их центре возник фосфоресцирующий туман. Старик ошеломленно замигал, но свет уже постепенно угасал. Узловатыми руками, весь дрожа, старик ухватился за стол, его бледные губы беззвучно повторяли: «Отыди...»

Отблеск огня заиграл на высокой фигуре посреди комнаты, одежда незнакомца мерцала и трепетала, как разлитая ртуть. Самым удивительным было его лицо: свет очага превратил оливковый цвет в темно-серый, и с этой плоской маски смотрели трехгранные зеленые глаза. Лицо было без носа и рта, а металлический голос раздавался из овальной дощечки на груди. Дощечка светилась, в ней волновался красноватый туман.

— Привет, прославленный доктор, — прозвучал по-латыни мертвый ровный голос.

— Привет... — прохрипел старик, потом вздрогнул и вскричал: — Отыди, Сатана! — И перекрестился.

Но видение не исчезало.

— Я пришел, — продолжал голос. — Пришел к тебе, как ученый к ученому. Я хочу, чтобы ты меня выслушал. Это будет для блага. Тебе и другим...

Старик уже справился с первым волнением и стал рассматривать странное лицо незнакомца. Да, сомнений нет, — то, как он появился, как ведет себя, как говорит... Это он, он, тот, чьего имени нельзя произнести безнаказанно, это он!

Металлический голос незнакомца колебал комнату и развеивал паутину, мурлыкал, как большой черный кот. Хотя голос говорил понятным латинским языком учености, старик не понимал многого. Незнакомец говорил, что пришел дать свое знание людям этой планеты, смыть кровь с их рук и удалить ненависть из их сердец, рассеять мрак в их мыслях... Да, да, кивал головой старик, но слова проходили сквозь него, как игла сквозь воду. Так велик был его ужас и так велик восторг при мысли, что пришел некто, могущий исполнить его самые тайные желания.

— ...а ты мне в этом поможешь, — закончил незнакомец. Дощечка у него на груди заволновалась и подернулась серым.

Старик решился. Крикнул хрипло:

— Хочу молодость, ибо молодость даст мне то, чего не дали знания.

Зеленые глаза незнакомца внимательно вглядывались в него.

— Я хочу быть опять молодым, как много лет назад, хочу жить и познавать все снова, — добавил старик.

— Ценность, — заговорил металлический голос, — ценность заключена в познании. Я предлагал тебе знания, с помощью которых ты избавишь других от болезней и злобы, и вы будете жить... — Голос заколебался. — Как люди...

Старик упал перед незнакомцем на колени, со слезами на старых глазах, со слезами тоски, столь великой, что она заслонила от него все, даже разум.

— Верни мне молодость, господин, и я отдам тебе себя!

Трехгранные глаза смотрели серьезно. Мефи не понимал, чего старик хочет. На Коре жизнь ценили по действиям, не по количеству балов. Группа Убана, изучавшая записи автоматов после возвращения с этой планеты, должно быть, допустила ошибку. Не может быть, чтобы этот болтливый глупец, опутанный собственным эгоизмом, был самым разумным существом на Земле...

Мефи заговорил неуверенно:

— Молодость... Зачем тебе она?

Старик выпучил глаза.

— И ты спрашиваешь, господин? — Лицо у него задергалось. — Молодость — это весна, кипение крови в жилах, будущность... Молодость — это плодородная почва, куда падают семена знаний... А ты спрашиваешь, зачем мне молодость!

Мефи произнес:

— Я не могу остановить время. Но могу придать твоему телу свежесть с помощью веществ, которых ему не хватает. Это могли бы узнать все, если бы ты захотел, — добавил он.

Но старик уже не слышал его, плясал по комнате, хихикал, хлопал в ладоши и вертелся, опьянев от радости. Тишина заставила его очнуться. Он быстро оглянулся.

Незнакомец стоял в конусе лучей, а гребневидное украшение у него на шлеме — аппарат для связи со звездолетом — сыпало фиолетовыми искрами. Глаза у него перестали светиться и словно закрылись. Старик испуганно умолк.

Через минуту Мефи снова открыл глаза и сказал:

— Дай мне своей крови.

— Для подтверждения договора? — в страхе шепнул старик. Но мысль о близком счастье отогнала сомнения.

Кровь Фауста была нужна Мефи для анализов, он кивнул головой, набирая ее тонкой иглой в блестящий шприц.

Планета не нравилась Мефи. Климат был слишком суровый в сравнении с Корой. Душный летний зной сменился осенними дождями, а когда снег покрыл страну белым молчанием, она стала похожей на холодную гробницу. Из лесов выходили стаи хищников и нападали на неосторожных людей, отличавшихся от них только по внешности, так как люди кидались друг на друга по самым непонятным поводам.

Сначала Мефи удивляло, что наименее воинственными были те, которые больше всего страдали от недостатка пищи. А кровожадные вожди сжигали города и села, убивали и на тысячи ладов мучали людей, работающих на них. «Они больны», — подумал Мефи и мало-помалу начал терять надежду на успех опыта.

Однако то тут, то там он находил признаки разума и красоты. Над зловонным мусором и полуразрушенными хижинами, где жили нужда и болезни, гордо возносились к небу великолепные соборы. Хотя по красоте они превышали все прочие здания, но были пусты, никто в них не жил.

Мефи спрашивал объяснений у своего друга — если можно так назвать того, кто смотрит на тебя со страхом и недоверием. Но доктор Фауст отвечал уклончиво и глядел на Мефи так, словно подозревал его в нечистой игре.

Фауст очень изменился. Биоанализаторы провели сложный анализ его соков, а синтезаторы создали препараты, повысившие у старика обмен веществ. Мефи, специальностью которого была скорее педагогика, почувствовал к коллегам из группы Убана безмерное уважение. Вместо трясущегося старика перед ним был статный мужчина, пышущий здоровьем и энергией. «Теперь, — говорил себе Мефи, — настает время, когда он захочет выслушать меня».

— Ваш мир плох, иллюстриссима, — говорил он. — Император, короли и князья жестоко угнетают вас, обращаются с вами, как с рабочим скотом. Люди трудятся до изнеможения, а плоды их труда идут на войны и уничтожение. Вы сгораете на огне

собственного неведения, вам остаются только дым и пепел.

— Так велит бог, — легкомысленно отвечал доктор и поправлял бородку. На голове у него красовалась щегольская шляпа, а у пояса висел длинный блестящий меч. — Добрый христианин заботится не о здешней жизни, а о вечном спасении.

— Мне кажется, — медленно произнес Мефи, — что я ошибся, когда отдалил вечное спасение от тебя. — И указал на шприц.

Правая рука Фауста отскочила от бородки и нацертила в воздухе крестное знамение. Голос был смиренным:

— Я грешен, знаю, но хочу проникнуть глубоко в корень загадок, потому и просил о молодости...

Мефи улыбнулся.

— Пока что ты проникаешь глубоко в женские сердца. Это нехорошо. Ты говорил, что брату Маргариты не слишком нравятся подарки и ухаживания, которыми ты добился ее благосклонности. Мудрый избегает опасности, а ты ее ищешь.

Доктор положил руку на рукоять меча.

— Я не боюсь. Вот что меня защищает.

— А наука? Почему ты не отдаешь силы устраниению зла?

Фауст пожал плечами.

— Потом.

Когда дверь за ним закрылась, Мефи заиграл на клавиатуре своего широкого пояса. Путь тоннелем нулевого пространства был мгновенным. Материя, стены, расстояния таяли перед мощным электромагнитным полем, которым снабдили его на Коре для полной безопасности. Это был подарок от группы Эфира.

В неприступной пещере, в глубине густых лесов, где раздавались только крики орлов и волчий вой, Мефи устроил себе современное жилище и лабораторию. Тут он собирал сведения от телеавтоматов, невидимые глаза которых носились над городами и селами, светились рядами экранов и жужжали записывающими приборами. С каждым днем он убеж-

дался в обоснованности скептицизма Эфира. Но самой основной чертой у Мефи было упорство. Он не хотел отказываться от своего опыта. Куда его приведет пребывание на этой страшной планете?

Средний экран вдруг засветился.

Экран светился красным. Опасность в лаборатории у доктора. Старт, короткая тьма в глазах у Мефи, потом сумрак, красноватый жар очага, разбросанные книги, а посреди них доктор, бледный, в изорванной, грязной одежде, на сломанном лезвии меча кровь. С улицы донесся крик.

— Господин! — вскричал Фауст, падая на колени. Мефи брезгливо отступил.

— Господин, спаси, защити меня...

Он ползал у ног Мефи, как раздавленный червяк, слезы текли у него по лицу, по выхоленной бородке. Мефи указал глазами на окровавленный меч.

— Ты убил его?

Доктор кивнул.

— Я не хотел, господин, он бранил меня, грозил мне кулаками, я не хотел его убивать, верь мне, он сам наткнулся на меч...

Мефи ощутил внезапную дурноту. «Гнусные убийцы, — подумал он, глядя на распростертое тело брата Маргариты, — упрямые, гнусные убийцы...»

— Ты убил его!

— Спаси меня! — умолял Фауст, и его лицо в отблеске пламени было похоже на маску ужаса. Тоска была такой искренней, что в глубине души у Мефи что-то дрогнуло, и он успокаивающе поднял руку.

В эту минуту на лестнице раздался топот шагов и лязг железа. Дверь на лестницу распахнулась, ударившись о темную кирпичную стену. В свете факелов заплясали тени, отблеск пламени стекал по блестящим латам, как кровавые струи. Усатые, мрачные, смуглые лица...

— Убийца! — вскрикнул кто-то, и женщина с развевающимся облаком светлых волос и безумными глазами кинулась на Фауста. Валявшийся на полу ок-

ровавленный меч говорил яснее слов. Солдаты у двери ошеломленно смотрели на эту сцену.

Тут Мефи выступил из тени и поднял руку.

— Мир! — воскликнул он по-латыни. — Мир!

Никто не понял латинских слов, но они произвели свое действие.

Сначала задрожала группа у дверей. Вопль ужаса, паника, падение тел, шумный, судорожный бой за дверь. Через несколько мгновений от солдат осталось только оружие, да один-два шлема медленно скатывались по ступенькам, разбивая тишину звонкими ударами.

— Мир! — повторил Мефи.

Девушка встала и медленно прижала руку к губам, свирепый огонь у нее в глазах сменился ледяным ужасом. Она медленно отступала шаг за шагом. На лестнице она схватилась обеими руками за волосы и пронзительно закричала:

— Дьявол! Убийца моего брата — в руках у дьявола... Дьявол! — Остальное затерялось в безумном хохоте.

— Ты спас меня, господин... от виселицы.

— И от «жизни вечной», — насмешливо добавил Мефи.

Доктор задрожал.

— Мы не можем оставаться здесь. Если меня не потащит палач на виселицу, то меня ждет костер, — сказал он.

Некоторое время оба молчали.

— Хорошо, — произнес Мефи. — Я спасу тебя. Но ты тоже сделаешь для меня кое-что... Послушай...

Мефи знал, чего он хочет... В городе была чума.

Ее несли на носилках закутанные люди. Ее несли тучи воронов над горами непогребенных трупов. Заупокойный колокол отбивал такт этому страшному призраку в его кошмарной пляске. Забитые двери были покрыты белыми крестами, отовсюду поднимался

запах разложения. Ужас был начертан на исхудалых лицах, и священники в полупустых церквах служили реквием в тишине господнего отсутствия.

Двое прохожих прошли через покинутые ворота под угасшими взглядами стражников, неподвижные руки которых не выпустили оружия даже после смерти.

Тот, кто был повыше ростом, задрожал от возмущения.

— Я не пойду дальше, — сказал он. — Ты знаешь, что нужно делать, знаешь, как найти меня.

Фауст кивнул: зрелище смерти не волновало его. Он шел дальше по тихим улицам, огибал лужи, отскакивал от голодных собак.

Он постучался в ворота дворца. Долгое время ему отвечало только эхо, потом засов отодвинулся, и ворота приоткрылись.

— Я врач, — быстро произнес Фауст.

— Тут исцеляет только смерть, — быстрым шепотом ответил слуга. — У князя заболела дочь, он никого не принимает. Уходи!

Доктор сунул ногу между створами.

— У меня есть средство против чумы, скажи это своему господину.

Дверь приоткрылась больше, показалась растрепанная голова с острым носом. В глазах было недоверие.

— Ты дурак или... — В руке сверкнула пика.

Доктор отскочил, но не сдался.

— Я думал, князь не захочет, чтобы его дочь умерла, — сказал он и повернулся, словно уходя.

Слуга нерешительно глядел ему вслед, потом окликнул:

— Погоди, я скажу о тебе.

Князь был уже стариком, утомленным, закутанным в длинную парчовую одежду, расшитую золотом. На тяжелом столе стояла чаша, в которой дымилось вино. На лбу у князя лежал компресс, пахнувший уксусом.

— Если ты говоришь правду, — медленно произнес он, — то получишь все, чего пожелаешь. Если нет, тебя будут клевать вороны на Виселичной горе. Итак?

Доктор улыбнулся.

— Я не боюсь.

Князь смотрел на него, медленно глядя бороду, иногда нюхая губку, смоченную в уксусе.

— Дочь заболела перед полуднем, она горит как огонь и бредит... Отец Ангелик дал ей последнее помазание. Ты хочешь попытаться?

— Веди меня к ней, — ответил Фауст.

...Тонкая игла шприца слегка прикоснулась к восковой коже; по мере того как по ней струилась серебристая жидкость, под кожей выросло овальное вздутие. Доктор разгладил его и обернулся к князю.

— Теперь она уснет, — сказал он. — Через час жар у нее прекратится, но до вечера она должна спать. Она выздоровеет.

Взгляды присутствовавших следили за ним с суевренным страхом, его уверенность убеждала. Ему верили, как он верил Мефи, но шаги стражи перед запертой дверью комнаты, в которую его потом ввели, отзывались в душе тревогой. В конце концов у врага есть тысячи путей, и замыслы его коварны. Время шло, а в душе у Фауста угрызения совести сменялись страхом. Он беспокойно вертел в руках яйцообразный предмет из голубоватого сияющего вещества; нажав красную кнопку на его верхушке, можно было вызвать Ужасного... но доктор не смел ее нажать.

Когда стемнело, загремел ключ. Слуги внесли блюда с дымящейся пищей и запотевшие бутылки. Они поклонились ему, и это вернуло ему уверенность. Доктор ел и пил, и ему было очень весело.

Потом он снова стоял перед князем, и у старика не было ни компресса, ни губки. Он смеялся и предложил доктору сесть.

— Прости, почтенный друг, тебе пришлось поскучать... Дочь моя спит, и лоб у нее холодный, тебя, наверное, послал всемогущий.

Священник в черно-белой сутане кивал в такт благодарственным словам. Доктору стало неприятно.

— Ах, нет, нет, ваша светлость. Это долг христианина и врача — помогать страдающим...

— Достоин делатель мзды своей, — бормотал монах.

Князь всхлипнул.

— Ты великий человек, доктор... Но можешь ли ты предохранить перед божьим гневом? Есть ли у тебя средство, чтобы отогнать болезнь заранее? Люди у меня умирают, и поля опустели. Кто их будет обрабатывать?

— А кто заплатит десятину? — спросил монах, перебирая четки костлявыми пальцами.

— Есть у тебя такое средство? — настаивал князь.

— Есть, — ответил доктор, и глаза у них алчно заблестели, — но с условием...

— Согласен заранее, — начал было князь, но монах сжал ему руку и спросил:

— С каким, милый сын мой?

— С тем, что вы создадите царство божье на земле.

Молчание. Князь переглянулся с монахом. Доминиканец перекрестился и провел языком по губам.

— Мы не печемся ни о чем другом, сын мой, — тихо сказал он.

Доктор нажал кнопку на яйцевидном предмете и положил его на стол. Они видели это, но ни о чем не спросили.

— Тот, кто примет мое лекарство, забудет обо всем, что было, — сказал он. — Его мысль станет чистой, как неисписанный пергамент. Тот, кто примет это лекарство, не будет знать болезни, и его уста не произнесут слов лжи...

— Когда грозит смерть, то это условие не тяжело, — сказал князь.

Но глаза у монаха сощурились.

— Только бог всемогущий имеет право определять меру страданий, которыми грешники покупают свою долю в царствии небесном. И не человеку изменять его пути, — подчеркнул он. — От чьего имени ты говоришь, доктор? — неожиданно прошипел он.

Доктор окаменел, по спине у него прошел холод.

Во что втянул его таинственный посетитель? Иногда он не сомневался в том, что это дьявол, иногда его речи звучали, как райская музыка. Но разве Сатана не сумеет превратиться в агнца, чтобы скрыть свои волчьи зубы?

Князь поднял руку, и лоб у него стянулся морщинами.

— Ты говоришь, они все забудут... Это значит — забудут и то, кто господин и кто слуга, забудут о по датах и десятинах и о ленных обязанностях?..

Доктор наклонил голову.

— Только бог может править судьбами людей, — строго произнес монах, впиваясь взглядом в лицо князя. — А тот, кто своевольно захочет вмешаться в дела божьего провидения, пойдет в адский огонь и в море смолы кипящей... Так вот, если они забудут, что должны служить тебе, Альбрехт, — насмешливо обратился он к князю, — то кто будет защищать тебя? Кто защитит тебя от мести врагов? Да и ты был бы рад забыть обо многом, правда? — Его аскетическое лицо скривилось в усмешке, и князь скорчился, как под ударом бича.

Монах обратил свой горящий фанатизмом взгляд к доктору.

— А тебе, посланец темных сил, я говорю тут же и от имени божьего, что скорей позволю всему населению города умереть от чумы, чем позволю тебе закрыть им путь к вечному спасению...

Князь опустил глаза и слабо кивнул.

Доктор весь дрожал; он медленно отступал к двери, но сильные руки схватили его и снова подтащили к столу. Мрачное лицо доминиканца не предвещало ничего доброго.

— От чьего имени ты говорил? Кто тебе дал волшебное средство? Кто приказал тебе смущать добрых христиан?

Несмотря на свою молодую внешность, доктор был стар. Убийство, бегство со страшным спутником, угроза костра — все это было слишком много для него. Он знал, что тот, кого инквизитор так допрашивает, уже не сможет оправдаться.

Он кинулся к столу, где пылало голубое яйцо, но монах оказался проворнее.

— А, — вскричал он, — так это и есть дьявольский амулет! — И, сильно размахнувшись, швырнул яйцо о каменный пол так, что оно разлетелось на тысячу осколков. По комнате прошла какая-то волна, словно отзвук далекой музыки.

Доктор упал в кресло, побелев как мел. Он видел, что погиб.

— Это не я, я не хотел, нет, — бормотал он, и по щекам у него текли слезы. — Это он меня соблазнил, он, дьявол... Он вернул мне молодость, молодость! А-ах! — Он положил руки на стол и уронил на них голову, горько рыдая. — Я знал, что это обман, и все-таки поддался ему... Он возвел меня на верх горы, а потом сбросил в пропасть...

В голосе у него звучала такая искренняя скорбь, что оба слушателя вопросительно переглянулись.

Монах отпустил стражу движением руки и заговорил:

— Больше радости в небесах об одном обращении, чем о тысяче праведников... Мне кажется, ты раскаиваешься в своем проступке... а церковь не жестака, церковь — это мать послушных детей...

Доктор приподнял голову и непонимающе смотрел на него.

— Ты спас дочь его светлости. Быть может, это было делом дьявола, ибо и дьявол противно своему замыслу может иногда творить добро... — Монах выжидающе умолк.

— Добро? — пробормотал доктор.

К князю вернулся голос.

— Ты говорил, что у тебя есть лекарство против чумы?

Доктор кивнул.

— Скольких больных ты можешь вылечить?

— Двух, трех, я не знаю, государь... но, может быть...

Монах жестом прервал его. Взгляды обоих владык встретились, и доминиканец слегка кивнул. Он обратился к доктору:

— Дай нам лекарство, и я забуду обо всем.

— Дай лекарство, — усмехнулся князь. — И убираться к черту!

Доктор повертел головой, словно желая убедиться, что она еще сидит у него на плечах.

— Ну, что же? — спросил князь. — На Виселичной горе общество неважное... и там холодно...

— А костер чересчур горяч, сын мой, — прошептал монах.

Фауст проговорил хрипло:

— Да! — И сунул руку в карман.

Монах остановил его, вышел в коридор и через минуту вернулся.

— Это тебе в награду, — сказал он, подавая ему звонкий кошелек.

Фауст не знал, как он выбрался из комнаты, не верил, что жив и свободен. Он шел, пошатываясь, по коридорам дворца и все еще не верил. Но вдруг его схватили сильные руки и бросили в зловонную подземную темницу.

Когда он упал на гнилую солому, из всех углов выползли, пища, крысы.

Зеленоватое сияние заставило его очнуться. Мефи стоял посреди камеры, одетый в прозрачный скафандр. Доктор приподнялся, оперся на локоть, заохав от боли. Прикрыл рукой лицо, как от удара, и застыл:

— Не моя вина, прости, господин, меня позорно обманули...

Зеленые глаза Мефи потемнели.

— Я все слышал. Слышал, как человек в сутане говорил, что скорее пожертвует всеми. — Мефи отвернулся, помолчал. — Нет, это моя ошибка — еще рано, Эфир был прав... Но я видел тут жизнь, упрямую, сильную жизнь, видел тех, кого угнетают подати, войны, болезни и страх. Они живут в берлогах, а строят соборы, — когда-нибудь будут жить во дворцах, а строить Знание... Они сильны, и их много, и поз-

же они меня примут иначе, чем ты. Я вернусь, наверное. А ты слаб, ученейший доктор, хотя и пожелал иметь молодость.

— Спаси меня, господин, я сделаю все! — умолял его Фауст.

Мефи с минуту оглядывал прочные стены темницы, потом улыбнулся.

— Ты сквозь эти стены не пройдешь. Но возьми вот это. — Он подал доктору продолговатый цилиндрический предмет. — Если направишь его на стену и нажмешь вот эти кнопки, вот тут и тут, то путь перед тобой откроется. Потом выбрось его, это опасная игрушка. Встретимся у ворот. Прощай, иллюстрисиме!

Доктор в отчаянии пытался удержать фигуру, исчезавшую в зеленоватом облаке. После нее осталась только тьма. Потом он сжал губы и направил прибор, как было сказано.

...Ослепительная вспышка, грохот рушащихся камней... и ошеломленные стражи застыли, увидев неправильную брешь в стене, в которой висело облако пыли и каменных осколков, а изнутри выползал бурый, вонючий туман.

— Дьявол его унес, — прошептал доминиканец, медленно перекрестившись, когда ему сообщили о необычайном исчезновении узника.

— Сам дьявол, — подтвердил князь и схватился за притолоку двери.

И еще долгие годы спустя они рассказывали людям о том, как ученейший доктор Фауст заключил договор с дьяволом... ибо хотели запугать тех, которые считали науку и знание более важными, чем возвещаемая ими «истина божья».

Я. БЯЛЕЦКИЙ (Польша) ДНЕВНИК ПОВАРЕНКА

3 января 1977 года

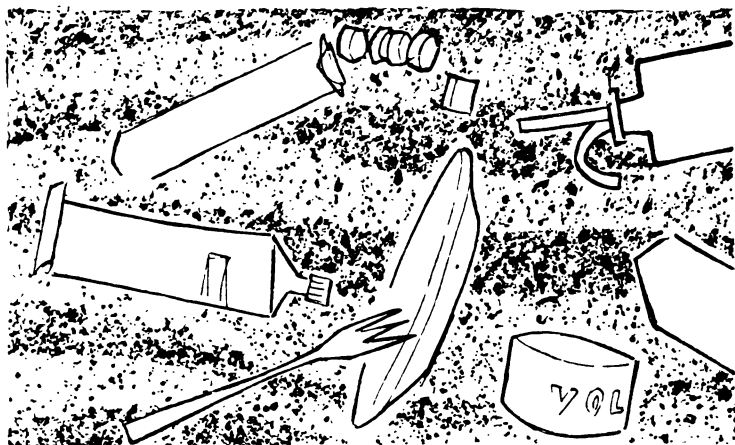
ТОЛЬКО О КУХНЕ

«Поваренок» — именно так меня называют товарищи. Поваренок? Ну что ж, пусть будет поваренок, хотя мой официальный титул звучит немного иначе: «Главный Гастроном Космической ракеты».

Разница, правда? Но правда и то, что не только моим товарищам первый титул пришелся больше по вкусу. Мне тоже! Он гораздо проще, короче, даже как-то вкусней, что ли...

Так что не стану «отыгрываться» на них за это прозвище, а ведь мог бы, учитывая мое положение.

Вопросы желудка даже в космической ракете не менее важны, чем среди обычных едоков земного хлеба. Я целиком и полностью отдаю себе отчет в значимости моей роли. «Через желудок к сердцу мужчины», — так говорится уже издавна. Что касается мужской части экипажа, то я больше хотел бы через желудок попасть к их головам, чтобы они работали на самых больших оборотах, потому что в конечном счете хочу дожить до благополучного окончания путешествия и съесть обыкновенный «земной» обед, на-

пример, в ресторане «Космос» на Жолибоже в Варшаве.

А поговорку «через желудок к сердцу» я хотел бы применить скорее к прекрасной Лизелотте, но, цыц, сердце, я поклялся, что это будет только «дневник поваренка». Обо всем ином, что делается на нашем корабле, вы уж лучше узнавайте из специальных сообщений остальных членов экипажа. И вообще специализация у нас зашла так далеко, что Главный Руководитель профессор Лайош Наги не очень-то разбирается в тонкостях моей работы по выращиванию водорослей. И очень хорошо! По крайней мере я не чувствую комплекса неполноценности по поводу моих довольно-таки слабых знаний в вопросах вычисления трассы нашего полета, принципов работы двигателей, способов запуска прибора, создающего искусственное тяготение, и в тысячах иных вещей. В этом, впрочем, нет ничего странного или унижительного, потому что, к счастью, уже давно канули в Лету времена Аристотеля или Леонардо да Винчи, когда один гениальный человек мог охватить своим интеллектом весь объем тогдашних наук... Так что не ожидайте от меня никаких информации о вещах, не связанных с гастрономическими делами ракеты.

Но непосредственное отношение к моей кухне имеет Искусственный Гравитатор, поэтому немного о нем. Он еще не введен в действие по причинам, известным голько моим высокоученым коллегам «по технической линии». По сему случаю мы находимся в состоянии невесомости, и такое положение продлится еще два дня. У ситуации этой есть свои положительные стороны. Во-первых, я смогу два дня заниматься любопытными экспериментами по приготовлению блюд в состоянии, в котором не находился самый подвыпивший повар мира. Во-вторых, в случае, если бы состояние невесомости оказалось чересчур хлопотливым для выполнения моих обязанностей (вскоре я это узнаю и не замедлю вам сообщить), эти неудобства исчезнут с момента включения Искусственного Гравитатора.

4 января 1977 года

ТОЛЬКО О НЕВЕСОМОСТИ

Когда же, наконец, включат этот Гравитатор и освободят меня от архитрудного положения в кухне? Пока что, несмотря на отсутствие тяжести, я клянусь его самыми тяжелыми словами! Но, видимо, и слова потеряли тут вес, потому что они ни на что и ни на кого не производят ни малейшего впечатления. Все попросту устало от затянувшегося состояния невесомости (вначале это было даже приятно, ничего не скажу) и тоскливо посматривают в сторону толстого туловища Искусственного Гравитатора.

Мой блокнот, выпущенный из рук, танцевал по всей кабине, а я за ним. Наконец после бесчисленных балетных пируэтов мне удалось поймать его и записать только один эпизод из моих кухонных трудностей.

Я решил проявить инициативу и отметить «годовщину», вернее «дневщину», нашего пребывания в космосе. Достал бутылку вина, откупорил, и... из нее не вылилось ни капли!

— Что за глупые шутки? Кто выдул вино без моего разрешения? — спросил я грозно и оглядел бдительным оком всех присутствовавших.

Бдительный взгляд оказался совершенно бесполезным в этой ситуации, когда все подозрительно летали из угла в угол, от пола к потолку и обратно. Тут — в состоянии невесомости — даже самые большие трезвенники не могли избежать «плавательных движений».

Кто выпил? Честно говоря, такое покушение понятно: до сих пор наша пища состоит только из «космического хлеба» — студнеобразного вещества, которое мы выжимаем в рот прямо из туб. Только после запуска Искусственного Гравитатора я смогу всерьез заняться собственной кухней.

— Никто из нас не выпил ни капли, — ответил профессор Оскар Вуд. — Скорее вы, дорогой наш поваренок, не отпили из источника знания достаточного количества сведений о поведении жидкости в условиях невесомости. Вино, юноша, не выльется само, его надо вытряхнуть из бутылки, как густую патоку.

Я возмутился: такой благородный напиток приравнять к патоке! Со злостью (предназначенной кое-кому другому) я ударил в дно бутылки... Из горлышка показался пузырь размером с небольшой арбуз. Я уже начал было подозревать, что вместо вина налил что-то другое, но профессор Иво Иванович объяснил:

— В состоянии невесомости жидкость под воздействием своих внутренних межмолекулярных сил принимает шаровидную форму. Советую вам поздравить нас только после того, как будет запущен Искусственный Гравитатор, а сейчас выдавим тост... из наших туб.

Так мы и сделали. А какой еще выход?

5 января 1977 года

ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ БЕЗ ЗЕМЛИ (или: Я)

Ура! Наш дорогой, наш дражайший Искусственный Гравитатор начал действовать!! Теперь я понимаю, почему ученые пишут его с большой буквы и в разрядку, словно речь идет о какой-то весьма важной персоне. И почему «словно»? Это и есть

весьма важная персона! Благодаря ему я чувствую, что у меня с сердца свалился камень, несмотря на то, что именно теперь-то мы получили вес и Искусственный Гравитатор нагрузил всех нас как бы «камнями» своей силы тяжести.

Я в своей стихии. А стихия моя — это, конечно, гидропоническая ферма. Да, да, я первый космический фермер, но если бы вы спросили такого земледельца: «А сколько, интересно, у вас земли, хозяин?», то ответ был бы не очень типичным: «Нисколько! Ни одной щепотки».

И это не шутка, а беспочвенное разведение растений. Надо сразу же отметить, что я не развожу ни овощей, ни зерновых и вообще ничего из тех растений, которые вы привыкли встречать на своих столах. Я специализировался на выращивании водорослей с энергичным названием хлорелла. Здорово?! Наш коллега, профессор Ямамото из Токійского университета, сможет вам более подробно сообщить, что это такое, именно в его стране уже давно — еще перед рождением первого космонавта Юрия Гагарина — было замечено, что водоросли хлореллы богаты белком, углеводородами и жирами. При соответствующем приготовлении они даже вкусны. Впрочем, кто из вас не любит мороженого? А ведь в состав этого лакомства тоже должны входить водоросли: агар-агар.

А почему я земледelec без земли? Потому, что моя пища растет в бассейне с водой. И как растет! За сутки увеличивает вес в десять раз!

6 января 1977 года

КОСМИЧЕСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня небольшое происшествие. Профессор Антонио Боргезе не только великий астроботаник, но и не менее великий... обжора. Правда, мои водоросли размножаются очень быстро, но в общем-то их не так уж много, так что когда профессор-обжора потребовал третьей добавки, я запротестовал.

— Дражайший мой поваренок, — загремел в от-

вет экспансивный итальянец, задетый за живое, — если ты будешь таким скупым, то я страшно отомщу тебе и камня на камне не оставлю от твоего хозяйства!

— Интересно, каким это образом?

— А очень просто: объявлю забастовку и перестану дышать. На этом ты потеряешь пятьсот литров углекислого газа в сутки. Если мне удастся уговорить и моих коллег, то интересно, что будут есть твои высокоуважаемые водоросли? Для процесса фотосинтеза им нужна не только вода, минеральные соли и солнечные лучи, но также и це-о-два!

Я улыбнулся с чувством превосходства.

— Шуточка ничего себе. Но уверен, вы не жертвуете своим дыханием, а стало быть и жизнью, ради того, чтобы уничтожить мое хозяйство.

В ответ на мои слова порывистый итальянец встал и драматическим жестом указал на одну из дверей нашего «салона».

— Чтобы убедить тебя, — сказал он, — я немедленно отправлюсь в анабиозную камеру и останусь в ней до тех пор, пока ты не перестанешь упорствовать и морить нас голодом из-за этого своего режима экономии.

Профессор Петру КонстантINESКУ тут же взял меня под руку и приятельски посоветовал:

— Это буйная голова. Лучше уступи. Ведь если он даст себя заморозить, то будет тогда жить скрытой жизнью, не доставляя тебе этих пятисот литров углекислого газа ежедневно. Это прекрасный агитатор, он уговорит остальных. А как же тогда с фотосинтезом?

После такого разъяснения я сложил оружие и молча подsunул профессору Боргезе огромную порцию хлореллы клеевидной консистенции, так сильно напоминающей итальянцу его любимые спагетти. Все, не исключая меня и профессора-обжору, облегченно вздохнули, а благодаря этим вздохам облегчения в нашей ракетной микроатмосфере опять увеличилось содержание живительной для моих водорослей двуокиси углерода.

Интересно, разве это не шутка со стороны матери природы, что люди заключили с этими невзрачными «сорняками» (как их уж начали называть самые капризные из моих клиентов) союз на жизнь и смерть? Ведь это действительно так: если бы не углекислый газ, выдыхаемый нами ежеминутно, водорослям нечего было бы есть. А если бы не было водорослей, то нам нечем было бы дышать, так как в наших местных условиях, когда на одного человека приходится сто кубических метров ракетного пространства, уже через двадцать четыре часа в атмосфере корабля содержание углекислоты достигло бы 0,5 процента, а это было бы уже опасно. К счастью, наши водоросли... и так далее и тому подобное.

Это звучит поистине парадоксально: век атомной техники и... один из самых примитивных представителей флоры.

Если бы не эта «замкнутая система», для каждого члена нашей экспедиции мне пришлось бы прихватить тонну питания (триста пятьдесят килограммов сухого провианта и по меньшей мере столько же воды), не считая баллонов с кислородом и аппаратуры, очищающей воздух от излишка двуокиси углерода.

14 мая 1977 года

ТОЛЬКО ОБ ОДНООБРАЗИИ

Прошу прощения за длительный перерыв в моих записях. Но, ей-богу, у меня не было ни минутки свободного времени, чтобы черкнуть хотя бы несколько слов. Мои клиенты взбунтовались уже в начале февраля.

— Эти мерзкие водоросли я видеть не могу! — кричал громче всех не кто иной, как профессор Боргезе. — Если эта стряпуха (это, пожалуй, обо мне...) не изменит меню — вылезу из ракеты! К чему тут астроботаник? Мы должны были собирать на планетах образцы растительности, а где они?

Профессор, как каждый специалист, страдает опасной манией «перегибать палку» только в сторону своей ветви знаний. Все наши опыты с высадкой на пла-

нетах дали результат скорее незначительный, чтобы не сказать нулевой. Профессор Опарин еще в пятидесятых годах предполагал, что самое большое на одной планете из миллиарда других планет могут существовать условия для возникновения органической жизни. Его гипотеза отнюдь не оказалась чересчур пессимистичной. После множества безрезультатных попыток отыскать космическую пищу Главный Руководитель отказался от дальнейших посадок, принимая во внимание колоссальные потери горючего.

Головой космонавты поняли и приняли решение Главного Руководителя, хуже было с их желудками. Не помогло даже подмешивание к водорослевым блюдам «вкусовых веществ», являющихся улучшенным вариантом известной уже несколько десятков лет приправы — глутамина натрия. У меня было несколько коробочек этих специй с разнообразнейшими вкусовыми оттенками, так что я мог предложить космонавтам следующие деликатесы:

- Закуска (водоросли, приправленные соответствующим вкусовым веществом);
- Суп черепаховый (смотри выше);
- Антрекот (смотри выше);
- Индейка с брусникой (смотри выше);
- Беф-строганов (смотри выше);
- Вина, мороженое, сладости (смотри выше).

Увы, что-то в этом разнообразии было «не того». Клиенты все чаще роптали, что-де от индейки с брусникой все явственней и настойчивей несет... хлореллой, что вино является не истинным шампанским, а истинной хлореллой, что печенье не мучное, а хлорелловое. Я проверял надписи на коробочках со специями: гарантия была до конца 1977 года (так, во всяком случае, уверяла Волчанская фабрика пищевых концентратов в Волчке Куявской). Гарантировала, ну и что с того? Я с удовольствием послал бы им из космоса рекламацию, только мне стыдно перед остальными товарищами и вообще перед всем миром: ведь передачи с нашего корабля принимаются приемными станциями всей Земли.

Вдобавок ко всему мой основной преследователь

(я, конечно, имею в виду профессора Боргезе) ухитрился выследить мою тщательно скрываемую тайну, имя которой «круговорот воды». Избавлю вас и себя от перечисления всех резкостей, которыми осыпал меня профессор Боргезе после своего открытия, лучше объясню сам, в чем дело.

Так вот, было бы непростительно тратить место, забирая на ракету такое количество воды, которое необходимо для каждого члена экипажа на целый год. Это составило бы примерно тонну на нос, включая не только удовлетворение годовой жажды, но и использование определенного количества для гигиенических и технических целей. Вместо этого у нас «круговорот воды»: вода, выделяемая нашими организмами, очищается и становится снова пригодной к употреблению. Умной голове достаточно двух слов, больше ничего не скажу.

— Если бы я знал, что буду принужден пить что-либо подобное, — гремел профессор Боргезе, — ноги моей не было бы даже на первой ступеньке лестницы, ведущей в ракету.

У него даже в горле перехватило во время этой речи, и по привычке всех ораторов мира он быстро осушил стакан воды, очищенной в «замкнутой системе», который я услужливо ему подал.

7 июля 1977 года

ТАБЛЕТКИ ВООБРАЖЕНИЯ!

Перечитал дневник. Оказывается, я еще ни словом не обмолвился о втором польском участнике нашей экспедиции профессоре Кароле Гринцеком. Что ж, до сих пор он мало выделялся, вежливо ел водоросли, всегда задумчивый, углубленный в свои проекты.

Но вчера он подходит ко мне, лукаво улыбается и говорит:

— Мне удалось получить вещество, с помощью которого ты приручишь даже не умеющего вести себя за столом профессора Боргезе.

Я не мог поверить своим ушам. Называется это

чудо пилюли воображения. Спешу дать вам представление о них: достаточно проглотить невзрачную таблетку, соответственным образом «затитулованную», например «котлета свиная», «салат из овощей», «сливовица», «кнедлики», «перцовка» и т. д. и т. п., чтобы пережить наяву (причем одновременно можно свободно беседовать с товарищами о кибернетике) все обонятельно-вкусо-осязательные ощущения «заказанных блюд». Не надо тут никаких добавок из моих водорослей, чтобы чувствовать полный рот пищи.

Когда я прямо-таки обжирался бигосом, профессор неожиданно задал мне вопрос:

— Ну и как, нравится?

Я не смог сразу ответить: язык был занят смакованием прелестей этого фирменного блюда нашей старопольской кухни.

Я бросил моему несносному итальянцу одну такую таблетку воображения из серии «спагетти в томатном соусе» в стакан с чаем. Он вскочил после первого же глотка и взревел:

— *Mattpa mia!* Где я?! В космической ракете, отданный на растерзание этому кухарю, или в моем родном Неаполе в ресторане «Ла Пиза»?

Мы с профессором Гринецким обменялись победными взглядами. Профессор Боргезе так сжал меня в объятиях, что я почувствовал опасения за судьбу бигоса, которым был набит мой желудок. К счастью, я вовремя вспомнил, что мой орган пищеварения наполнен одним лишь воображением.

Область применения пилюль воображения польского профессора не ограничивалась только вопросами гастрономии. Например, профессор Джордж Кеннет из Калифорнийского университета попросил пилюлю, именованную: «Потрясающий боевик с Гарри Купером в роли благородного ковбоя». А профессор Михаль Серранд... Но я обещал не писать о вещах, не имеющих непосредственного отношения к гастрономии (любопытных отсылаю к третьему тому «Записок Участников Космических Экспедиций», стр. 324. Издательство микрофильмов, Женева).

30 августа 1977 года

ОКОНЧАНИЕ, НО ОТНЮДЬ НЕ КОНЕЦ

Наше путешествие пришло к счастливому, то есть земному, концу. Я снова земной землянин, столующийся в пунктах общественного питания. Только иногда, когда мне приходится слишком долго ждать автоматического кельнера (коррелирующие винтики порой еще попадают бракованные, и отсюда частые замедления в обслуживании), чтобы сократить муки ожидания, я проглатываю пилюльку воображения с содержанием, специально созданным профессором Гриневским по моему заказу:

«Кипячение в смоле, а также иные адские муки для изготовителей бракованных коррелирующих винтиков».

Вот, собственно, и все, но это еще не конец. Интересующихся другими аспектами нашей экспедиции, а не только «кухонными проблемами», я отсылаю к обширной специальной литературе:

Лион Фок, Защита от космического излучения (Ауфбау Ферлаг, стр. 659 + 4 вкл., богато иллюстр., 1976 г. изд.);

Е. Дин, Психотерапия космического утомления (Нью-Йорк, 1975);

Игорь Стрелицин, Новые ракетные двигатели (Москва, Космосгиз, 1977 г.);

Лайош Надь (Главный Руководитель нашей экспедиции), Задачи космической ракеты (Будапешт, 1976).

Можно прочесть и другие труды.
Приятного чтения!

II. ЧЕЛОВЕК- ИСКАТЕЛЬ

**Е. ВОЙСКУНСКИЙ,
И. ЛУКОДЬЯНОВ
(СССР)**

АЛАТЫРЬ-КАМЕНЬ

— Опять эта луковица, — сказал Олег. — Ребята! — закричал он. — Идите сюда!

Первой вышла из палатки Света. Она посмотрела на небо, затянутое облаками, и состроила гримаску. Потом взглянула на свои брюки и ботинки, заляпанные высохшей грязью, и только после этого на Олега.

Олег стоял возле огромного валуна и махал рукой.

— Сумасшедший, — сказала Света, — в одной майке. — Она заглянула в палатку. — Володя, Борис, выходите! Олег опять что-то нашел.

Володя вскочил и, приставив ладонь ребром ко

рту, протрубил сигнал побудки. Борис плотнее завернулся в одеяло.

— Физик, а спит, как лирик, — сказал Володя. — Растолкать его?

— Не надо, — ответила Света. — Раньше семи он все равно не встанет.

Она пошла к Олегу. Володя, позевывая, шагал за ней.

Сосны торчали прямо из скал. Низкорослые березы протягивали скрюченные руки, будто просили милостыню.

— Смотрите, — сказал Олег. — Опять эти изображения.

На шершавом валуне было высечено нечто вроде луковицы, положенной набок.

— Понимаете, — сказал Олег, — я делал зарядку. Бегу мимо этого валуна, смотрю — луковица! Такая же, как в Марьином посаде. И как у того болота, где Светка вчера завязла.

— Н-да, — сказал Володя. — Только, по-моему, это не луковица, а стилизованная стрела.

— Наконечник стрелы! — закричал Олег. — Верно, Вовка! — Он сорвался с места и побежал в палатку.

Подошел Борис, сонный, взлохмаченный.

— Опять первобытные картинки, — лениво сказал он. — Прошу учесть, что сегодня не моя очередь готовить завтрак.

— Боречка проголодались, — сказала Света. — Боречка гnevаются.

— На себя гневуюсь. Заташили чуть ли не в тундру. Навешают столетних старух, записывают драгоценные сведения: на море-окияне, на острове Буяне лежит бел-горюч камень алатырь, под им меч-кладенец в девяносто пуд... Почти полторы тонны. И чего он там лежит? И чего я, дурак, за вами увязался, последние каникулы гублю, или, как там у вас в фольклоре, коту под хвост пущаю? Вам-то хорошо, у Вовки царевна Лебедь при себе, а этот сказочник...

Он кивнул на возвращающегося Олега и горестно махнул рукой.

Олег нацелился объективом «Зоркого» на валун и щелкнул затвором.

— Явный наконечник стрелы, — сказал он, закрывая футляр. — Хотел бы я знать, куда он указывает.

— Какой еще наконечник? — проворчал Борис. — По-моему, это капля. Обтекаемое тело. И направление указывает не острый конец, а тупой. И вообще надо готовить завтрак. Слушай, царевна Лебедь, займись. В конце концов твоя очередь.

Завтракали в палатке, под шорох дождя.

— Древние зря ничего не сочиняли, — говорил Олег. — Вот хотя бы алатырь-камень. Не зря же, черт побери, в Голубиной книге царь Волотоман Волотоманович спрашивает царя Давида Иесеевича, какой камень всем камням отец, а тот ему отвечает: алатырь-камень!

— Ты ешь, ешь, — заботливо сказала Света. — Копаешься ложкой, а в рот не кладешь.

— Посмотри, как Боря хорошо кушает, — добавил Володя.

— Пустяковая у вас профессия, — с полным ртом отозвался Борис. — Разговорчики одни! Сказочки! Ваш камень алатырь во всех сказках бел и горюч, а где-нибудь эти свойства используются?

— По классификатору Аарне-Андреева алатырь-камень чаще всего упоминается в заговорах от всяких напастей, — сказала Света тоном первой ученицы, — а свойства его действительно не используются.

— Это неверно, — возразил Олег. — Упоминание в заговорах о камне — это симпатическое обрядовое действие. Его смысл таков: прикосновение передает слабому свойства камня — силу и крепость. Веселовский считает, что алатырь-камень — это алтарный камень Сионского храма. А по Надеждину, «алатырь» — испорченное греческое «электрон», «илектр», то есть янтарь. Кстати, янтарь горюч...

— Помнишь, как в азбуковниках о нем говорится? — перебила его Света. Закрыв глаза, она произ-

несла нараспев: — «Илектр — камень зело честен, един от драгих камней тако именуем, златовиден, вкупе и сребровиден...»

— Греки еще и не так воспевали янтарь, — заметил Володя. — И красивый он и электризуется, если потереть его суконкой. Понятно, что на него всякую лирику накручивали. — Он перехватил укоризненный взгляд Светы и поспешно добавил: — А вообще, очень здорово сказано: «камень зело честен и...» Чего там еще? Просто замечательно сказано!

После завтрака стали укладываться в дорогу.

— Где мой молоток? — спросил Володя, роясь в рюкзаке.

— Вот он. — Света протянула ему геологический молоток на длинной рукоятке. — И не смей больше класть его в мой рюкзак.

— Я не клал, — удивленно сказал Володя. — Хорошо помню...

— Ладно вам, — сказал Олег. — Вот что я думаю, ребята. Борька подал правильную мысль насчет капли. Надо идти в том направлении, куда она указывает.

— Но она указывает в сторону от Тарабаровки, — заметил Борис.

— Ничего, в Тарабаровку еще успеем. Я не прощу себе, если мы не посмотрим, куда ведут эти знаки. Борис пожал плечами.

Что делали ленинградские студенты в Северной Карелии?

Два года назад Олег, студент-филолог, побывал в этих местах с экспедицией фольклористов. Зачарованно слушал он неторопливую речь сказительниц, и лад русской сказки, ее печаль и юмор, как говорится, навсегда покорили его душу. Еще тогда Олег придумался над частым упоминанием камня алатыря.

Последние каникулы он решил снова провести в северном озерном краю. С ним поехала Света, однокурсница и такая же энтузиастка фольклора. Что касается Володи с геологического, то ему было все рав-

но, куда ехать, лишь бы со Светой. В последний момент за ними увязался Володин друг, Борис, физик с четвертого курса: он надеялся сбросить с себя несколько лишних килограммов.

На 66-й параллели четверка сошла с мурманского поезда. В синих сумерках белой ночи долго шли лесной дорогой, дыша промозглым холодом болотных испарений и ругая Олега.

В Марьином посаде — поселке у тихого Куг-озера — жила старушка сказительница, знакомая Олегу по прошлой экспедиции. Уступая настойчивым просьбам Олега, она читала, шамкая беззубым ртом, сказки и духовные стихи. Олег и Света были в восторге. Володя мало что понял, но тоже хвалил старушку. А Борис незаметно уходил из избы: или слонялся по берегу, или удил с мальчишками рыбу.

На третий день Олег решил идти в Тарабаровку, где жил некий дед, по слухам, достаточно бодрый и знавший тьму-тьмушую всяких старин. Закинув рюкзаки за плечи, наши друзья тронулись в путь.

Огибая Куг-озеро, они неожиданно наткнулись на странный знак, высеченный на скале. Это была замечательная находка. Олег сфотографировал на скальное изображение и всю дорогу говорил только о нем. Второй раз «луковица» была обнаружена возле торфянистой болотной топи, на плоской каменной плите.

И вот в третий раз тот же загадочный знак.

Шли, держа направление по компасу. Продирались сквозь чащу, потом пошел мелкий кустарник, зеленые разливы брусники и волчьей ягоды. Под ногами то пружинила мягкая торфяная подстилка, прикрытая рыжеватым мхом, то стелился серый, потрескавшийся гранит. Олег внимательно осматривал все встречные камни.

Борис остановился.

— Так нельзя, ребята, — сказал он, тяжело дыша. — Мы черт знает куда забредем. Давайте возвращаться, пока не стемнело.

— Нет, — сказал Олег.

Маленькое озерцо открылось неожиданно за беспорядочным нагромождением валунов. Оно было светло-голубое и формой напоминало подошву. Будто сказочный великан ступил здесь огромной ножищей, а потом вода залила след. Сосны вплотную подступали к озеру. Вокруг стояла такая тишина, что звенело в ушах.

— Ну и глухомань, — сказал Борис. — Забудешь, что есть на свете телевизор.

— По-моему, здесь надо ночевать, — заметил Володя.

Стемнело. В сумерках северной ночи поползли белесые ленты тумана, и лес стал невесомым и прозрачным. Студенты лежали в палатке, плотно завернувшись в одеяла.

— Я все думаю об этих знаках на скалах, — сказал Олег. — Каплевидная, обтекаемая форма — указательный знак высокой культуры. Может, более высокой, чем наша... Ведь мы до сих пор обозначаем направление первобытным знаком оперенной стрелы... Ребята, а вдруг здесь была древняя цивилизация? Совершенно неизвестная...

— Куда же она подевалась? — сонно спросил Володя. — Цивилизации не исчезают бесследно.

— А ледниковый период? — возразил Олег. — Великое оледенение начисто смело все следы.

— Послушай-ка, — перебил его Борис. — Ты утром упоминал царя... как там его? Валидол Валидович, что ли?

— Волотоман Волотоманович.

— Во-во! Не говорил ли он, что по ночам надо спать?

Олегу приснился чудной сон: будто он упрашивал деда из Тарабаровки прочитать былинку. Хитрый дед долго не соглашался, а потом сел к телеграфному аппарату и принялся выстукивать былинку. Олег не знал азбуки Морзе и сердился. Он проснулся и помотал головой, избавляясь от наваждения. Но ме-

таллический стук почему-то не исчез. Он приглушенно доносился из-за палатки.

Олег огляделся. Рядом похрапывал Володя. Вон Светкина белокурая голова на резиновой подушке. А Бориса в палатке не было. Встревоженный Олег встал и откинул входное полотнище. В палатку вполз туман. Олег не удержался и чихнул.

— Что случилось? — Света сразу проснулась. — Ты куда?

— Пойду посмотрю, где Борис. Да ты спи!

Олег вышел из палатки. В предутренней синеватой мгле лес был полон движения. Несильный холодный ветер гнал клочья тумана, они цеплялись за кусты и стволы сосен. Олег, осторожно ступая, пошел на звук. Вдруг возле нагромождения валунов он увидел человеческую фигуру. Это был Борис. Он бил чем-то металлическим по валуну.

Олег тихонько подошел ближе и увидел на валуне свежесеченную «каплю». Так вот оно что!

— Ау, мальчики! — раздался Светин голос.

Борис выронил молоток и зубило. Подошли Света и Володя.

— Поймали, черти, — сказал, ухмыляясь, Борис.

Володя изумленно посмотрел на «каплю» и захотал.

— Колоссальная хохма, — выдавил он сквозь смех. — А я... все думаю, почему мой молоток оказался в Светкином рюкзаке...

— В темноте перепутал, — сказал Борис. — Каюсь, братцы, те три знака я для смеху вырубил. Старался. Землей затирал для древности. Самому надоело, но сегодня необходимость заставила. Надо, думаю, повернуть «каплю» на обратный путь. Чтоб не блуждать зря по лесу... А то вы тут уже и древнюю цивилизацию выдумали. Я, правда, имел в виду пришельцев из космоса...

Все смеялись, кроме Олега. Вид у него был подавленный.

— Кретин! — сердито бросил он Борису и пошел в палатку.

— Ой, что это? Смотрите, ребята! — воскликнула Света.

Там, где седые валуны уходили в воду, на ее темно-серой поверхности переливалось и мерцало световое пятно.

— Как будто фонарь под водой горит, — проговорил Борис. — Это уж не моя работа...

Утро выдалось теплое, даже солнечное. Света растопила в консервной банке кусок свиного сала, и Борис начал тщательно мазать Володю, изо всех сил втирая жир в кожу.

— Маленько пощипывает, соленое, — сказал Володя. — Авторитеты рекомендуют для этого моржовый жир. Ну, ничего.

Он обвязался концом веревки и решительно вошел в воду.

— Ух, черт! Холодная! — вырвалось у него.

Место оказалось глубокое. Володя нырнул, Борис потравливал веревку вслед. Через минуту Володя вынырнул, тяжело дыша.

— Ну! — закричала Света. — Долго ты будешь отфыркиваться? Вылезай, замерзнешь!

Володя шумно вдохнул воздух, перевернулся в воде, на мгновение показав пятки, и исчез. Томительно текли секунды.

— Борис, сейчас же вытаскивай его, — не выдержала Света.

Борис взял за веревку, но Володя в этот момент вынырнул и быстро подплыл к берегу. Веревка осталась в воде.

Олег принялся растирать Володе спину палаточным чехлом.

— Что ты там нашел? — спросила Света. — Не тяни, Володька!

— Наоборот, — сказал он, прыгая на одной ноге и натягивая брюки. — Именно тянуть надо. Взяли, ребята!

Студенты вытащили на берег золотистую глыбу

величиной с бычью голову, накрест обвязанную концом веревки.

— Золото! — вырвалось у Светы.

Она наклонилась, тронула мягко светящуюся поверхность — и отдернула руку.

— Что такое? — сказала она растерянно. — Как током ударило...

— Значит, мне не показалось, — сказал Володя. — Меня тоже дернуло, когда я его обвязывал.

— Ну-ка, отойдите. — Борис достал складной нож с деревянной ручкой и разрезал узел. — А теперь будем соображать. Давай, Вовка, камни по твоей части.

Володя умелым ударом молотка отбил от глыбы маленький кусочек.

— Зачем ломать? — тихо сказал Олег.

— Погоди, — Володя впился взглядом в свежий излом.

Излом заметно посветлел, из него брызнул сноп света. Потом он стал быстро тускнеть.

— Н-да, — сказал Володя. — Вообще в этих местах водится минерал гакманит. Он серый, а в свежем изломе — вишневый. Через четверть часа излом опять сереет. Если его подержать несколько месяцев в темноте и вынести на свет — он на несколько секунд краснеет... Но это не гакманит.

— А что же? — нетерпеливо спросила Света.

— Погоди. — Он продолжал вертеть обломок. — Вообще камни света не любят. Добытки драго-ценных камней считают, что камень надо с год подержать в темном, сыром месте...

— Язык твой — враг мой, Вовка! — воскликнула Света. — Брось читать лекцию, говори толком.

— А на Урале дымчатый кварц превращают в золотистый, запекая его в хлеб... Ладно, умолкаю.

Володя поскоблил обломок ножом, понюхал, положил в ложку и подержал над костром. Обломок стал оплавляться по краям и вдруг вспыхнул. В воздухе разлился приятный, незнакомый запах.

— Как ты говорила, Света? — спросил Володя. — «Камень зело честен...»?

— «Един от драгих камней тако именуем», — подхватила она. — А что? Разве это...

— Похоже. Но если это янтарь, то какой-то необыкновенный. Обыкновенный янтарь образовался из окаменевшей смолы хвойных деревьев третичного периода. Запах нагретого янтаря — смесь аромата гвоздики и хвойной смолы. А здесь не то... И цвет несколько необычный. И свечение...

— Значит, не янтарь? — спросил Олег.

— Анализ нужен. Обыкновенный янтарь — $C_{10}H_{16}O$. Возраст — до миллиона лет. А этот камешек по-моему, постарше. Может, он, чудак, не из хвойных, а из каких-нибудь гигантских папоротников каменноугольного периода. Палеоянтарь, так сказать.

Пока шел этот разговор, Борис, присев на корточки, трогал глыбу кончиком ножа. С легким треском проскакивали искорки.

— Он статически заряжен, — сказал Борис, выпрямляясь. — И соломинки притягивает. Сколько, ты говоришь, ему лет, Вовка?

— Четверть миллиарда, не меньше.

— Так вот, братцы. Эта штука обладает свойствами электрета.

— А что это такое электрет? — спросила Света.

— Видишь ли, некоторые смолы, попадая в расплавленном или мягком виде в электростатическое поле и застывая в нем, становятся электретами: они сохраняют электрический заряд так же, как магнит сохраняет магнитные свойства.

— Что же могло его зарядить? — спросил Володя.

— Откуда я знаю? Во всяком случае, естественное электрическое поле. Близкий удар молнии, поток космических лучей или еще что... Много ли мы знаем об электрическом поле Земли тех времен? Да мы, собственно, о существовании электретов узнали несколько десятков лет назад, хотя их предсказывал еще Фарадей...

— Ясно одно, — продолжал Борис, помолчав. — Эта смола попала в мощное статическое поле имен-

но в размягченном виде, когда дипольным молекулам легче переориентироваться. Все плюсы в одну сторону, минусы — в другую... А потом быстрое охлаждение, поток воды например, и заряд стал вечным...

Начало темнеть. Олег разжег костер, Володя подвесил чайник.

— Ребята, — тихо позвала Света. — Смотрите, как странно мошка облепила глыбу!

Действительно, мошки — проклятие северного лета — тучей роились над камнем, так и лезли на его неровную поверхность.

— Он их притягивает, — проговорил Олег. — Смотрите, они садятся не повсюду, а как-то с разбором.

— Верно, — сказал Борис. — Кажется, это не просто электрет, а и фотоэлектрет к тому же. Если во время застывания на поверхности янтаря отражалось то, что было вокруг, темные и светлые пятна могли зарядиться по-разному. Поэтому мошку и притягивают определенные места. — Он нагнулся над глыбой.

— Посмотрите, ребята! — Олег внимательно разглядывал черные от налипшей мошки пятна на поверхности янтаря. — Какой-то рисунок. Вот человеческая рука!

— Где? Вот это? — Борис хмыкнул. — При некоторой фантазии.

— Конечно, рука, — вмешалась Света. — Вот пальцы...

— А вот лицо человека! — воскликнул Олег.

Действительно, темные пятна на камне образовали смутный, с пробелами в деталях рисунок. В левом нижнем углу — лицо: шапка волос и рот, раздранный криком. Голая рука со скрюченными пальцами вытянута вверх — она зовет на помощь. На заднем плане — неясные фигуры. Торчат не то палки, не то копыя. И наискось, через весь рисунок — изломанная, резко очерченная светлая полоса.

Ребята долго молчали, вглядываясь в окаменев-

шее мгновение из невероятно далекого прошлого. Первым опомнился Олег. Он принес фотоаппарат и «вспышку», сделал несколько снимков.

Вода в чайнике закипела. Света заварила чай, собрала ужин.

— Олег, почему ты не пьешь и не ешь?

Олег не ответил. Он сидел, полузакрыв глаза и глядя в пляшущий огонь.

— Хотите послушать? — негромко спросил он.

И, не дожидаясь ответа, начал рассказывать, перемежая речь задумчивыми паузами.

— Это было давно. Бесконечно давно. Человек нашел яркий, полупрозрачный камень. Его бедное воображение было без остатка поглощено глубокой красотой цвета.

Чтобы камень стал еще красивее, человек сбросил с плеча звериную шкуру и сильно потерял мехом. Тогда камень начал притягивать сухие травинки. Человек склонился над ним, и его волосы потянулись к камню. До ночи, забыв про охоту и пищу, он забавлялся камнем. А ночью, когда он протягивал к камню палец, голубые искры с треском выскакивали из-под ногтя. И ему казалось, что, прикасаясь к камню, он делается сильнее.

Долго человек скрывал камень. Но племя заметило, что он уклоняется от охоты. Его выследили: тайна существует недолго.

Вождь, заботясь о племени, решил принести чудесный камень в жертву главному божееству — Огню. Потому что Огонь важнее Солнца: оно светит только днем и не может разогнать ночной мрак, полный непонятных ужасов. Это под силу одному Огню.

Ночь была темной и бурной, когда камень положили в костер. Жарко пылал беспощадный Огонь, и камень вспыхнул по краям и потек, и незнакомый аромат щекотал ноздри и дурманил людей.

Человек с криком отчаяния бросился к костру, чтобы спасти чудесный камень. Но охотники схватили его.

Наверху загрохотало, удар грома распорол темное небо, сверкнул белый извилистый клык молнии. Мать Огня ударила в костер, разметала его, потушила. Хлынул ливень...

Олег умолк и обхватил колени руками.

Света улыбнулась ему и тихонько похлопала в ладоши.

— Недурно изложено, — проворчал Борис. И, помолчав немного, добавил: — Ты, старик, не сердись. Но я физик. И мне, ой, как надо бы знать, что же послужило линзой, спроектировавшей изображение на камень.

— Я не сержусь, — ответил Олег.

— А вообще, — сказал Борис, — ради этого камешка стоило и заблудиться.

— Пошли спать, физики-лирики, — сонно сказал Володя.

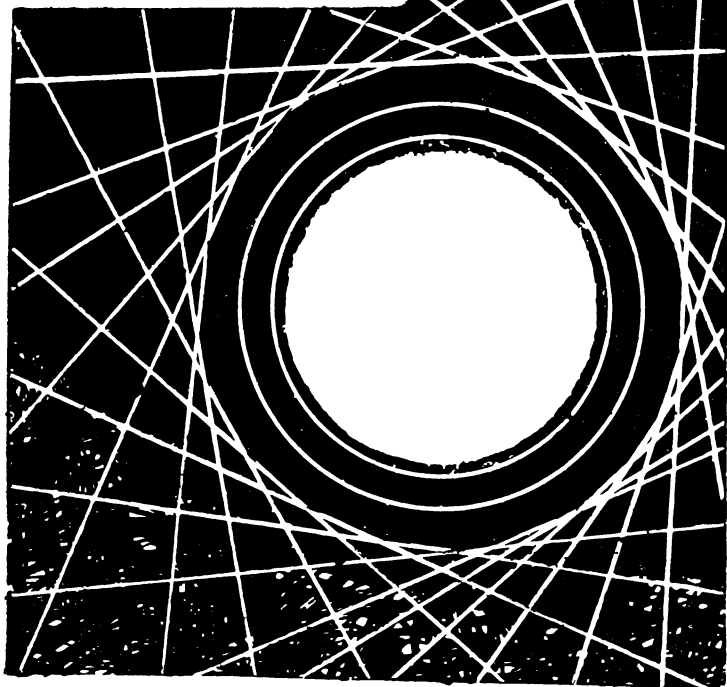
Но почему-то ни у кого не было сил встать и пойти в палатку. Сон сморил их. Света заснула первая, свернувшись калачиком и положив голову на колени Володи. «Что это за запах? — подумал Володя. — Сплю я или нет? Разве запах может сниться?».

Олег спал, прислонившись к валуну. Сон его был тревожен. Кто-то гнался за ним и хотел отнять алатырь-камень.

А Борис привалился к его плечу и спал, ровно дыша. Ему снилось, как смолы, застывая в сильном электрическом поле, превращаются в сверхмощные электреты — энергетические консервы будущего.

Они спали и не видели, как загорелся палеоянтарь, хотя он лежал не менее чем в трех шагах от костра. Он горел чистым золотым огнем, пока от него не осталась лишь горка белого пепла. И аромат древних смол, усыпивший наших друзей, понемногу рассеялся в прохладном ночном воздухе.

И. ВЫЛЧЕВ (Болгария)
ЧЕЛОВЕК-ИСКАТЕЛЬ

РАПОРТ
КОМАНДИРА ДЕЖУРНОЙ СПАСАТЕЛЬНОЙ ГРУППЫ

Сигнал «Тревога» был подан в 17 часов 32 минуты.

Ко входу в центральный пункт управления мы явились через 46 секунд, но предохранительные щиты были спущены. Мы проделали отверстие в одном из них с помощью электродугового резака и так прогикли в зал. Там было темно, установки не работали.

У главного пульта, разрушенного ударом большого бетонного осколка, мы нашли профессора Виктора Ганчева в бессознательном состоянии. Немедленно передали его санитарной группе.

Художника Захария Петрова, опутанного порванными проводами, нашли позади главного пульта. Когда его вытаскивали оттуда, он пришел в себя, попытался что-то сказать и снова потерял сознание. Его немедленно передали санитарам.

На седьмой минуте прибыл первый отряд Центральной спасательной команды, после чего я получил приказ направиться вместе со своей группой в пункт дезактивации.

Капитан Ваклинов.

ВИКТОР

— Нет!.. Это невозможно!

Мои слова не произвели должного впечатления. Я смотрел на него и по упрямой морщинке на лбу видел, что он не отступит.

— Пойми, это невозможно, — продолжал я. — Мы проводим пробные испытания. А сегодня нам предстоит особенно рискованный эксперимент. В зале управления останусь только я... Все остальные сотрудники будут следить за опытом с дистанционного командного пункта. Словом, я не могу разрешить тебе присутствовать!

— Это не каприз, — спокойно возразил Захарий, — а нечто для меня необходимое. Ты помнишь мою последнюю картину?

— «Собирательница роз»? Помню очень хорошо: в глубине темный силуэт Балкан, на переднем плане поле, покрытое розами, а посреди него хрупкая девушка, склонившаяся над розовым кустом... Эта картина мне нравится.

— Нравится! — Захарий холодно улыбнулся. — Но ты забыл одну маленькую подробность: это моя последняя хорошая картина.

Он умолк, достал несколько деревянных трубо-

чек, соединил их в длинную восточную трубку и закурил. «Теперь будет пускаться облака дыма и молчать, — подумал я. — Эффекты!» Но Захарий заговорил очень скоро.

— Три года назад я задумал новую картину. Если я когда-нибудь создам ее, она будет называться «Человек-искатель»... Сначала я думал, что написать ее будет легко, но работа не шла. И все-таки я упорно продолжал работать. Неделями я не выходил из мастерской. Писал, писал, а с полотна на меня глядели безжизненные лица... Теперь я понимаю, что просто не созрел для такой картины. Но тогда, тогда я был близок к отчаянию. К счастью, меня потянуло к творениям старых мастеров. Я изучал их целыми днями и в них искал ответа на волновавшие меня вопросы. Может быть, это покажется наивным, но именно тогда меня озарила простая и естественная мысль: нужно идти к людям и среди них искать прототип моего «Человека-искателя», как старые мастера искали героев своих картин... О, мне пришлось постранствовать! Я побывал у летчиков, у моряков, работал в шахте, провел одно лето у овчаров на высокогорных пастбищах, ходил по заводам... Это принесло мне огромную радость. Сейчас я ношу своего героя в себе. Знаешь ли ты это чувство? Знаешь ли, как мучительно ожидание? Поэтому сейчас мне нужен толчок, нужно острое переживание, нужна рискованность твоего опыта. Чтобы увидеть образ того, который ищет.

— Но ты ничего и не увидишь! Засветятся разноцветные лампочки, забегает стрелки по шкалам приборов, я буду нажимать кнопки на пульте... И это все! Верь мне, любой научно-популярный фильм покажет гораздо больше.

— Оставь это, Виктор. Идем!

— Идем, — согласился я.

С самого начала я понимал, что упорствовать нет смысла. Я ни в чем не мог отказать Захарию, и он хорошо знал это. Когда мы вошли в зал управления, я подвел друга к большой электронной машине, смонтированной в пульт управления.

— Познакомьтесь: это Кио.

Захарий взглянул на меня непонимающе.

— Кио — это наш кибернетический оператор, — пояснил я и включил ток. Зеленые сигнальные лампы весело засверкали. — Видишь, Кио докладывает: «К работе готов!» Сегодня действовать будет он, а мы будем только зрителями. Когда мы проводили предварительные опыты и испытывали ускоритель на всевозможных режимах, Кио следил и все записывал. Сегодня он будет «держат экзамен»: мы заставим его самого провести контрольный опыт. В протоколе опыта его задача описана так: «Найти наиболее выгодный режим работы ускорителя для получения ускоренных частиц с максимальной энергией». Со временем Кио сам будет проводить исследования, для которых мы будем давать ему лишь самые общие программы... Но не кажется ли тебе это слишком сложным? Может быть, такие подробности тебя не интересуют?

Захарий помолчал, некоторое время колебался, а потом сказал:

— Прежде чем прийти сюда, я много читал по этим вопросам. Хотя я знаю не столько, сколько твой Кио, но кое-что все-таки понимаю.

— Чудеса! С каких пор художники начали интересоваться физикой?

— Продслажай, пожалуйста.

— Хорошо! Мы называем его «осьминог»...

— Кого?

— Ускоритель. Если смотреть сверху, то он похож на огромного осьминога. Направо и налево от нас, за стенами этого зала, тянутся две гигантские кольцеобразные ускорительные камеры. С помощью ионных пушек в их каналы выстреливаются пучки элементарных частиц. Когда частицы получают необходимую скорость, магнитное поле выключается. Тогда они сходят со своего кругового пути и в прозрачной испытательной камере сталкиваются с огромной силой. Энергия их взаимодействий просто чудовищна! Еще в предварительных опытах нам удалось получить все известные до сих пор отрицательно за-

раженные частицы. И удивительно легко!.. Это действительно чудесная машина. Знаешь, стоя перед пультом, я испытываю такое ощущение, словно рисую в пространстве. Но в руках у меня вместо твоих бесконечно устарелых кистей находится нечто гораздо более могущественное: силовые поля и потоки ускоренных частиц.

— Оставь мои кисти в покое, — рассердился Захарий, отходя от пульта. — Они и так уже утонули в пыли.

Я понял, что задел его за живое, но, не показав виду, продолжал:

— От испытательной камеры нас отделяют слои свинца и бетона толщиной по нескольку метров. Но все, что в ней происходит, мы можем наблюдать на телевизионном экране.

Таковыми были мои последние объяснения. Пора было начинать «экзаменовать» Кио. Я соединился с дистанционным пунктом, а когда увидел, что там все готово, включил оператор в цепь управления. И опыт начался, но не так, как я ожидал. Сначала Кио повысил напряжение ускорительного поля, а потом начал без конца то увеличивать, то уменьшать его силу, — очевидно, в поисках наиболее выгодного рабочего режима. Постепенно в этих колебаниях начала ощущаться какая-то закономерность. Через несколько минут они превратились в ритм, который становился все более мощным. Я был настороже, но не вмешивался. Кио продолжал пробуждать всю огромную мощь, скрытую в ускорителе. Телевизионный экран камеры оставался пустым, но приборы показывали, что энергия заряженных частиц гораздо выше предвиденной. Это было совсем неожиданно и... опасно!

Вскоре в камере начали происходить странные явления. Появилось светло-синее сияние, потом исчезло, сменившись маленькими блуждающими огоньками. Время от времени огоньки разрастались, приобретая необычные очертания, потом полностью исчезали. Из ускорительных камер доносилось мощное гудение, и все здание сотрясало от сильной вибрации... Мо-

жет быть, сейчас нужно прервать опыт? Но я смутно чувствовал, что Кио нашел что-то новое, какой-то резонансный режим ускорения, и хотел дать ему возможность исследовать этот режим до конца. В дистанционном пункте управления мои сотрудники следят за опытом. Автоматы записывают все. Ни одна мелочь нашего эксперимента не затеряется, и мне хотелось довести его до конца. Поэтому, когда Кио подал сигнал «Попал в неустановленный режим», я не вмешался. Не прервал опыта. Кио тоже не пожелал прервать его. И тогда в камере снова появилось синее сияние. Вскоре оно сгустилось в блестящий шарик, он начал медленно расти. Когда шар прикоснулся к стенам камеры, они мгновенно разлетелись на тысячи мелких осколков. Потом шар погрузился в толщу свинцовой стены и окутался облаком желтоватого пара...

Последним, что я помню, был треск бетонной стены зала. Огромный обломок бетона оторвался и полетел на меня. Потом наступил мрак...

ЗАХАРИЙ

Как это произошло?.. Нужно припомнить! Вспомнить все! Что было сначала? Может быть, эти юноши из спасательной группы?.. Но до них было что-то другое!.. Виктор?..

Он никогда не мог отказать мне. Не мог и сейчас... Успокоенный, он стоял у пульта, и для меня было подлинным наслаждением следить за его тонкой, подвижной фигурой, за ловкими движениями его рук. В такие минуты он становился совсем другим — упрямым и гибким, как стальная пружина.

Потом начался опыт, и все произошло очень быстро. Я чувствовал — что-то не в порядке. Неясная вибрация в стенах зала, напряженная поза Виктора, его неестественно блестящие глаза — все подсказывало мне, что происходит нечто необычное. И, несмотря на это, когда от стены отвалился огромный кусок бетона и в пролом вплыл блестящий шар, я был со-

вершенно не подготовлен к тому, что случилось в последующие несколько секунд. Огромная глыба обрушилась на пульт, и Виктор рухнул наземь... Свет в зале погас, завывла сирена... Я ошущью направился туда, где лежал Виктор, но не успел дойти. Передо мной вырос шар, окруженный синеватым сиянием. Он слегка покачивался в воздухе и, описывая плавные зигзаги, постепенно приближался ко мне. Я пополз по полу, но шар следовал за мной... Сколько времени продолжалась эта странная погоня? И вдруг в плечо мне впилось что-то острое. Я ошупал окружающие предметы и понял, что нахожусь у разрушенного пульта. Тут я запутался в порванных проводах, шар настиг меня... и прикоснулся к моей груди...

Я тотчас же потерял сознание...

...Я очнулся и увидел, что лежу на какой-то зеленоватой стекловидной поверхности. Меня сковывало необъяснимое безволие. Хотелось спать и ни о чем не думать. И в то же время какая-то чужая воля приказывала мне встать и идти против ветра. «Тут нет ветра», — подумал я и огляделся кругом. Меня окружала унылая, бескрайняя равнина, покрытая белыми, как снег, кристалликами. «Но это не снег, — подумал я снова, — это что-то другое». Низко над головой, гонимые ветром, пролетали густые оранжевые тучи. Стекловидная лента, на которой я лежал, пересекала равнину и терялась за горизонтом. Я не спрашивал, почему очутился здесь. Для меня не существовало ничего, кроме чужой воли, приказывавшей мне идти против ветра. Я попытался встать, но грудь пронзила острая боль... В моем помутившемся сознании начали вставать какие-то странные картины...

Сначала я увидел блестящую ленту шоссе. Потом над нею появилось серое облачко. Оно начало расти, сгущаться, принимать очертания человека... И это был я, распростертый на гладкой поверхности шоссе!

Потом картина изменилась. Появилась огромная комната, полная приборов. Перед пультами управления, у подножья большого фосфоресцирующего экрана, стояли трое взволнованных чем-то молодых лю-

дей. На экране перед ними снова виднелись шоссе и моя фигура, беспомощно лежавшая на нем. Вдруг на экране появился старик со сморщенным лицом. Он долго вглядывался в меня своими необыкновенно умными глазами... Потом широким жестом указал в глубину экрана. И там, куда указывала его рука, появились прекрасные города из синеватого металла. Над обширными площадями высились решетчатые башни, в воздухе носились летательные аппараты, раскрывался какой-то неведомый мне мир... Но это продолжалось недолго. Я чувствовал себя все хуже, алая пелена начинала закрывать мне глаза. Последним, что я видел, был старик, протягивавший ко мне руки жестом прощания. Потом я утонул в какой-то глубине, и все покрылось густым мраком...

Позже я почувствовал, что меня грубо трясут. Я открыл глаза и увидел склонившиеся надо мной странные фигуры в пластиковых скафандрах.

— Товарищ капитан, — прогремела одна из них, — перережьте этот провод, и тогда нам будет легко вытащить его.

Я услышал легкий металлический треск, потом меня сильно дернули, и я снова потерял сознание.

ЗАХАРИЙ И ВИКТОР

Они лежали на траве, каждый ждал, чтобы заговорил другой.

На соседней аллее похрустывал песок под ногами отдыхающих, совершавших свою утреннюю прогулку. Сквозь нависшие ветви дуба, под которым лежали друзья, белело огромное здание санатория. Десять дней назад их отправили сюда для окончательного выздоровления. До сих пор они разговаривали только о незначительных мелочах. Сейчас каждый ждал, чтобы другой начал первым.

— Виктор...

— Слушаю.

Захарий вытащил свою длинную восточную трубку — верный признак волнения — и закурил. Потом

начал рассказывать. Сначала он был смущен и неуверен, но постепенно голос его окреп, стал твердым и спокойным.

«Вот так бред, — подумал Виктор, когда Захарий умолк. — Нужно предупредить врача».

Захарий напряженно ждал, но Виктор не хотел спорить и хранил молчание.

— Молчанием ты не отделаешься. Я хочу знать твое мнение.

— Это глупости.

— Ты скоро передумаешь... Но сначала скажи мне, что это был за шар, который мы оба видели и который бросил нас обоих в санаторий?

— Не знаю пока. Данные опыта еще не обработаны. Может быть, это было облако ионизированного газа, а может быть, что-нибудь другое.

— Может быть, что-нибудь другое? Я не забуду эти слова... Не мне напоминать тебе гипотезу Дирака о природе абсолютного вакуума. Дирак говорит, что вакуум — это безграничный «океан», наполненный материальными частицами, которые обладают отрицательной массой и отрицательной энергией. Когда физики научились наносить по вакууму достаточно сильные удары, они начали «выбивать» из него все известные до сих пор античастицы: позитроны, антипротоны, антинейтроны и прочие. В этом ты согласен со мной?

Виктор не ответил, а лишь неопределенно кивнул головой.

— Значит, согласен!.. А теперь следует вопрос: почему мы должны думать, что вакуум неорганизован и неподвижен? Гораздо правильнее предположить, что это целая вселенная, подобная нашей, но состоящая из тел, обладающих отрицательной массой и энергией. Эта вселенная тоже находится в движении, в ней происходят различные процессы, совершаются превращения... Существует и такая гипотеза: вселенная, состоящая из тел с отрицательной массой и энергией, должна подчиняться тем же законам, что и наша вселенная, только время там идет в обратную сторону...

Ты понимаешь, Виктор, может быть, повсюду вокруг нас, может быть, и в нас самих существует другой, «потусторонний» мир, совершенно эквивалентный нашему. Эти два мира сосуществуют, не влияя друг на друга, ибо каждый относительно другого состоит из антивещества... Есть у тебя возражения, Виктор?

— Я знаю гипотезу, о которой говоришь, но ты ее толкуешь довольно свободно...

— Об оттенках поговорим после. Сейчас слушай дальше. Когда Кио начал опыт, ему удалось в несколько раз увеличить мощность ускорителя. Ты сам говорил мне об этом. Почему бы не допустить, что в камере образовалось большое количество античастиц? Что блестящий шар, разрушивший камеру, был облаком античастиц? Когда шар прикоснулся ко мне, я потерял сознание. Было ли бредом то, что затем последовало? Этот новый мир, открывшийся передо мной? Эти необычайные «люди» — такие похожие на нас и такие от нас отличные, которых я там видел?.. Нет, Виктор, это не было бредом! Гигантский отрицательный заряд шара выбросил меня в «потусторонний мир», во вселенную, наполняющую абсолютный вакуум... Вот и всё.

— А ты не думал о том, как вернулся оттуда? И кто тебя перебросил «с той стороны»?

— Не знаю. Это должен объяснить ты.

— Не хочу объяснять! Прекратим этот разговор.

Виктор хотел встать, но Захарий не дал ему. Оба начали бороться на зеленой траве. Виктор был силен и ловок, но ничего не мог сделать против медвежьей хватки своего друга. Вскоре он снова лежал ничком на траве, а Захарий сидел на нем верхом и держал его крепко.

— Прежде чем я отпущу тебя, ты должен усвоить несколько истин, — заговорил Захарий. — Вы, профессионалы, — консерваторы. Новые, смелые, оригинальные и прочие гипотезы изобретаем только мы, дилетанты. Кроме того, я, может быть, действительно бредил, но во всем, что я тебе рассказал, слишком много логики, чтобы тебе так легко от этого отмахнуться. Поэтому я тебя отпущу, если ты обе-

щаешь серьезно поразмыслить над тем, что я тебе говорил.

— Убирайся к чертям! — прорычал Виктор и вдруг каким-то неожиданным движением сумел вырваться.

Друзья снова закопошились на траве. Им было весело и радостно. Но вскоре, утомленные борьбой, они снова улеглись на полянке. «А может быть, те жители антимира — старик и молодые — меня и перебросили «оттуда», — подумал Захарий, — надо сказать об этом Виктору». Но ему уже не хотелось говорить. Стала ощущаться полуденная истома. От ближнего соснового леса ветер доносил запах смолы и тихий шум деревьев. Ни одного облачка не было в чистом небе, очерченном зубчатой линией горизонта. Захарий лежал на спине и смотрел вверх. «Хорошо, — подумал он, — все хорошо: и эта полянка, и близкий лес, и недоверчивый Виктор — все хорошо».

— Виктор...

— Да?

— Смотри, какое небо голубое... У меня от него голова кружится. Словно я стою над какой-то огромной пропастью.

— Две тысячи километров.

— Что такое?

— Над нами две тысячи километров воздуха.

«Фу, какая проза», — подумал Захарий и снова потерял желание разговаривать. Он повернулся в другую сторону и начал разглядывать божью коровку, ползавшую перед ним по земле. «Коровка, коровка, полети на небо, принеси мне хлеба...» Он подразнил ее травинкой. Маленькое насекомое развернуло крылышки, описало над ним круг и исчезло. И тогда взгляд Захария снова упал на Виктора. Что-то изменилось в его позе, не было и следов мягкого спокойствия отдыхающего человека. Он глубоко задумался. В чертах его лица, твердых и резких, все яснее отражалось сдерживаемое волнение.

Вскоре оно передалось и Захарию. И он не противился этому чувству. Почти машинально он раскрыл

свой альбом, с которым никогда не расставался, и начал рисовать... Работа шла быстро и легко. Вскоре на белом листе начали оживать контуры знакомого лица.

Сколько времени это продолжалось — Захарий потом не мог вспомнить. Когда он опомнился от своего забытья, то с листа бумаги на него напряженно и сосредоточенно смотрел Виктор.

Захарий долго разглядывал рисунок и счастливо усмехался. Горячая радость заливала его бурными волнами.

Он нашел своего «Человека-искателя».

ЭПИЛОГ

Через два месяца после описанных событий в газетах появилось короткое сообщение:

*«Новый ускоритель в Подбалканском институте.
Мы будем штурмовать вакуум!»*

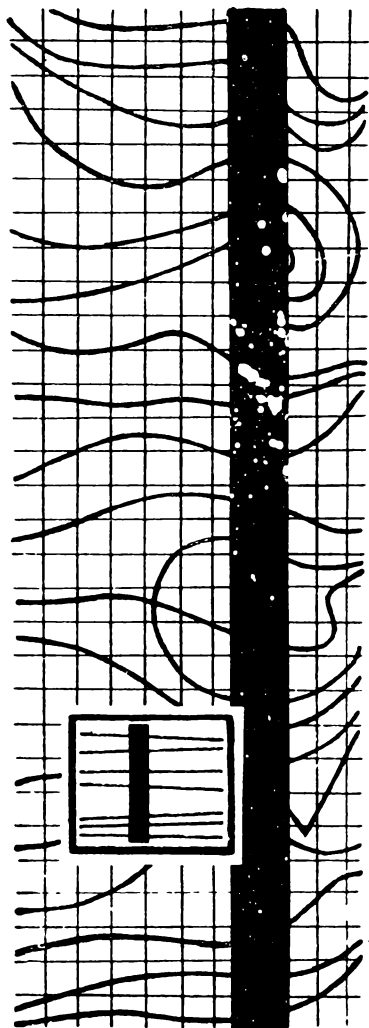
В Подбалканском институте экспериментальной физики пущен в ход новый сверхмощный ускоритель. После успешного проведения пробных испытаний огромное сооружение передано для рядовой экспериментальной работы.

На скромном торжестве открытия главный конструктор ускорителя профессор Виктор Ганчев говорил о предстоящих задачах научного коллектива.

— Нашей целью является получение неизвестных донныне античастиц, — заявил он. — После усовершенствования ускорителя и повышения его мощности мы начнем штурмовать вакуум, — мы направим свои исследования к выяснению его структуры и устройства...»

А. КОЛЬЦОВ (СССР)

ЧЕРНЫЙ СВЕТ

В академию Евита шла парком, по набережной Москвы-реки. Теплый августовский вечер клонился к концу, в воздухе носились запахи меда, нагретой хвои и стаи голубей, позолоченных солнцем.

Встречные мужчины задерживали на ней взгляды, иногда оборачивались. Евита давно уже привыкла к этому «вниманию», так было, насколько она помнит, и сто и двести лет назад, а может, и больше. Наверное, так будет всегда. «Вот в этом отношении человек вряд ли изменится,— думала она,— хотя нравственно люди преобразились неузнаваемо».

Когда она подошла к академии, в небе появились первые звезды. Евита увидела, как поворачивался купол главного демонстрационного зала, и поспешила к лифту. Ровно в 21.00 она заняла свое место у смотрового окна. Там, за толстым стеклом, посреди большого круглого зала с невидимыми стенами, находился «Сын

звезд», как называли теперь ее Данта. Горькая улыбка чуть тронула ее губы. Ее Данта! Он давно уже принадлежал не ей, а науке. Его называли еще «первым человеком»: он весь был в прошлом, таком невысказанно далеко, что его трудно было представить даже им, людям с неумирающей памятью.

«Память! Стоило ли это открытие...» — девушка прищурила глаза и встряхнула головой, чтобы прогнать мысль, недостойную людей их эпохи. С некоторых пор где-то в глубине ее сознания стало зарождаться сомнение в разумности величайшего открытия — наследственной памяти. Она понимала: нелегко был путь к этому открытию. Свыше ста лет ученые стучались в двери тайны наследственности, стараясь узнать, почему десятки признаков отца и матери передаются детям, внукам и правнукам. Когда эта тайна была раскрыта, встал другой вопрос: почему каждый рождающийся человек представляет собой «чистый лист бумаги», должен снова учиться всему, чему учились родители? После долгих усилий в аккумуляторных клетках коры головного мозга были обнаружены инертные очаги наследственной памяти: их научились возбуждать, действуя на них излучением с частотой клеток родителей — разной частотой для различного возраста. Память человека с тех пор не умирала.

В это время купол раскрылся, и зал озарился мягким фиолетовым полусветом, шедшим, казалось, от звезд. Опутанное проводами вращающееся кресло, стоявшее посреди зала, было пустым. Обстановка была прежней, но цвета новыми: невесомая белая ротонда причудливой формы была окружена желтолиственными растениями; на зеленый прибрежный песок набегали оранжевые волны моря. Художники-фантасты изошрялись в выдумке, пытаясь угадать облик никогда никем не виденного другого мира.

Свет стал ярче, а звезды бледнее. Вошел Дант. Двадцатичетырехлетний юноша шел походкой старца, медленно передвигая ноги, его невидящие глаза неподвижно смотрели в одну точку. Он подошел к креслу и, прежде чем тяжело опуститься в него,

долго молча смотрел на плескавшиеся у его ног янтарные волны. Потом он сел. И сразу же у кресла вырос доктор Владислав Горн. Он быстро надел на голову Данта шлем с системой датчиков и неслышно удалился. Свет снова померк.

Привычным движением обеих рук Евита поправила рассыпавшиеся по плечам волосы, надела на голову цереброн и укрепила контакты. Она знала, что то же самое сделали сейчас десятки ученых, сидящих в демонстрационном зале. Они, так же как и Евита, с помощью этих церебронов «слушали» и «видели» мысли и воспоминания Данта.

В зале стало тихо. Дант остался наедине со звездами и своими мыслями. Он неподвижно полулежал в кресле и смотрел на небо. Его взгляд останавливался обычно на Веге и не отрывался от нее весь вечер, пока из груди не вырывался стон. Тогда Дант закрывал лицо руками и выкрикивал непонятные слова, а иногда, сбросив шлем, бегал по воображаемому берегу.

Сегодня его мысли были бессвязны. Цереброны доносили до сознания отрывочные образы желтолиственного парка, оранжевого моря и бесконечные картины зеленого прибрежного песка. Ни О니ко, ни ее отец не появлялись. Евита проверила контакты, они прилегали к вискам и лбу плотно. Сейчас доктор Горн прикажет ей подойти к Данту, чтобы «настроить его память». Тогда она должна переключить рычаги цереброна, превращая их из приемников мыслей Данта в излучатели ее собственных. Она приближалась к другу и старалась вызвать в его сознании нужные воспоминания. Иногда Евита украдкой превышала свои полномочия; заглядывая в глаза Данта, она пыталась навести его память на другие, земные мысли, но он не узнавал ее, смотрел, как на пустое место.

Горн молчал, и Евита стала вспоминать те немногие случаи, когда при пробуждении наследственной памяти оживали нежелательные черты характера родителей и их предков. Сознание тех, кто подвергался опыту, по каким-то непонятным пока причинам ослабляло свой контроль над памятью предков. Порт-

реты этих «интересных больных» висели в академии. С каким состраданием смотрела она на высокомерного немецкого юношу Карла, который вдруг начал требовать, чтобы ему оказывали царские почести. А горец Джават! Он обнаружил неудержимое желание воевать и требовал дать ему оружие. Совсем юный американец Сэм, оказывается, не мог жить без вина и объяснял свою страсть к напиткам тем, что жизнь, по его мнению, коротка и нужно прожить ее весело. Но подобные аномалии легко устранялись здесь, в Академии инертной памяти.

А вот с Дантом произошел совершенно исключительный, небывалый случай. В день нравственного совершеннолетия его, как и всех других юношей и девушек, подвергли третьему и последнему облучению, которое закрепляет, как снимок на фотопленке, нравственную тональность наследственной памяти. Это делается для того, чтобы оградить сознание от проникновения в него в будущем нежелательных воспоминаний.

И именно в этот день, когда вся молодежь ликует, она впервые заметила перемену в своем друге. Это случилось на берегу Московского моря, куда они пришли купаться. Дант стал задумчив, словно пытался что-то вспомнить, долго и пристально всматривался в нее, Евиту. Потом, ощупывая ее волосы и плечи, спросил изменившимся голосом:

— Моя О니ко?..

Сначала Евита подумала, что он шутит, и спросила игриво, кто эта девушка, ее соперница.

— Твоя новая знакомая?

Но Дант, казалось, не слышал вопроса, взгляд его был отсутствующим. Потом выяснилось: третье облучение вызвало нежелательную реакцию в очаге наследственной памяти. Тогда всю подкорковую часть мозга Данта подвергли резонансному облучению, это всегда давало положительные результаты. С Дантом случилось обратное — он совершенно забыл родную речь и стал говорить на незнакомом языке, который не был известен ни одному историку-лингвисту. По ночам он выходил на балкон, подолгу смотрел

на звезды; что-то говорил и говорил, протягивая к ним руки. Его речь записали, но она долго не поддавалась расшифровке. Решили записать на цветную пленку его зрительную память. И только после соединения обеих пленок электронно-аналитические машины разгадали язык Данта.

В этот момент Евита услышала голос Горна:

— Даем обратную настройку памяти.

Сейчас на сознание Данта будут воздействовать его же воспоминаниями, записанными ранее. Укрепленные на его шлеме датчики играли теперь роль cerebroнов. Горн все пытается подвести мысли юноши к воспоминаниям о черном свете, о котором Дант упоминал не раз.

...Евита снова почувствовала себя летящей среди звезд. Потом движение замедлилось: она приближалась к двойной звезде, фиолетовой и черной. Погасшая черная звезда быстро вращалась вокруг фиолетовой, вернее — обе они вращались вокруг общего центра тяжести. Но полет мысли миновал их и устремился к ближайшей планете, окутанной оранжевой дымкой атмосферы. Было заметно, что планета обращена к своему светилу одной и той же стороной, ее ось лежала в плоскости эклиптики цефеиды. Воспоминания Данта остановились на прибрежной равнине, у терминатора, у границы дня и вечной ночи. Из покрытого окалиной корабля вышли отец и сын. Мальчик с удивлением смотрит на леса, на солнце и море. Наверное, он родился в космосе и ничего еще не видел, кроме корабля. Еще больше удивляют ребенка теплые ветры, приносившие из темноты горячие, как пар, туманы.

— Почему они горячие? — спрашивает мальчик. — Ведь там должен быть космический холод.

— Их нагревает черный свет, — отвечает отец.

Видимо, это было первым и потому наиболее ярким воспоминанием Данта.

Потом в сознании всех, кто был вооружен cerebroнами, возникали смутные образы людей планеты, смерть отца, девичье лицо — лицо О니ко, ночные купанья в море вместе с ней. Но чаще всего Дант

вспоминал последние дни пребывания на планете двойной звезды. Вот и опять то же самое...

...В сумерках начавшегося затмения фиолетового солнца вдоль берега идет юноша. Это Дант, волны докатываются до его ног, обутых в легкие сандалии. Он приближается к светлому зданию на опушке леса — высокой ротонде, плоская крыша которой покоится на невесомых ажурных колоннах. Он кого-то ждет. Наконец перед ним возникает еле уловимое, как греза, видение. Это девушка, то ли действительно полупрозрачная, то ли память неточно воспроизводит ее облик. Она молча смотрит на юношу, не смеющего приблизиться к ней. Когда огромный черный диск заслонил все солнце, тело девушки начало обретать краски. Из-за моря поднимается большой серп спутника планеты, и в его свете тела юноши и девушки приобретают фиолетовый оттенок. Шорохом листьев налетает ветерок, девушка тихо смеется.

— Тебе не холодно, Сын звезд? Ты всегда носишь эту непонятную повязку на бедрах.

— Я уже говорил: это обычай людей моей планеты.

— А почему тебе не нравятся наши обычаи?

— Я не могу привыкнуть к ним. Странные вы: бодрствуете ночью, спите днем, и до вас в это время нельзя дотрагиваться.

— Это ты странный, Сын звезд, — тихо смеется девушка. — Одинаковый и днем и ночью. И нашего солнца не боишься. Мы разные с тобой, — уже печально говорит О니ко. — Отец сказал, что ты из другой материи, не годишься для меня. Это правда?

— Ночью мы с тобой одинаковые, Онико. На моей планете ты тоже станешь такой же, как я. И к тебе можно будет прикасаться и днем.

Девушка глубоко вздыхает.

— А разве тебе недостаточно того, что ты прикасаешься ко мне ночью?

— Я хочу быть с тобой всегда.

— А почему ты не хочешь остаться у нас? После облучения черным светом ты станешь таким же, как мы.

— Я еще никогда не видел себе подобных. Я вижу их только во сне, слышу их голоса, они зовут меня.

— Ты не найдешь свою планету среди звезд.

— Отец научил меня понимать звездные карты и управлять кораблем.

Онико некоторое время молчит, потом говорит с упреком:

— Ты называл меня своей мечтой, говорил, что не расстанешься...

— Да, и я пришел, чтобы взять тебя на корабль, мы улетим к моему ласковому солнцу.

— Это невозможно. Отец говорит, что я никогда и нигде не смогу стать такой же, как ты. Черный свет у вас слабее, и меня убьет белый.

Снова наступает молчание. Приближается рассвет, и девушка с беспокойством смотрит на небо.

— Скажи, ты твердо решил лететь? — дрогнувшим голосом спрашивает она. — Да? Тогда обними меня, черная звезда уже открывает солнце.

— Но к тебе нельзя прикасаться при свете!

— Ты же непрозрачный. Обними в последний раз...

Когда солнце осветило планету, на полу ротонды лежало тело Онико.

...Видение исчезло, цереброны доносили до сознания Евиты только исступленный голос Данта — вернее, последние воспоминания межзвездного скитальца, Сына звезд.

— О моя Онико, мечта моя! Неужели ты исчезла навеки? Неужели я обречен теперь только мечтать о своей же мечте? Я уже стар, но в мечтах о тебе я по-прежнему молод. Ты всегда со мной по ночам, но мои руки не находят тебя. Откликнись, Онико!

Сложное чувство переживала Евита всякий раз, когда ей приходилось просматривать и прослушивать память любимого человека. Она понимала: больная память ее друга живет воспоминаниями чрезвычайно отдаленного его предка — безвестного астронавигатора, занесенного на планету двойной звезды.

Кто был этот человек? На какой планете он встретил Онико и откуда прилетел туда? Однако Сын звезд

вернулся не на родную планету, а на Землю, где в лице одного из своих потомков, Данта, ему посчастливилось воскреснуть памятью, снова мысленно встретить О니ко и пережить свою любовь. Каким же сильным было это чувство, если оно пробило толщу памяти сотен поколений потомков Сына звезд!

По отрывочным воспоминаниям Данта Евита знала конец этой печальной истории. Отец Онико подверг дочь и юношу облучению черным светом, в ходе которого Сын звезд передал девушке часть материи своего тела, чтобы спасти любимую. И она была спасена, но с тех пор он уже не видел Онико. Что случилось с ней? Быть может, во время облучения Онико восприняла и тревожные сновидения Сына звезд и, подобно Данту, забыла родной язык, уединилась и стала с тоской смотреть на звезды, сиюсь что-то вспомнить!

...В цереброне раздался голос Владислава Горна:

— Вспомни, Сын звезд, что ты испытал во время облучения? Что ты узнал о черном свете? Вспомни, и я верну тебе твою мечту.

На глазах Евиты выступили слезы. Память Данта молчала.

Потом Горн вызвал Евиту к себе, на центральный пульт академии.

Доктор сидел в кресле, он выглядел усталым, на вспотевшей гладко выбритой голове краснели рубцы, оставленные цереброном. Пытливо взглянув в глаза девушки, Горн пригласил ее сесть в кресло напротив. Горн редко удостоивал своих ассистентов такой чести, и Евита решила, что разговор будет необычный.

— Память Данта утомлена, — растягивая слова, сказал Горн. — Я решил расслабить узлы аккумуляторных клеток его памяти и затем... — доктор сделал паузу и отвел от девушки взгляд, — прибегнуть к самому сильному средству. Этот эксперимент я беру до самой последней минуты.

Что еще он хочет проделать над Дантом? Когда придет конец всему этому, когда Горн займется лечением его памяти? Девушка решила спросить:

— Вам не кажется, доктор, что наши эксперименты противоречат Формуле Красоты Человека?

Конечно, Горн ожидал этого упрека.

— Я понимаю и разделяю ваши чувства, Евита, — сказал он после долгого молчания. — Но нельзя забывать, что этот наш нравственный кодекс указывает на возможность достижения человеком еще и Высшей Красоты, когда человек жертвует собой во имя блага всего общества.

— Добровольно, — заметила Евита.

Горн поднялся из кресла, подошел к пульту, потом вернулся и остановился перед девушкой.

— Да, добровольно, — подтвердил Горн. — Дант дал свое согласие на этот эксперимент.

— Дал согласие? — От удивления Евита даже привстала с кресла. — Когда?

— Давно.

— Ничего не понимаю. Не хотите ли вы сказать, что...

— Вот именно, — Дант уже обретал свою нормальную память после второго резонансного облучения. И познакомился со своими собственными воспоминаниями.

Евита не сразу справилась с волнением и смотрела теперь на Горна холодно. Почему он ничего не сказал ей об этом, спрашивал ли Дант о ней, Евите... А доктор продолжал:

— Конечно, он воспринял это как воспоминания другого человека, сам ничего не помнит. Но ваш друг заинтересовался не меньше нас проблемой черного света и просил «любой ценой вырвать из его памяти эту тайну». Он добровольно сделал шаг к Высшей Красоте.

Наступило молчание.

— И больше он ничего не сказал?

Горн понимающе улыбнулся. Он подошел к пульту и включил настенный экран. Свет в помещении погас.

Евита увидела на экране Данта — здорового и молодого, без старческой осанки, — он сидел в том кресле, в котором сидела теперь она сама. На его голове были надеты цереброны — он просматривал

«показания» своей памяти. Рядом с ним стоял Горн. Наконец юноша снял шлем, медленно опустил его на стол и задумался.

— Это ужасно, доктор, как тяжелый сон, — сказал Дант, проводя ладонью по своему лицу. — Бедный Сын звезд, несчастная О니ко! Как я их понимаю! Значит, он не долетел до своей родной планеты и опустился на нашей.

— И этому вы обязаны началом своего рода, — тихо заметил Горн.

— А может быть, его корабль подвел? — продолжал размышлять вслух юноша. — Например, могло кончиться горючее, и Сын звезд совершил вынужденную посадку на первой пригодной для жизни планете?

— Скорее всего. А его корабль покоится где-нибудь на дне морском или под стометровым слоем земли. Давненько это случилось.

— Откуда же он летел, с планеты двойной звезды Эпсилон Лиры? Это недалеко от Веги, с которой он не спускал глаз. И куда летел, если солнечная система оказалась на его пути? Приземлился без всякой надежды достичь родной планеты или вернуться к Онико! — Дант встряхнул головой, словно прогоняя дурной сон. — Не хотел бы я оказаться на месте Сына звезд. А моей Евите... — Юноша быстро обернулся к Горну и спросил, неестественно улыбнувшись: — Евита просматривала эти воспоминания? Нет? И не показывайте ей, она может еще... расстроиться. Я ей сам скажу, помягче...

Горн — на экране — улыбнулся, пододвинул кресло и сел рядом, приговаривая, что да, у женщин не выветрилось еще это чувство, ревность. Потом он сбросил улыбку с лица, будто стер ее одним мазком резинки, приготовившись, видимо, к серьезному разговору.

— Вы обратили внимание, Дант, на слова «черный свет»? В них заключен большой смысл. Нечаянное расстройство вашей памяти приблизило нас к великому открытию. Что нам было известно до сих пор о черном свете? Только то, что это отрицательная

энергия, или, точнее, энергия, противоположная по своему знаку гравитационной, вещественной, которую принято называть положительной. Без черного света вся вселенная утонула бы в белом, поскольку звезд и галактик в ней бесконечно много. Это было известно ученым еще в середине XX века. Вот смотрите, — Горн подошел к пульта и включил огромный настенный экран (получился экран на экране).

Перед Дантом развернулась поражающая воображение картина мироздания — действующая модель вселенной. Сначала в непроглядной тьме клокотал раскаленный сгусток материи. Грандиозность происходящего усиливала музыка, вызывавшая дрожь неистовством низких регистров. Представление об умонепостижимых размерах клокочущего клубка вещества возникало позже, когда он, взорвавшись, образовал мириады брызг — галактик, которые стали разлетаться во все стороны, все ускоряя свое стремительное движение. Вот они достигают скорости света, взрываются и становятся невидимыми, слившись с окружающим их абсолютным мраком.

— Галактики преодолели световой барьер и превратились в черное, или нейтринное, излучение, — говорит Горн. — Материя изменила свой знак, гравитационная энергия превратилась в черный свет, который заполняет все межгалактическое и межзвездное пространство вселенной.

Потом на экране стал разворачиваться обратный процесс, процесс интеграции: из «ничего», из черного света возникало гравитационное вещество — межзвездная пыль и газ, которые, уплотняясь, образуют звезды и целые галактики.

— Так происходит круговорот двух мировых энергий, — заметил Горн.

— Значит, формула черного света мало чем должна отличаться от гравитационной формулы материи, справедливой для всей вселенной? — спросил юноша.

— Математические формулы не дают представления об истинной картине бесконечно больших и бесконечно малых миров. В начале нашей эпохи

даже гениальные ученые стремились втиснуть вселенную в прокрустово ложе какой-нибудь формулы. Это делалось для удобства мышления, и сами они прекрасно понимали это. А вот некоторые их ученики склонны были воспринимать подобные условности буквально: считали, например, что материя не может двигаться со сверхсветовой скоростью. По этой причине они долго не могли раскрыть тайны гравитации.

Дант поднялся из кресла и в волнении заходил по залу.

— Я так понял вас, что черный свет, или, по старой терминологии, антивещество, пребывает не где-то в бесконечности, а находится вокруг нас?

— Да, и это столь могущественный и неиссякаемый источник энергии, что по сравнению с ним наша ядерная энергия представляется дорогостоящей забавой. Черный свет — без всяких проводов! — будет питать любой город, где бы он ни находился. С его помощью можно передвигать планеты. Он поможет решить две важнейшие проблемы межзвездных полетов — проблему горючего для кораблей и их защиты от метеоров и космической пыли при субсветовых скоростях. Как же ухватиться за него, каким должен быть приемник этой энергии и как управлять ею?

— Уверены ли вы, что черный свет играет решающую роль в суточных изменениях людей планеты двойной звезды?

— По-моему, главную роль здесь играют характер жесткого излучения фиолетового солнца и состав верхних слоев атмосферы их планеты. С помощью черного света они как-то обезвредили это излучение. Но люди той планеты научились использовать его прежде всего как источник энергии, сумели побороть космический холод на другой стороне планеты и тем самым спасти ее атмосферу. Возможно, что они сами повернули свою планету одним полюсом к солнцу, поскольку вращение черной звезды создает им полную картину чередования дня и ночи, не допуская перегрева одной стороны планеты. — Горн сделал паузу и повторил свой вопрос: — Можете ли вы помочь нам раскрыть эту тайну?

— Снова обрести память Сына звезд? — спросил Дант.

Горн кивнул головой.

Дант подошел к Горну и протянул ему руку.

— Как вы могли сомневаться в этом! Даже горжусь, что могу принести пользу науке. Охотно вручаю вам себя. Только позвольте мне сначала увидеть Евиту, я...

— Нельзя, вы рассеете свою память.

Горн выключил экран, включил освещение и внимательно посмотрел на Евиту. Ему показалось, что девушка незаметно вытерла глаза.

— Почему вы не сказали мне об этом раньше?

— Такова была воля вашего друга, — уклончиво ответил ученый. Чувствовалось, что у него были свои особые причины умалчивать о пробуждении Данта. — И потом, откровенно говоря, я не ожидал, что все это займет столько времени.

— Что я должна сделать? — спросила девушка.

Горн оживился и придвинул свое кресло к ней.

— Нам нужно сосредоточить память Данта на встрече с отцом О니ко, когда тот увидел тело дочери в ротонде. Возможно, что именно в этот момент между ними происходил разговор об облучении черным светом, а может быть, и само облучение. Сын звезд почему-то упорно избегает этого воспоминания. Может быть, у него есть основание бояться самого упоминания о черном свете, разлучившем его с Онико... Вы мне как-то говорили об одном хорошем вечере, проведенном вместе с Дантом на лесной поляне. Мы сообщим вашим излучателям большую мощность, вы подойдете к Данту и будете настраивать его память этим воспоминанием. — Горн отвел глаза в сторону, заметив смущение Евиты, и поспешил заметить: — Это тоже шаг к Высшей Красоте, Евита.

— Хорошо, — еле слышно сказала девушка, понимая, что ей предстоит продемонстрировать свои чувства перед всеми учеными. Потом она вскинула голову, как обычно делала в решительные минуты. — Когда будет сеанс?

— Завтра. За сутки мы сумеем успокоить его

первы. И вам, — ласково добавил Горн, — тоже не мешает отдохнуть. Прогулка на яхте — что может быть лучше! Возьмите мою.

Евита поблагодарила. Лучшим отдыхом она считает прогулку в парке, и, кроме того, ей хотелось побыть одной. Она вышла из здания академии, и снова в лицо ей пахнули теплые запахи смолы. Ее немного раздражала уверенность Горна в том, что вечер на лесной поляне чем-то напоминает встречу в ротонде. Было совсем другое...

На сеанс Евита пришла в легком сером платье, красиво облегавшем ее фигуру, — оно было на ней и в тот памятный вечер, и прическа была та же. Была надета, конечно, и «девичья камея» с цветами тональности ее обладательницы. Этот обычай прошлого сохранился из-за его удобства быстро найти друга с родственной тональностью. Юноши имели на отвороте костюма свой значок. Их носили только до встречи с другом.

Последний раз оглядев себя в зеркале, она надела цереброны и вошла в зал. В полумраке плескались янтарные волны моря. Данта еще не было. Евита подошла к ажурной беседке, расстелила на зеленом песке белый плащ Данта и села на него, — вот так она сидела и тогда, опираясь на отставленную в сторону правую руку. И снова с небывалой яркостью вспомнила она весенний вечер, вспомнила даже запахи лип и перепревших прошлогодних листьев. Они с Дантом шли по аллее парка и говорили обо всем, кроме того, что волновало обоих.

Они были знакомы и раньше, но накануне того вечера она стала совершеннолетней и впервые надела камею. Это было на балу выпускниц женской политехнической школы. Дант учился уже в высшей школе, но на бал пришел и много танцевал. Поздоровавшись с ней, он хотел пройти дальше, но неожиданно остановился, глядя на ее камею. Евите стало почему-то неловко, и она покраснела. Дант шагнул к ней и, улыбнувшись, показал свой значок, отливавший теми же цветами и в том же порядке, как и на камее Евиты. Теперь они оба оглядывались вокруг, как за-

говорщики, не решаясь встретиться глазами друг с другом. Наконец им стало неуютно на многолюдном и шумном балу, и они покинули его. Они пошли в парк, беспричинно и громко смеялись и не заметили, как углубились в лес. На лужайке, освещенной косыми лучами солнца, они остановились. Дант снял свой белый плащ, расстелил его на траве и прилег. А она собирала цветы, напевая песню.

Евита машинально запела ее и сейчас и в это время заметила рядом с собой движение. Повернув голову, она увидела, что Дант вошел в зал и смотрит на нее. Значит, излучатели уже работали. Теперь и Евита, не отрываясь, стала смотреть в его глаза.

— Ты помнишь, Дант, помнишь, как я нарвала букет ромашек, подбежала к тебе и села рядом, на плащ? Вот тут, помнишь?

Юноша продолжал пристально смотреть на Евиту. Казалось, он сейчас протянет к ней руки и воскликнет: «О моя О니ко!» Из груди Данта вырвался глухой стон, и в тот же момент Евита услышала призыв Горна:

— Вспомни, Сын звезд, что сказал тебе отец Онико в эту минуту.

Ученый, как и Евита, обращался к нему на родном языке, но аналитические машины мгновенно переводили его слова в зрительные образы памяти Данта, а излучение направляло их в шлем Сына звезд. Взгляд юноши с беспокойством переходил от Евиты к ротонде, лежавшие на подлокотниках кресла пальцы его рук дрожали.

— Что предложил тебе отец Онико, чтобы спасти ее?

Евита видела, с каким мучительным напряжением Дант пытался что-то вспомнить и вместе с тем, казалось, боялся этого воспоминания. Но воля Владислава Горна властно требовала ответа, и освободиться от нее не было никакой возможности.

— Облучение черным светом? — подсказывал Горн. — Говори, Сын звезд.

— Черным светом, — услышала Евита голос Данта.

И в ее сознании снова возникла не раз виденная уже трагическая сцена у ротонды. Посреди беседки возникла облаченная в белое фигура отца О니ко.

— Это единственный способ спасти жизнь моей дочери, а для тебя — искупить нарушение наших обычаев, — говорила фигура голосом Данта.

— Я на все готов, — сказал юноша.

— Мы временно лишим тебя силы тяжести, чтобы ты был способен принять черный свет.

— Я еще в детстве привык к состоянию невесомости на корабле.

— Это кажущаяся невесомость. Во время полета сила тяжести, энергия гравитации, не исчезает, — продолжал говорить отец Онико, — она лишь уравновешивается скоростью корабля. Для облучения черным светом необходимо полное освобождение тела от энергии тяготения.

— Я готов на все, лишь бы жива была... она...

Дант снова умолк, по его лбу и вискам струились крупные капли пота, а взгляд по-прежнему неотрывно был устремлен на Евиту.

— Что ты почувствовал при облучении, Сын звезд? — спрашивал голос диктора.

Дант молчал, и Евита решила снова вступить в игру. Ей было бесконечно жалко его. Не может же Дант знать всю технологию облучения черным светом, он и так уже много рассказал. Евита втайне надеялась, что ей удастся вызвать у Данта другие воспоминания, земные. Собрав всю силу воли, она снова стала посылать в дремлющее сознание друга воспоминания об их первом счастье.

— Дант, милый, вспомни, как ты привлек к себе мою голову и на твоём костюме была вот эта камешка. — Евита захватила ее на сеанс и теперь держала на вытянутой руке перед глазами Данта. — Помнишь? Помнишь?

Из груди юноши снова вырвался тяжелый вздох. «Сейчас опять вмешается Горн», — со страхом подумала девушка и заторопилась:

— Неужели ты не помнишь, это же я, Евита...

В это время что-то случилось с освещением. Море

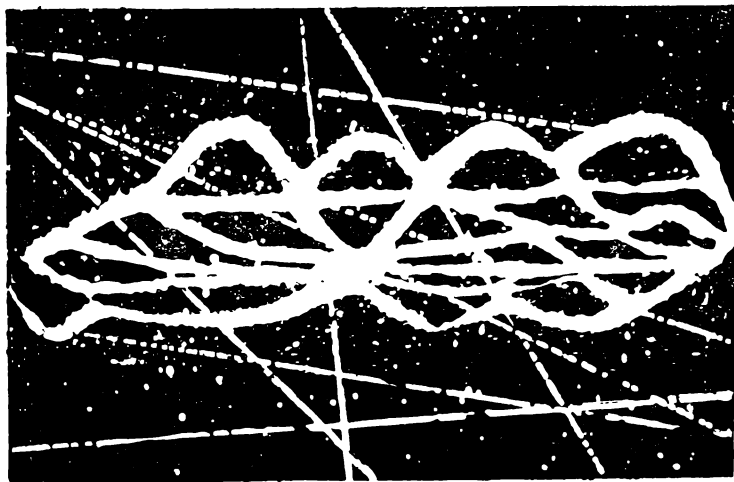
погасло, утратив свой оранжевый блеск, а во всем зале вспыхнул нормальный свет. Евита поднялась с пола, недоуменно оглядываясь, и в этот момент услышала родной голос, тихо произнесший ее имя.

Дант стоял около кресла, опираясь на него рукой, в другой он держал сорванный с головы шлем. В его глазах росли удивление и радость.

Владислав Горн с улыбкой наблюдал за ними через смотровое стекло пульта. Потом он пододвинул к себе журнал и записал в нем последнюю мысль, которой не хватало ему для доклада: «Приемником черного света может быть любое материальное тело, лишенное гравитационной энергии».

Н. БЛИНОВ, Ю. ЛУБЯНСКИЙ (СССР)

СОЛНЦА СИЛЬНЕЕ

Николай откинул прозрачный колпак машины и выбрался на дорогу. После искусственной свежести больничного воздуха закружилась голова. Крупные капли дождя с глухим шумом падали на мокрый бетон шоссе и взрывались легкими фонтанчиками. По обочине, кружа и переворачивая на быстринах листья берез, мчался поток.

Николай подошел к старой придорожной иве и долго слушал однообразный шум дождя. Тяжелые тучи двигались медленно, и казалось невероятным, что за их сплошной серой пеленой кроется прозрачная синева неба. Вокруг было тихо и пусто. Он стоял, прислонившись к мокрому шершавому стволу дерева, взгляд бесцельно скользил по мокрой земле.

Черный рогатый жук с радужным отливом на крыльях карабкался по крутому склону. Струйки

воды мешали жуку, но он упрямо двигался вверх. Вода снова и снова сбрасывала его назад, и он падал на спину, беспомощно шевеля лапками. После нескольких неудачных попыток жук повернул в сторону.

— Эх, ты! — сказал Николай жуку и протянул ему сухую ветку. Жук тотчас ухватился за нее четырьмя передними лапками, и Николай забросил его вместе с веткой далеко в поле.

Резкое движение словно разорвало безмолвие. В уши ворвался свист проносающегося мимо грузовика. Николай вздрогнул, ожило воспоминание. Вспомнил все снова.

Был такой же серый день. Мелкий дождь пятнал асфальт темными рябинками. У входа в лабораторию на мокрых песчаных дорожках переступали розовыми лапками голуби и прыгали голенастые воробы.

На этот раз предстояло получить первую партию деталей из перестроенного металла. Когда заканчивали последние приготовления к пуску установки, новый лаборант Митя неожиданно подsunул ему под руку паяльную лампу. Рука до локтя покрылась волдырями.

— Вы не могли выбрать более подходящего момента? — сказал он испуганному Мите, морщась от боли.

Впрочем, он давно мог бы доверить все Инке и Бахову, но каждый раз убеждал себя, что его присутствие необходимо. Инка уговорила его, она всегда умела это делать. И он уехал в больницу.

Сестра уже заканчивала перевязку, когда его вызвали к телефону.

— Это вы, Бахов? В чем дело? — крикнул он в трубку, стараясь держать обожженную руку так, чтобы не распустились бинты, которые не успела завязать сестра.

Чей-то незнакомый голос бился в трубке:

— Николай, слушай, у нас беда!

— Что, Митя снова кого-нибудь поджарил? — попробовал пошутить он. Боль в руке мешала сосредоточиться. — Кто у телефона?

И в то же мгновение он понял, что говорит Инка. Голос был таким незнакомым, что Николай испугался.

— Что случилось? Инка, это ты?..

— В седьмом отсеке фильтров радиация резко возросла, — она говорила, торопясь и глотая слова. — Температура стенок быстро поднимается...

— Спокойно, главное, спокойно. Давай по порядку!

— Десять минут назад в седьмом отсеке неожиданно возросла радиация. — Она говорила теперь более связно, успокоенная его тоном. — Счетчики показывают рассеянное нейтронное излучение, проникающее в шестой и восьмой отсеки. Интенсивность потока плазмы упала...

Это было серьезно.

— Может быть, приборы? — сказал он с надеждой.

— Нет, мы проверили. Связь искажена. Приборы работают нормально.

— Слушай меня внимательно, — заговорил он быстро, стараясь представить себе, что происходит сейчас там, на другом конце провода. — Необходимо прежде всего проверить блоки. Я выезжаю!

— Мы пробовали. Ничего не получилось... Что это, Коля?

«Что это? Хотел бы я сейчас знать, что это».

А в трубке раздавалось:

— Видимо, что-то нарушено в автоматике защиты. Мы с Баховым выходим в галерею. Связь будем держать по радио...

— Подождите, я приеду через двадцать минут! Не делайте ничего до моего приезда... Слышишь ты меня?..

Он говорил еще что-то несвязно и неубедительно, понимая, что они все равно пойдут, что иначе

нельзя. И все-таки он кричал в трубку до тех пор, пока не услышал короткие гудки.

Получение сверхчистых, фантастически прочных металлов... Эта идея со студенческих лет не давала ему спокойно жить. Однажды на экскурсии ему удалось увидеть несколько тончайших нитей сверхпрочного железа. Сначала он не поверил, что эти ниточки ошеломляюще прочны, а поверив, потерял покой. Их, эти нити, выращивали, как нежнейшие цветы, и было страшно обидно, что эти нити — все, чего могли добиться целые коллективы ученых.

Он понял: необходимо сделать так, чтобы сверхчистого металла было много, очень много, столько, сколько нужно. И тогда уйдут в небо огромные и легкие космические корабли, над проливами повиснут словно сотканые из паутины мосты, ввысь поднимутся километровые мачты радиорелейных линий — нет, он не мог представить себе всех чудес, которые могли бы произойти на Земле.

После кропотливых исследований и бессонных ночей появилась его идея, сначала смутная и неосознанная, затем все более четкая. Удивительную прочность сверхчистого металла определяет идеальная кристаллическая решетка. И он решил создать эту совершенную кристаллическую решетку, очищая газообразный металл в мощных электромагнитных полях, как очищают от пыли струю зерна, обдувая ее потоком воздуха.

Прошло десять лет, прежде чем он увидел свою мечту воплощенной в осязаемые формы экспериментального плазмокристаллизатора.

Установка была создана в результате труда десятков тысяч людей. И вот теперь все может рухнуть. Если радиоактивная плазма вырвется из своего убежища... Нет, этого не должно случиться!

Мчась по загородному шоссе, Николай напряженно старался представить себе, что произошло в седьмом отсеке. Откуда эта никем не предвиденная радиация?

Ему казалось, что он знает плазмокристаллизатор как свои пять пальцев. Когда на центральном пульте загорались сигнальные лампы и оживали стрелки приборов, он «видел» все, что происходит за многометровыми защитными стенами.

Вот в космическом вакууме предкамеры возникла ослепительная молния высоковольтного разряда. В тот момент, когда магнитные поля превратили ее из трепещущего куска небесного пламени в неподвижный тонкий жгут, из микроскопических форсунок в центр жгута врезаются ядра дейтерия — термоядерный запал генератора. Вот отключаются разрядники, и в цепких объятиях электромагнитных полей остается лишь сиреневое дрожащее облако управляемой термоядерной реакции, маленькое искусственное солнце. В пульсирующих полях начинает биться жаркое голубое сердце. Струя газообразного металла — его кровь. Сердце вбирает ее в себя и, сжавшись, выбрасывает в трубу плазмоведа нагретый до невероятных температур металл. Плазма движется по гигантской спирали, стиснутая полями-стенками, единственными стенками, способными выдержать ее звездную температуру. На пути плазмы фильтры захватывают тяжелые и легкие элементы, оставляя лишь чистый металл. Металл попадает в формовочную камеру и, осаждаясь на стенках формы, превращается в идеально прочную деталь.

Дорога стремительно бросалась под колеса. Сквозь сетку дождя асфальт казался серой бесконечной лентой, бьющейся на ветру.

«Процесс нельзя остановить, не дождавшись естественного конца реакции, и это главное! Если бы им удалось приостановить повышение радиации, у них было бы время... Почему Инка повесила трубку?..»

Конечно, они пошли.... Нет уверенности в том, что фокусирующие обмотки работают нормально... Смогут ли они? Впрочем, их двое, у Бахова блестящий аналитический ум...»

Николай выжимал из машины все, что мог, и досадовал, что движется медленно. На поворотах его бросало из стороны в сторону, как мячик.

Когда Николай, задыхаясь от быстрого бега, распахнул дверь операторской, пульт полыхал красным светом — цветом опасности. Растерянные лица сотрудников. Инки среди них не было.

Взгляд механически зафиксировал брошенный посреди операторской скафандр. Николай по привычке хотел возмутиться, но тут же забыл об этом. Он бросился к пульта и отыскал взглядом ленту радиографа. Линия самописца исчезала за пределами бумажной полосы. Не видя ничего, кроме этой пустой ленты, он бросил:

— Говорите!

— Она приказала мне уйти... Я не хотел... Я... Мы так и не знаем, — услышал он голос Бахова и, вздрогнув, оглянулся.

Бахов стоял за креслом, непривычно сутулясь и бессмысленно глядя в сторону. Николай видел его дрожащие губы, испуганные глаза.

— Вы здесь? Что случилось?

Бахов вздрогнул и в растерянности моргнул покрасневшими веками.

— Да говорите же, черт возьми! Где Волконская?

— Она там... — Бахов кивнул в сторону люка. — А я вот здесь...

Николай почувствовал, что еще мгновение — и он взорвется от бешенства и бессильной ярости. Он схватил Бахова за отвороты пиджака, но тут же опустил руки. Бахов все так же бессмысленно смотрел в сторону.

— Ну... — сказал Николай, до боли стиснув спинку кресла.

— Мы искали место излучения... седьмой отсек... Она решила, что это седьмой отсек. Там вышли из строя все датчики, а в шестом появилась сильная радиация... Идти стало опасно, и она приказала мне уйти... Я не хотел, но она сказала, что так нужно... Я был вынужден.

— Послушайте, — сказал Николай, сдерживаясь, чтобы не закричать, — перестаньте хлюпать! Вы же ученый. Что вы видели там? И старайтесь говорить яснее.

— В четвертом отсеке нам пришлось разрушить блокировку люка. Она сработала из-за повышенной радиации... Доза излучения в пятом в шесть раз превосходила нормальную. Термографы в четвертом показывали повышение температуры трубы плазмоведа до сорока градусов. Связь резко ухудшилась из-за ионизации... Существенных нарушений в четвертом не обнаружили. Индикаторы скафандров показали, что защита обеспечивает тридцатиминутное пребывание в отсеках... Я предполагаю, что в седьмом вышли из строя отклоняющие обмотки фильтров...

Вот оно! Именно то, чего он смутно боялся!

Бахов говорил еще что-то, но Николай его больше не слушал.

Если отказали фильтры, значит плазма ударила в стенку, и с каждым мгновением грамм за граммом слизывает защитный слой. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы прикинуть время. Сорок минут! Сорок минут, и из них тридцать минут упущено... Значит, все взлетит в воздух через десять минут...

— Связь! Есть связь? Вы слышите ее?! — крикнул Николай и тотчас же услышал треск и шум в динамике и понял, что это и есть связь. Сквозь треск динамика вдруг прозвучал искаженный голос:

— Говорю из пятого отсека... Теперь ясно, что в шестом и седьмом отказали отклоняющие фильтры и не включились аварийные обмотки... У меня около десяти минут времени. Я попытаюсь вручную включить аварийные контакторы обмоток...

Голос на несколько секунд исчез в гуле и треске разрядов.

— В случае неудачи... Неудачи не будет, потому что нельзя... Если я включу только одну обмотку, переместится место удара плазмы в стенку... И тогда у вас будет в запасе еще сорок минут.

Голос снова утонул в хаосе шумов.

— Инка, слышишь ты меня, Инка! — кричал Николай в микрофон.

Из динамика вдруг донеслось:

— Кто пойдет за мной, должны идти...

Голос исчез.

Голос исчез и не вернулся.

Николай опустился в кресло, не видя ничего, кроме двух аварийных приборов на матовой стенке пульты.

Треск в динамике нарастал и опадал, как шум прибора. Стрелки приборов были неподвижны. Секунды стучали в виски.

Николай мысленно шел вместе с нею по длинным отсекам. Он почти физически ощущал тяжесть скафандра и сухость горячего воздуха. Вот она прошла мимо распределительного щита, подошла к люку. Его нужно открыть. Впрочем, блокировка уже снята. Теперь необходимо нагнуться, это так неудобно в костюме... В висках стучит кровь... Нет, это шум в динамике. Шестой отсек... Шестой! Там должно быть жарко. Снова распределительный щит, а рядом с ним блок контакторов. Хорошо, если работают двигатели, иначе ей придется отсоединять провод и включать вручную. Черт возьми, это невероятно трудно... У нее совсем нет времени!..

Крак! Николай вздрогнул и поднял голову. Бахов стоял рядом с ним и держал в дрожащих пальцах две половинки сломанного карандаша. Николай заметил мелкие бисеринки пота на бледном лбу. Он взглянул на свои руки. Они спокойно лежали на белой эмали стола.

...Стрелки были неподвижны. От пристального взгляда перед глазами у Николая все колебалось в зыбкой дымке.

...Три года он так же сидел перед макетом много часов подряд, и стрелки тоже были неподвижны — макет не хотел подчиняться. Тогда Инка помогла ему. Она взяла его за руку, как ребенка, и увела прочь. Они долго шли по пустынной дороге, шли и молчали... И с каждым шагом в нем воскресала надежда...

Ему показалось вдруг, что одна стрелка дрогнула. Дрогнула, плавно пошла вверх и замерла на красной черте. Он услышал за своей спиной глубокий вздох и почувствовал испарину на лбу. Все молчали, толь-

ко треск в динамике нарастал и опадал, как под порывами ветра.

«Теперь вторая! Только бы вторая!.. Нет, ждать нельзя».

Николай рывком поднялся, надел скафандр, почувствовал, что он непривычно давит на плечи. Вокруг молча стояли сотрудники. Лаборант Митя смотрел на него круглыми, будто пуговицы, глазами.

Все понимали друг друга без слов. Митя неловко надел на него шлем, больно оцарапав щеку. Николай подошел к двери и молча ждал, пока ему откроют. Дверь отодвинулась, приоткрыв темный, словно бездна, провал.

— Связь, — произнес он в микрофон.

— Есть связь, — ответил металлический голос в наушниках.

— Дежурный у пульта, остальные в убежище... Следите за седьмым отсеком.

Дверь за ним бесшумно задвинулась.

В тусклом свете аварийных ламп галерея казалась выброшенным штреком. Он быстро шел мимо змеящихся вдоль стен кабельных жгутов.

«Что с ней? Должно быть, ей пришлось скверно... Почему она молчит? Значит, седьмой отсек по-прежнему без изменений...»

— Слышите меня? — раздался в наушниках голос Бахова.

— Что седьмой отсек? — хрипло спросил Николай и замер.

— Седьмой без изменений... Как состояние?

— Все в порядке, — Николай снова почувствовал тяжесть скафандра и боль в обожженной руке. — Вхожу в первый отсек.

Он откинул неплотно прикрытый люк.

— Слушайте, Бахов, как там, по-прежнему никакой связи? — спросил Николай, хотя ясно понимал, что если бы она была, ему сказали бы об этом сразу.

— Никакой, — ответил Бахов.

«У меня тридцать две минуты. Нужно прибавить ходу».

Он быстро миновал распределительный щит и матовые цилиндры вакуумных насосов. Он шел теперь размашистым и неуклюжим шагом, громко ступая коваными подошвами по цементному полу. Вскоре пот начал попадать ему в глаза, а на губах появился соленый привкус. Ему все время хотелось отереть лоб под шлемом тыльной стороной ладони.

— Прошел второй отсек, — сообщил он, уже ни о чем не спрашивая.

Третий отсек встретил его первыми признаками аварии. Термометры наружных стенок кожуха показывали сорок градусов.

«Ого, — подумал он, — скоро будет жарко!»

Николай старался не думать о том, каково сейчас Инке. Теперь он точно знал, что ей наверняка плохо. Нестерпимо хотелось вытереть пот с лица. Он продолжал идти, чувствуя, как с каждым шагом уходит время. Потом он уже ни о чем не думал, он только шел.

Он вдруг почувствовал, что бежит, неуклюже спотыкаясь на гладком полу. Через минуту стало ясно, что такого темпа не выдержать долго. Он остановился и несколько секунд стоял, прислонившись к стене, успокаивая сердце. Потом он снова шел, напрягая волю, чтобы не бежать. Одна мысль жгла мозг: скорее, только бы скорее!

В четвертом отсеке термометры показывали шестьдесят пять. Он взглянул на часы — прошло еще три минуты... Связь молчит. Значит, она сделала все, что могла... Четвертый отсек. Он вспомнил сообщение Бахова. Когда они шли здесь, было около сорока.

— Алло, вы что-то сказали? — услышал он сквозь треск в шлемофоне. — Вас плохо слышно.

— Все нормально, — сказал он устало. — Температура в четвертом шестьдесят пять.

— Значит, в пятом должно быть восемьдесят... А в шестом... Слушайте, вам нужна помощь! Вы не выдержите!

Сквозь треск Николай уловил испуг в крике Бахова.

— А вы выдержите? — Он не мог удержаться от иронии.

— Я иду следом за вами...

— Оставайтесь на месте! Это приказ.

— Пожалуйста, не нужно приказов!

Николай почувствовал, что задыхается то ли от злобы, то ли от горячего воздуха.

— Перестаньте болтать, — сказал он грубо и выключил шлемофон. Теперь он будет ему не нужен. Так легче идти.

В горячем безмолвии раздавалось теперь только шарканье подков по бетону и прерывистое тяжелое дыхание.

Индикатор радиации в шлеме начал медленно разгораться. Красный светлячок рос и рос в длину, одно за другим поглощая деления шкалы. Николай первый раз взглянул на него, когда столбик стоял на отметке «30».

«Тридцать минут — и я стопроцентный покойник. Впрочем, есть шанс стать им раньше, — подумал Николай хладнокровно. — До взрыва, во всяком случае, я дотяну».

Неожиданно перед ним вырос люк. Он не сразу понял, что это вход в шестой отсек. Ему казалось, это еще не скоро. Николай остановился. Сердце стучало часто и неровно. Может быть, еще есть надежда... Только бы живая!

Николай распахнул люк. Даже сквозь скафандр он почувствовал сухость раскаленного воздуха. Отсюда, от входа, был виден распределительный щит, брошенный кожух привода, аварийный ящик с распахнутой крышкой и разбросанный по полу инструмент... Камера была пуста. Николай бросился к открытому шкафу аварийных пускателей и увидел лежащий на клеммах оплавленный скафандр...

Он не отвел взгляда. Что-то выше, чем его воля, заставило его стоять и смотреть. Он не опустил головы, он стоял и смотрел на оплавленный скафандр. Он не плакал.

...Дождь лил за воротник. В промокших ботинках хлюпала вода, а ноги вязли в набухшей от дождя пашне. Одурающе пахло влажной, теплой землей. Он почти бежал, не замечая хлещущих по ногам и груди колосьев. Лицо его было мокро от дождя.

...Только тогда это был пот, едкий соленый пот. И было трудно дышать. Во рту пересохло. Он несколько раз останавливался передохнуть, прежде чем снял кожух привода. Из подшипников редуктора лезла черная пена горелого масла. Видимо, редуктор плотно заклинило. Николай перевел пусковой реостат двигателя на максимальный ток, надеясь толчком повернуть редуктор. Двигатель надсадно взвыл, и из него повалил густой желтый дым.

«С двигателем покончено. Придется расклинивать редуктор и проворачивать вручную, — голова работала четко. — Очевидно, то же пыталась сделать и она, но у нее не было времени».

Николай засунул перчатку в редуктор и растер в пальцах черную смолистую массу. От масла осталась одна сажа. Он достал из аварийного ящика ключи и стал отвертывать муфту, соединяющую редуктор с валом выключателя. Болты подавались туго. Несколько раз ключ соскакивал, и Николай ударялся больной рукой о муфту. Наконец болты были сняты. Двумя ударами разводного ключа он сбил муфту с вала и мгновение стоял обессиленный. Голова кружилась, сердце судорожно колотилось где-то у горла.

Время! Время не ждет! Он оттолкнулся от стены и поднял разводной ключ. Теперь предстоит самое трудное: вручную повернуть тяжелый вал пускателя. Николай попытался сделать это, упираясь в шпонку разводным ключом. Налег всем телом. Шпонка неожиданно выскочила, он свалился на пол.

Нет, так дело не пойдет. Он поплелся к ящику с инструментом и насадил на ключ отрезок стальной трубы. Теперь рычаг стал вдвое длиннее. Николай вставил трубу в отверстие вала и повис на ней. Вал не поддавался. Тогда он уперся ногой в стену и рывком попытался стронуть его с места. Руки неожиданно ослабли, он снова очутился на полу.

...В ушах шумело, пелена застилала глаза. Им овладела бессильная ярость. Он поднимался, снова и снова рвал на себя неподатливый рычаг, повисал на нем, снова падал. Наконец стало ясно, что сил больше нет. Он сидел на полу и не мог пошевелиться. Все тело было наполнено тупой тяжелой болью. На смену злобе пришло равнодушие. И одна только мысль звенела в воспаленном мозгу: «Почему ты не дождалась меня?»

Он провел языком по вспухшим губам, сглотнул тягучую соленую слюну и очнулся. Нестерпимо хотелось пить. Индикатор под подбородком полыхал ярким рубиновым светом.

«Итак, не получилось, — подумал он неожиданно спокойно. — Ну что же, старина, остается всего один выход».

Он взглянул на панельные клеммы. Не было больше усталости и отчаяния. Мозг работал четко. Нужно рассчитать последний вариант, а потом попытаться еще раз. Последний, потому что следует экономить время и силы. Нужно еще успеть подняться к шкафу, встать над клеммами и упасть так, чтобы контакт был надежным.

Он вдруг вспомнил: «...кто пойдет за мной, должны идти...»

Она, очевидно, хотела сказать, что идти следует вдвоем. Уже тогда она знала, что для нее нет иного выхода.

Он с трудом поднялся, подождал, пока утихнет дрожь в коленях.

Затем поудобнее ухватился за рычаг и нажал...

В то мгновение, когда руки его вновь начали слабить и он почувствовал, что теряет силы, вал неожиданно тронулся. Тронулся и начал медленно поворачиваться. Николай все ниже опускался вместе с рычагом, пока не понял, что аварийные контакты надежно замкнулись.

Сидя на гладком полу, не в силах пошевелиться, он вдруг почувствовал, что рядом кто-то есть, и с усилием поднял голову.

Позади него в такой же позе сидел Бахов.

...Вдруг Николай заметил, что дождь перестал. Он огляделся. Перед ним опушка леса, позади бесконечное поле. Невидимое заходящее солнце бросало сквозь края туч розовый мягкий отблеск. Вокруг было безмятежно тихо, лишь в глубине леса одиноко попискивала птица. Неожиданно он услышал за деревьями шорох шагов и тонкий детский голос, спрашивавший кого-то:

— Папа, а ты сильнее орла?

— Сильнее. Человек всех сильнее на свете.

Николай увидел между деревьями две фигуры — большую и маленькую. Из-за туч на мгновение сверкнуло солнце и опалило поле огненным отблеском.

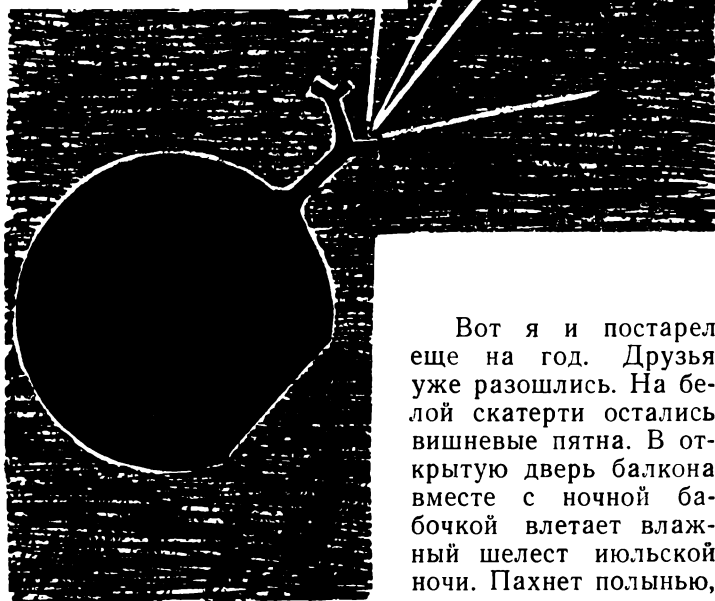
— Пап, а солнца ты сильнее? — снова спросил детский голос.

— Нет, брат, — ответил папа и тихо рассмеялся.

Николаю вдруг захотелось подойти к ним и рассказать, что, когда нужно, человек бывает сильнее солнца. Но они уже прошли мимо, только между деревьями мелькнули еще раз две фигуры — большая и маленькая.

М. ЕМЦЕВ, Е. ПАРНОВ
(СССР)

ЗАПОНКИ С КОХЛЕОИДОЙ

Вот я и постарел еще на год. Друзья уже разошлись. На белой скатерти остались вишневые пятна. В открытую дверь балкона вместе с ночной бабочкой влетает влажный шелест июльской ночи. Пахнет полынью, липовым цветом и нагретым асфальтом... Мне жаль, что прошел именно этот год. Я держу в руке изящные бериллиевые запонки с причудливым рисунком двойной спирали. Мне подарил их сегодня кто-то из близких. В шуме и смехе я не заметил кто. Так как же прошел этот год?..

Я работал над получением фторородиевого полимера. Это был утомительный и напряженный труд. Целую зиму я вновь и вновь повторял опыты, пытаюсь отыскать ускользающее звено реакций. Как-то утром я совершенно случайно обнаружил на дне моей са-

мой любимой матовой от старости колбы тонкую грязновато-серую пленку. Я отделил ее от потускневшего стекла и передал на испытание аналитикам. Через три дня мне принесли результаты проверки. Незамысловатые столбцы цифр, напечатанные через два интервала на голубом листе, свидетельствовали о малых достоинствах и больших недостатках моего фторорода-17.

Надежды на получение необычного материала рухнули. Нужно было все начинать сначала или... Начинать не хотелось, а «или» оставалось неясным.

— С вами хочет переговорить один физик, — сказали мне.

«Одним физиком» был Борис Луков.

— Я занимаюсь глубоким вакуумом, — сказал он.

Я сделал понимающее лицо. Но он быстро раскусил меня.

— К химии это не имеет на первый взгляд никакого отношения, — сказал Борис, — но я слышал, что вы синтезируете металлополимеры с особыми свойствами. А мне очень нужны особые материалы. Я получаю одну стомиллиардную атмосферы, но это же еще очень грязный вакуум.

— Так... — сказал я.

— Все дело в стенках сосуда, — говорил он. — В сущности, можно было бы достичь абсолютного вакуума, если б не десорбция газов. Проклятые стенки сначала отдают часть поглощенных ими газов, а при глубоком вакууме сами начинают испаряться.

Луков достал из кармана коробку «Казбека». Я думал, что он закурит, но в ней между двумя слоями ваты оказались аккуратно уложенные металлические шарики.

— Вот этот, — Борис протянул мне серебристый шарик, — сплав магния, кобальта и сурьмы начисто испаряется в вакуумной камере за три часа. С шариками из железа, стали и золота как будто бы ничего не происходило. Но все-таки и у них после тридцатидвухсуточного пребывания в камере я обнаружил потерю в весе в девятом знаке после запятой.

— Не так уж много, — заметил я.

Борис внимательно посмотрел на меня. Я почувствовал, что сказал что-то не то.

— Для наших ракет, — сказал он, — которые летают на Марс и Венеру и находятся в пути несколько суток, это не страшно. Но если мы полетим к звездам и полет будет продолжаться десятилетия...

— Все понятно! — вскричал я. — Материал для межзвездных кораблей не должен испаряться в космосе. Такой материал нужен всем!

Луков улыбнулся, и я почувствовал, что мы с ним будем большими друзьями.

Я собрал и передал ему все новейшие образцы металлополимеров, в том числе и свой фторород-17. Так началась наша совместная работа, которая продолжается и сегодня.

Несмотря на все ухищрения, Борису не удалось понизить давление в камере. Правда, фторород вел себя лучше других, но и он не приблизил нас к межпланетному вакууму.

Вконец измученный Борис взял командировку на далекую астрофизическую лабораторию Тайну-Олу. Там, говорят, находился совершенно уникальный метеорит. Мой друг хотел пощупать его, как он сказал, своими руками.

Пока Борис носился на вертолете над тайгой, произошло одно памятное событие. Впервые за всю историю космической эры ракета столкнулась с метеоритом.

Это случилось на трассе Земля — Луна. Маленький кусочек железа пробил обшивку грузового корабля «Генрих Гейне». К счастью, никто не пострадал, так как пробойна вывела из строя только один отсек, отделенный от остальных помещений переборками космической защиты. В отсеке находился интересный груз — почва, насыщенная анаэробными бактериями. Груз предназначался для огородов лунного города в кратере Птолемея. На Луне выяснилось, что вакуум испортил почву. Микробы погибли, они распались на отдельные молекулы и испарились в пространство. Когда я прочитал газету, то сейчас

же подумал, что гипотезе о перенесении микробами жизни с планеты на планету нанесен последний удар. Я до сих пор не понимаю, почему я подумал тогда именно об этом. Может быть, это было лишь прелюдией неожиданной идеи, которая заставила меня отшвырнуть газету и выскочить на улицу.

Я ворвался на почту. Мысли мои расплывались, как льдины весной. Я испортил три бланка, пока сочинил телеграмму. Тогда она мне казалась понятной:

«Встреча метеоритом правда шестнадцатого августа тчк ракетой нужно зачерпнуть вакуум привезти Землю Лев».

Борис, черный от загара и пыли, ввалился ко мне на квартиру вместе с чемоданом. Сняв белую в дырочках шляпу и пригладив короткий ежик волос, он, не говоря ни слова, прошел в ванную. Минут пять он фыркал под струей холодной воды. За время, которое прошло с момента отправки телеграммы, я привел свои мысли в порядок и без особого нетерпения ждал, пока Боря кончит умываться. Он вошел в комнату с полотенцем в руках. Включил вентилятор и, устроившись в тени, попросил пива. Я принес замороженную бутылку легкого венгерского вина. Рюмок у меня почему-то не оказалось, и мы разлили его в стаканы. Борька выпил свой сразу в три глотка.

— Идея у тебя великолепная и гениально простая. Это то, что нужно, — без всякого предисловия начал Борис, — но взволновал ты меня, надо сказать, здорово. К чему было писать всякую галиматью? Это же форменное «грузите апельсины бочках. Братья Карамазовы». Неужели и в таком серьезном деле нельзя было обойтись без шуток?

Борис с осуждением смотрел на меня. Так смотрит учитель на шалуна, осмелившегося пустить голубя в присутствии инспектора роно. Я же совершенно не понимал, о чем идет речь. Вероятно, вид у меня тогда был довольно красноречивый. Во всяком случае, Борька убедился в моей искренности и достал телеграмму.

— На, читай! Ну что это такое?

— Как что такое? Моя телеграмма. Ты же сам говоришь, что идея гениальная.

— А это что такое? Вот это: «Встреча метеоритом правда шестнадцатого августа». Я понял это так: «Встречаю. Вылетай метеоритом. Вылетай сегодня же — шестнадцатого августа». Только при чем тут «правда»?

Я расхохотался.

Борис угрюмо смотрел, как я катался в конвульсиях смеха на диване.

Немного отдышавшись, я подошел к нему и, все еще улыбаясь, спросил:

— Ты хоть газеты там читал?

— Нет. А что? — Боря сконфуженно смотрел мне в глаза. — Некогда было, я думал.

— Ах, вы еще и думаете, — я мстил ему за братьев Карамазовых, — вы мыслитель? Наполеон? Магомет? Лев Толстой?

Борька молчал. Я уже спокойно достал вчерашнюю газету «Правда» и обвел красным карандашом маленькое сообщение на четвертой полосе.

— На, читай. Тех, кто не читает газеты, надо морально убивать. Вот тебе: «Встречаю. Вылетай метеоритом».

Борька остался у меня ночевать. Он заснул сразу же, как только лег. Зато уже в семь часов утра Борис был на ногах и безжалостно стаскивал с меня одеяло.

Мы быстро позавтракали и поехали к нему в институт. Старое здание почти опустело. За время Бориного отсутствия его личный стол в полуподвальчике оставался в неприкосновенности. Все знали, что он очень не любил, когда к этому столу подходили посторонние. Борис с трудом нашел для меня стул. Сам он уселся на столе.

— Давай набросаем эскизный проект. — Борис достал стопку бумаги и разделил ее пополам — себе и мне.

— Чего там набрасывать? — спокойно и самоуверенно ответил я. — У меня уже все продумано и готово.

— Ну...

— Все очень просто. В одном из отсеков ракеты помещают пустотелый шар, выполненный из твоего космического сплава, который не парит в вакууме. Когда ракета выходит в космос, отсек автоматически открывается. Затем открывается пустотелый шар, внутренняя поверхность которого покрыта твоим сплавом. Космос высасывает из него все содержимое, и через некоторое время шар закрывается. Что будет в таком шаре?

— Вакуум.

— Молодец, Боренька. В таком шаре будет космический вакуум. Вопросы есть? Дополнения есть?

— По существу дела — нет. В деталях — есть. — Борис слез со стола и начал ходить по пустой комнате.

— И все это осуществляется там, в космосе, автоматически! — сказали мы оба вместе.

Борис радостно потер руки и сел писать проектное задание.

Наконец наступил этот день. Сразу же после приземления космической ракеты «Диспрозий» ее разгрузили. Нашу «ловушку» поместили в заранее приготовленное гнездо. Не знаю, что пережил Борис за то время, пока «ловушку» доставили в лабораторию, я же просто сгорал от нетерпения. Но все имеющее начало имеет и конец.

«Ловушку» установили в заранее приготовленное гнездо. Присоединили к клеммам провода, тщательно всё проверили. Борька заявил, что включить рубильник должен я. Мне же казалось, что это право целиком принадлежит ему.

Наш спор вызвал легкое оживление и смех. Кто-то в конце концов включил рубильник.

Пока нагревались лампы, я подумал, что праздничное настроение бывает только в преддверии

праздника. Когда праздник приходит, все кажется таким обычным. Вот и теперь... Сейчас приборы зафиксируют космический вакуум. Еще раз подтвердится теория Дирака, что вакуум — это не пустота, а море, наполненное зародышами виртуальных частиц. Мы снимем спектр колебаний пустоты и убедимся, что он подтверждает теорию. Что может быть еще?

В этот момент засветился зеленый экран осциллографа. Сначала светящаяся точка вычерчивала уже знакомые нам кривые излучения вакуума. Эти кривые мгновенно фиксировались на фотопленку, которая, пройдя сквозь проявитель, уже показалась в окошке. Я нажал кнопку и обрезал первый кусок пленки. Да, кривая имела тот же характер. Просто она была более точной: ведь впервые с нами «говорил» такой высокий вакуум. Как все-таки жаль, что даже очень важная и трудная работа по завершении становится самой привычной и обыденной. Я знал, что завтра у всех нас появятся новые идеи, новые планы и мы опять будем гореть в чистом огне неутомимой жажды познания. Но сегодня... Сегодня мне было жаль, что мы победили вакуум... так быстро.

А назавтра, когда установка вошла в стационарный режим, случилось это. Сначала фотопленка запечатлела какой-то искривленный треугольник, потом ромб, пятиугольник, шестиугольник.

Многоугольники, все более приближаясь к кругу, сплетались в причудливую нескончаемую цепь. Это была странная и меняющаяся вязь, которая все усложнялась и точно куда-то звала, тянула за собой. Узор становился все более причудливым и изощренным.

Сквозь вязь многогранников пробивалась стоячая, вечно бегущая волна синусоид и тангенсоид, которые неизменно закручивались и переходили в спирали. Все сложнее становились формы спиралей, все неуловимей и тоньше их контуры. Наконец все закончилось двойной спиралью — кохлеоидой, каждая

половина которой словно повторяла себя самое в невидимом зеркале. Обе спирали кохлеоиды все больше закручивались, усложняли свои витки, пока, наконец, из кохлеоиды не родилось нечто, чему еще нет названия, чье движение нельзя описать ни одной известной нам математической формулой. Осциллограф по-прежнему светился, но яркая точка выписывала лишь нулевые колебания вакуума. Все исчезло. Мы не решались заговорить. Не помню, сколько прошло времени, как вдруг опять появились искаженные, построенные не из прямых, а из кривых линий многогранники, которые тянулись в усложняющейся цепи. Все опять закончилось кохлеоидой и ее вырождением во что-то, не имеющее названия.

Так продолжалось пять дней.

Все мы ходили в те дни, придавленные рождающейся где-то в глубине души догадкой. Кто-то, сказал, что мы скользили над пропастью, в которой клубилось и кипело холодным огнем непостижимое.

Мы много раз собирались вместе и спорили о причине странных сигналов, полученных из нашей «ловушки». Каждый, почти одновременно, понял, что эти сигналы — зов разума. Это казалось диким, невероятным, но другого объяснения не было.

— Прежде всего геометрические фигуры! И какие! — говорил тогда бледный от волнения Борис. — Это же не эвклидова геометрия. Это фигуры Лобачевского, фигуры, искаженные в истинном пространстве. Я точно измерил параметры синусоид и тангенсоид, они соответствуют треугольнику с суммой углов в двести семьдесят градусов. Это треугольник на поверхности сферы.

Бориса прервал чей-то заикающийся, как у второклассника, голос:

— Ведь это диалектика, товарищи. Настоящая диалектика! Сначала треугольник, потом ромб, пятиугольник, стоугольник, круг. Что это, как не общий для всего мироздания закон постепенного перехода от количества к качеству? Все усложняется, все увеличивает свои признаки, но новое качество наступает не сразу. Чтобы из многоугольника родился

круг, нужен скачок, а не простое увеличение числа сторон. Скачок наступает, и новое качество отрицает старое. Так рождается круг.

А я говорил о самом, по моему мнению, главном — о развитии материального мира и об источнике этого развития.

— Все развивается по спирали. Но здесь кохлеоида — двойная спираль. А ведь если вдуматься, это более точная схема. Вернее, более общая! Смотрите! Каждая половина — это отражение в зеркале соседней. Это наш мир и мир физического зазеркалья. Это единство и борьба противоположностей. Вот где основа развития вселенной. Единство и борьба мира и антимира. Только высокоорганизованный интеллект мог передать такую информацию. Все может быть разным в разных мирах, но одно остается общим — это наиболее общие законы диалектики.

Мы прекрасно понимали друг друга. Но каждого, вероятно (я сужу по себе), грыз червь сомнения. Прежде всего было непонятно, где находятся существа, посылающие нам, или кому-то еще, свои сигналы. В пустотелой «ловушке», которая, «зачерпнув» межзвездный вакуум, стояла в нашем приборе? Нет, об этом не могло быть и речи. Но тогда где?..

Может быть, правы те физики, которые считают, что наш мир и мир отрицательных энергий в каждой точке невидимо и неощутимо пронизывают друг друга?

Может быть, именно нам посчастливилось первым нащупать, физически нащупать существование мира, который лежит где-то по ту сторону пустоты?..

Так прошел этот год, принесший волнующую тайну, раскрыть которую нам пока не удалось. Может быть, поэтому мне немного грустно, что так быстро течет время.

Сигналы разумного мира, зачерпнутые вакуумной камерой Бориса, взволновали лучшие умы человечества. Встреча с непостижимым казалась близкой и осязаемой. Ракеты поднимались в космос, неся в своих блестящих телах разнообразные «ловушки»

пустоты. Ученые изоощрялись, придумывая самые причудливые формы этих приборов, которые порой достигали огромных размеров.

Но по возвращении на землю каждый раз повторялось одно и то же. Фотопленка с математической правильностью воспроизводила гармоничный танец все усложнявшихся геометрических фигур, известный всем из первого опыта с камерой Бориса. Ничего больше. Все тот же ритмичный вихрь линий и точек, кончавшийся как бы взрывом необъяснимой формы.

Фотографии странных сигналов появились в газетах и журналах у нас и за границей. Причудливый узор кохлеиды, знакомый раньше только математикам, знает теперь любой школьник. Вот даже запонки и те украшает эта двойная спираль.

Я выхожу на балкон и смотрю в черный купол неба, тронутый бледным фосфорическим светом Млечного Пути. Я смотрю и думаю: как отгадать загадку двойной спирали? Мы проникли в тайну вакуума, мы познали его. Теперь мы должны изменить его, воздействуя... Чем? Пока неизвестно. Но я верю, что мы додумаемся.

С. ЖИТОМИРСКИЙ (СССР)

„ПРОЕКТ-40”

Школьником я проходил практику в Институте геологии. Я сидел в своем уголке, делал несложные анализы и вслушивался в разговоры сотрудников, стараясь не прозевать ни одного слова о сверхглубоких скважинах.

Меня увлекала борьба за покорение глубин. Земля была неприступнее космоса. Каждая новая сотня метров давалась исследователям с нечеловеческим трудом, и образцы, взятые на глубине девяти километров, казались чуть ли не ценнее доставленных с Марса.

Как-то среди разговоров мелькнула фраза: «Глубина сорок километров». Я так и замер с пробиркой в руках и понял, что моя судьба решена и что я, наконец, нашел дело, которому стоит по-

святить жизнь. С каждым днем эта невероятная цифра повторялась все чаще, сопровождаемая словами: «Немыслимо, заманчиво, фантастично...» Потом рядом с ней зазвучало имя Ани Щегловой, и опять: «Буровая штанга не выдержит собственного веса...», «Обсадную трубу зажмет...», «Поискать, посчитать и убедиться в собственном бессилии...», «Вы не знаете Щегловой...», «Вы не знаете Земли!..»

Я слушал все это и вынашивал план — познакомиться с Аней Щегловой и стать ее добровольным помощником. Конечно, поначалу я не многим смогу ей помочь, но ведь во всяком деле есть масса черной работы, а я с удовольствием буду делать что угодно, лишь бы работать на переднем крае науки.

И вот, когда Сергеев принес мне очередную пробу для анализа, я как бы невзначай попросил его показать мне Щеглову. Он скорбно закатил глаза.

— К сожалению, она переселилась от нас, и притом навечно.

Он вообще был шут гороховый, этот Сергеев, но я все-таки оторопел.

— Переселилась... Куда?

Он ткнул пальцем вниз.

— Туда, на глубину сорок километров. Здесь осталась только ее брэнная плоть, и надежды на возвращение никакой: задача-то неразрешима.

Полюбовавшись произведенным эффектом, он обещал показать мне Щеглову в столовой.

Аней оказалась невысокая девушка с пышными волосами, которую я уже давно заметил. У нее было странное лицо — участливое и в то же время немного высокомерное. Казалось, все вокруг, включая и себя, она воспринимает, глядя откуда-то со стороны. И этот взгляд был настолько значительным, что я сразу понял, почему ее включили в группу «проект-40», и еще понял, что никогда не решусь к ней подойти.

И тут мне повезло. Восьмого марта в обед она сама пришла в лабораторию и направилась прямо ко мне.

— Говорят, ты мастер на все руки. У меня набойка отклеилась, не мог бы ты мне ее приклеить?

Я, конечно, с радостью согласился. Отложив резиновую перчатку, которую Сергеев просил зачем-то покрыть парафином, я достал клей, струбцину и принялся за Анину туфлю.

Аня сидела напротив меня на табуретке, поставив ноги на газету, и не могла уйти, пока не высохнет клей. Это был великолепный случай для осуществления моего плана.

— Анна Михайловна, пожалуйста, расскажите о «проекте-40».

— В виде платы за починку? — улыбнулась она.

Я собрался с духом и выложил ей все, что думал о переднем крае науки и цели собственной жизни. Аня выслушала меня неожиданно серьезно.

— В шестнадцать лет я рвалась в космос... Все это глупости, дружок. А о «проекте-40», честно говоря, не могу тебе рассказать ничего утешительного.

— Значит, «поискать, посчитать и убедиться в собственном бессилии»? — вспомнил я слышанную недавно фразу.

Аня щелкнула пальцами.

— Видишь ли, наши средства бурения совершенно непригодны для тех глубин. Даже если мы изготовим обсадные трубы из титана и построим электробур мощностью в сто тысяч киловатт. Я уже не говорю о том, что скважину пришлось бы бурить в несколько приемов, как бы этажами. Ведь ни один трос, ни одна штанга из самых лучших материалов при длине пятнадцать километров не выдержат собственного веса. Все это еще в пределах разумного. Другое дело — силы, действующие там! А как подступиться к задаче?! Представь себе эту страшную глубину. Где-то далеко под земной корой в верхних слоях мантии (или оболочки — как хочешь). Представь добела раскаленную толщу. Давление в тысячи атмосфер делает камень упругим, как сталь. Снизу через его пласты, как вода сквозь песок, сочится теплота, она струится по жилам теплопроводных минералов, скапливается у незримых запруд. Перегретая порода на-

прыгается, становится ослепительно белой, осторожно раздвигает соседей и вдруг, перейдя какой-то рубеж, резким толчком расправляет плечи. Волна чудовищного удара с гулом катится на тысячи километров вглубь и вширь, опускается к огненным безднам расплавленных руд ядра, взмывает вверх и, пронизав земную кору, стряхивает с ее поверхности хрупкую вязь человеческих построек.

Но — а это самое главное — прочность сжатого перегретого вещества обманчива. Стоит снять давление, и вещество вспучится, поползет, закипит, как пролитая на плиту вода. Оно не потерпит полости, проглотит любую щель, сожмет обсадную трубу неодолимой силой и ринется по ней вверх, угрожая рождением нового вулкана.

— Неужели задача неразрешима? — спросил я, все еще надеясь, что сейчас Аня посрамит Сергеева с его ленивым неверием, но она только вздохнула.

Я понял, что задал бестактный вопрос, и почувствовал себя очень неловко.

К счастью, расплавился парафин, и я снова взял перчатку, соображая, как бы выполнить поручение Сергеева. Аня предложила надуть перчатку и окунуть в парафин, пока на ней не нарастет корочка. Из этого, правда, ничего не вышло — надутая перчатка никак не желала погружаться, но тут я придумал:

— Надо залить ее водой, вода-то ведь тяжелее парафина!

Опыт удался. Залитая водой перчатка, похожая на связку сосисок, легко погрузилась в расплав и сразу побелела, покрывшись коркой застывшего парафина. Я осторожно вылил из затвердевшей перчатки воду и погасил горелку. Потом я обернулся к Ане и не узнал ее. Она пристально смотрела на меня тем взглядом сверху, который обычно только временами мелькал в ее глазах, ее сжатые губы побелели, лицо было напряженно-внимательным, как у бегуна за секунду до старта. Она молча поднялась и шагнула к двери.

— Анна Михайловна, туфля! — опомнился я.

Аня вернулась, села, взяла из моих рук туфлю, машинально надела ее и опять посмотрела на меня, но уже обычным взглядом.

— Вот что, Алеша, если хочешь со мной работать, как говорил, приходи завтра прямо ко мне. Мы с тобой, кажется, сможем проткнуть землю не то что на сорок, а на все две тысячи девятьсот километров!

— Почему только на две тысячи девятьсот?

— А ты уже обрадовался? Глубже, дружок, идет жидкое ядро. — Она засмеялась и ушла.

Я остался в лаборатории взбудораженный и счастливый. Еще бы! На моих глазах Аня придумала что-то новое, необычайное. Она нашла решение, казалось бы, неразрешимой задачи. Какое?

— Что здесь делала Щеглова? — спросил вошедший Сергеев.

— Я подклеивал ей набойку.

— А перчатку ты ей не показывал? Неплохо у тебя получилось, рука что надо, — продолжал он, пряча перчатку в коробку из-под конфет.

— А разве это был секрет? Я не скрывал ничего, она мне ее даже делать помогала.

— Помогала? — Сергеев ахнул. — Вот проси таких! Ты же мне всю игру испортил, это должен был быть сюрприз, я ей хотел вместе с общим подарком подсунуть это как бы от имени одного парня, будто он к ней сватается. Вот сердце, — он вынул из коробки флакончик из-под духов в виде сердечка, — а это рука. Понял теперь? Хотя ладно, потеха будет все равно. — Он закрыл коробку и пошел к двери.

Я догнал его.

— Отдайте перчатку! Вы... не имеете права!

Выходило, что я стал соучастником в грубой выходке против Ани Щегловой, в шутке, которая в ту пору показалась мне чуть ли не преступлением.

— Ты что, очумел? — процедил он, схватив меня свободной рукой за ворот.

Силы были слишком неравны. Он оттолкнул меня и вышел из лаборатории.

На улице светило солнце. Я отворачивался от празднично одетых женщин с мимозами в руках.

Все рухнуло. Мысль о встрече с Аней, которая, конечно, уже считала меня предателем, была невыносимой.

Может быть, этот нелепый случай определил мою судьбу, и, хотя меня интересовало горное дело, я поступил в машиностроительный институт.

Прошло девять лет. Я работал конструктором в большом бюро. Старая привязанность к химии подсказала мне несколько необычную идею отвода алюминиевой стружки в автоматическом цехе, который мы проектировали.

Речь шла о системе каналов, которые следовало заполнить жидкостью с удельным весом, превышавшим удельный вес алюминия. В такой жидкости стружка плавала бы, и тогда проблема ее отвода решалась бы легко.

Я вспомнил, что недавно читал об аквалите, или каменной воде, необычайно тяжелой нейтральной жидкости. Она-то и могла бы нам подойти.

Завод, изготовлявший аквалит, находился недалеко от Тулы. Мне пришлось порядком помотаться в автобусах, пока я добрался до него. Наконец я оказался в крошечном поселке, лежавшем на берегу озера среди лесистых холмов. Издали были видны оплетенные трубами металлоконструкции и башни завода.

Меня встретили приветливо. Молодой сотрудник провел меня по заводу.

Аквалит был кремнийорганическим соединением. Внешне он напоминал воду, но был настолько тяжел, что в нем спокойно плавали стекло и камень. Это мне провожатый продемонстрировал в лаборатории с серьезностью школьного учителя. Плотность аквалита 2,8 меня вполне устраивала.

Удовлетворенный, я записал нужные данные и отправился на автобусную остановку.

Там было пусто. Шедшая мимо женщина участливо посмотрела на меня. Я понял значение ее взгляда, пробежав висевшее под навесом расписание: автобус придет через два с половиной часа.

— Вам в Тулу надо, да? — сказала она, остановившись. — Вы бы на скважину пошли, оттуда автобус ходит в шесть часов. Тут недалеко, лесом пять километров, все по трубе да по трубе. К шести поспеете.

— А что там за скважина? — поинтересовался я.

— Как же вы не знаете? Скважина очень известная, Академии наук. Завод наш специально для ее снабжения строили. Теперь-то завод развернулся, и аквалит стали обогатительные фабрики брать, а года два назад мы только на Щеглову и работали. Она начальником там... Метод у нее новый, глубины достигла то ли тридцать пять километров, то ли сорок пять.

— «Проект-сорок»! — вырвалось у меня.

— Что, что? — не поняла женщина.

— Нет, ничего. Просто я хотел спросить, как же мне пройти на эту скважину.

Я шел нерасхоженной тропкой по просеке. Полужаросшая травой неровная грядка земли, тянувшаяся рядом, обозначала засыпанную траншеею трубопровода. Вокруг шумел лес. Кусты орешника путались под ногами дубов, и те гладили их ветвями по головам, как взрослые малышей.

Меня обступили воспоминания. Первый раз в жизни память заставила меня обернуться не затем, чтобы показать приятное. Ее упрек был прям и горек. В первый раз я почувствовал непоправимость шагов, которые мы так легко делаем на развилках дорог, забывая, что по тропе жизни можно идти только вперед.

Мое былое пристрастие сейчас предстало передо мной не как детское увлечение, а как призвание, которому я изменил. Кто знает, если бы я не занялся тогда злополучной перчаткой, все бы могло сложиться иначе и в «проекте-40» была бы доля и моего труда. Я проклинал Сергеева за дурацкую выдумку, проклинал себя за то, что вовремя не решился попросить прощения.

Но постепенно в моих мыслях все большее место стала занимать скважина. «Проект-40» осуществлен, но как? Как все-таки удалось победить давление? Как вынимается из глубины порода? Для чего требуется на скважине аквалит, да еще в количествах, оправдавших постройку целого завода?

Неожиданно меня поразила догадка: что, если скважина залита аквалитом? Действительно, его удельный вес превышает удельный вес большинства горных пород, и, значит, столб аквалита на любой глубине создает давление большее, чем окружающие породы.

Получалась удивительно простая схема. По сути дела, скважина напоминала монолитную сваю, забитую в стиснутую давлением среду, но сваю жидкую, а значит, проницаемую для инструмента или капсулы с приборами.

Обдумывая реальность своей догадки, я вышел на гребень холма и замер, остановленный открывшимся простором.

— Что, красиво? — услышал я за спиной.

По тропке поднимался черноволосый парень в цветастой ковбойке. Я поздоровался.

— На скважину? Тогда пойдем вместе, — предложил он.

Его звали Игорем. Он был в том счастливом настроении, когда все кажется прекрасным и все удается. Он говорил безумолку, охотно рассказывал о себе, с удовольствием отвечал на мои вопросы.

Он работал на скважине дежурным аппаратчиком и заочно учился на втором курсе института. О скважине он говорил с жаром. Штурм глубин увлек его еще во время школьной практики, которую он проходил здесь. Щеглова заметила его и приняла после окончания школы. Сейчас у него две опубликованные работы, посвященные волнообразным изменениям температуры в глубине, открытым с помощью скважины.

Я расспросил его о скважине. Моя догадка оказалась верной, но аквалит использовался на скважине не только вместо обсадных труб, разрушенная бу-

ром порода сама всплывала по нему из глубин. Даже бур был построен наподобие подводной лодки и мог выплывать или погружаться на дно. Интересно решалась задача отвода тепла. В обычных условиях аквалит закипает при двухстах градусах, но на глубине сорок километров под давлением в десять тысяч атмосфер он остается жидким и при полутора тысячах. Но, казалось бы, нарушая все законы физики, перегретый аквалит не стремится вверх в зоны с меньшим давлением. Это объясняется его высокой сжимаемостью. Рост его плотности с глубиной обгоняет ее падение от нагрева, и это парализует конвекцию. Остается только прямая теплопередача, но тут поток тепла намного меньше, и главное, достаточно охладить аквалит в начале скважины.

— Мы прошли сорок километров, — говорил Игорь, — а теперь Анна Михайловна предлагает накопить аквалит и предпринять наступление на астеносферу. Не знаете? Это вязкий горячий пояс, где сидят корни вулканов. По ее мысли, бур там будет уже не нужен. Давление столба жидкости должно продавить породу. Скоро начнется строительство хранилищ для аквалита, а пока мы ведем исследовательскую работу.

— Что, Щеглова у вас начальником? — спросил я.

— Научным руководителем. Но дело же не в должности. Она душа этого дела. С ней хорошо работать. Любая вещь оживает в ее руках. Она как-то сразу умеет взять главное, не останавливаться на мелочах, и поэтому ее идеи пускают корни. Аквалит, например, был синтезирован по ее заказу для скважины, а теперь он оказался нужен многим отраслям техники. Смотрите, уже видно скважину!

Мы вышли из леса. Впереди по широкой ложине рассыпались постройки. К буровой вышке примыкало фермчатое сооружение с огромными барабанами, на которые, очевидно, наматывались кабели при подъеме бура. Из-за длинного корпуса, из крупных блоков выглядывали две окутанные паром градирни. Несколько круглых выкрашенных алюминиевой краской хранилищ да сеть разнокалиберных труб, пересекавших

площадку, завершали картину. Все это выглядело внушительно, но куда более скромно, чем сооружения первой сверхглубокой, на которой мне когда-то удалось побывать.

И только тут, когда я увидел буровую вышку, мне удалось почувствовать, что это такое — сорок километров вглубь. Я ощутил, что из этой вот точки земли идет путь в недра длиной, как отсюда до Тулы, что тонкая ниточка скважины связывает чудесный мир весенних лесов с раскаленным медлительным царством сдавленного камня, где решаются судьбы материков и океанов, где бродят силы, ничтожной доли которых достаточно, чтобы обратить в пепел все леса на Земле. И еще я почувствовал, что это царство близко — как отсюда до Тулы, и что оно всюду, под ногами у всех людей.

Но как... как она пришла к идее скважины?!

Мы вышли на шоссе, вдоль которого, взметнувшись к небу скованные руки, стояли мачты высоковольтной линии.

— Между прочим, — сказал Игорь, — идея скважины принадлежит не Щегловой.

— А кому же?

— Сейчас скажу. Время еще есть, я провожу вас до остановки. Идея скважины принадлежит одному школьнику. Анна Михайловна любит об этом рассказывать. Он залил мягкую резиновую перчатку водой и погрузил ее в расплавленный парафин. Перчатка не потеряла формы, потому что ее распирала вода, которая, как известно, тяжелее парафина. Это, собственно, и есть идея скважины. Вы что, не верите? Нет, правда, это все вполне серьезно. Она даже перчатку хранит как память об этом школьнике. Мне показывала. Вот и остановка. Автобус будет через полчаса. Садитесь и ждите. А хотите, давайте пройдем на скважину. Кое-что я вам успею показать. Нужно только немного вернуться...

Немного вернуться!

III. П О Д В И Г

Покрытый коричневой корочкой бифштекс шипел на сковородке в ореоле мельчайших брызг масла.

Рядом с дымящейся чашкой кофе румяные тосты ожидали, пока их намажут земляничным джемом. Сочная золотистая груша должна была завершить завтрак. Зрительные нервы первыми донесли информацию в мозг. Почти одновременно она была дополнена сложной гаммой запахов и сличена с запахами, хранившимися в ячейках памяти. После этого мозгом была отдана команда. Повинуясь ей, слюнные железы смочили слизистую оболочку рта, ускорился ритм сокращения стенок желудка и так далее. По сложным каналам обратной связи в мозг была передана информация: «Организм готов к приему пищи».

Сэм протянул руку, чтобы взять вилку, но кто-то сзади схватил его за обе руки и вывернул их назад.

И. ВАРШАВСКИЙ
(СССР)

ИНДЕКС E-81

— Ты опять дрыхнешь на скамейке? — произнес хорошо знакомый ему голос. — Сматывай удочки и катись отсюда, пока не познакомился с судьей!

Дюжий полисмен поставил Сэма на ноги, сунул в руки узелок, заменявший чемодан и подушку, и движением колена сообщил ему начальное ускорение в том направлении, куда, по мнению полиции, следовало направить свои стопы безработному.

Сэм медленно побрел по улице. Только теперь он понял, как ему хочется есть. Вчера они с Томом, простояв час в очереди, получили по тарелке благотворительного супа. Это было все, что могло выделить своим пасынкам федеральное правительство из колоссальных излишков продуктов, скопившихся на складах.

Бедняга Том! Ему здорово не повезло. И за что ему вкатили пятнадцать суток? Здесь на юге чертовски не любят цветных. Особенно когда они без работы. Нужно сматываться из этого города. Придется опять путешествовать в товарных вагонах. Хорошо бы дожидаться, пока выпустят Тома. Вдвоем всегда лучше.

Сэм обернулся, почувствовав чью-то руку у себя на плече.

Перед ним стоял небольшой человечек в сдвинутой на затылок шляпе.

— Есть работа, — сказал человечек, не выпуская сигары изо рта.

Сэм оглядел его с ног до головы.

— Если подойдете — будете довольны, — продолжал он. — Решайте быстрее.

Сэм кивнул головой. Человечек махнул рукой, и к ним подкатил черный лимузин.

Машина остановилась у пятиэтажного серого здания на окраине города. Сэм и его спутник поднялись на второй этаж.

— Подождите здесь, — сказал человечек и скрылся за дверью, на которой была укреплена табличка с надписью:

«Вел. З. Вул. Президент».

Через несколько минут он вышел и поманил Сэма пальцем. Комната в конце коридора, куда он впихнул Сэма, была погружена во мрак. Только на письменном столе, за которым сидел высокий человек в белом халате, горела лампа, освещая разбросанные по столу бумаги.

— Фамилия? — спросил человек в халате.

— Смит.

— Имя?

— Сэмюэль.

— Возраст?

— Двадцать один год.

— Занятие?

— Безработный.

— Бэртрам! — крикнул человек в халате. — Полное исследование по программе Ку триста шестнадцать.

Бэртрам, оказавшийся молодым человеком с черными тоненькими усиками, велел Сэму лечь на стол, стоящий посередине комнаты. Через несколько минут Сэм оказался опутанным сетью проводов. На его груди, голове и на запястьях укрепили металлические манжеты.

Бэртрам подошел к аппарату, напоминающему большой телевизор.

— Лежите спокойно, — сказал он, вращая ручки на приборе.

Сэм почувствовал легкое покалывание. Не сводя глаз с экрана, Бэртрам сел на стул и начал печатать на клавиатуре прибора, похожего на пишущую машинку. Сэм видел, как из-под валика машинки поползла черная лента с пробитыми на ней отверстиями.

— Готово, — сказал Бэртрам.

— Биографические данные проверьте на детекторе лжи, — сказал человек в халате.

Бэртрам укрепил на теле Сэма еще несколько контактов.

Вопросы, которые задавали Сэму, казалось, не имели между собой никакой связи.

— Страдаете ли вы изжогой?

— Не было ли среди ваших предков негров и евреев?

— Болят ли у вас зубы?

— Как вы переносите виски?

— Крепко ли вы спите?

— Какими болезнями вы болели?

Затем его повели в соседнюю комнату, где просматривали грудную клетку перед большим рентгеновским аппаратом, взяли пробу желудочного сока и сделали анализ крови. Потом он услышал:

— Можете одеваться.

Одеваясь, Сэм наблюдал, как Бэртрам вложил черную ленту с пробитыми отверстиями в большой серый ящик, нажал кнопку, как на панели ящика загорелись зеленые лампочки. Потом что-то шелкнуло, и в руках у Бэртрама оказалась белая карточка.

— Индекс E-81, — сказал Бэртрам. — Подходит для мистера Фауста.

Человек в халате снял телефонную трубку.

— Противопоказаний нет, можете использовать.

Дверь отворилась, и вошел уже знакомый Сэму человечек.

— Дженерал Кибернетик компании, — сказал он, — может предоставить вам работу, но раньше я должен представить вас заказчику.

На этот раз машина остановилась у небольшого особняка в фешенебельной части города.

— Мистер Фауст вас ждет, мистер Дженингс, — сказал подошедший к ним в холле человек в черном костюме.

Они прошли через зимний сад и оказались перед тяжелой дубовой дверью.

— Мистер Дженингс, сэр, — сказал человек в черном, открывая дверь.

В комнате, куда они зашли, пахло лекарствами, духами и еще чем-то, чем пахнут давно не проветриваемые вещи.

В кресле у ярко пылавшего камина сидел малень-

кий старичок со сморщенным лицом, похожим на сушеную грушу.

— Это Смит, которого мы для вас подобрали, мистер Фауст, — сказал Дженингс.

— Подойдите поближе, — пропищал тоненький голосок из кресла.

Сэм шагнул вперед. Несколько минут старичок с любопытством на него смотрел.

— Вам объяснили ваши обязанности?

— Я предполагал, мистер Фауст, что до того, как будет получено ваше согласие на эту кандидатуру, всякие объяснения излишни, — сказал Дженингс, — хотя фирма считает ее вполне подходящей. Мы провели самое тщательное исследование.

— Мне уже надоело ждать. Пока вы там возитесь, я теряю драгоценное время. Я достаточно стою, чтобы наслаждаться жизнью, а эти ослы посадили меня на манную кашу. Слава богу, прошли времена, когда за возвращение к молодости нужно было продавать душу дьяволу. Я могу купить не только молодость, но и дьявола в придачу. Короче говоря, — обратился он к Сэму, — я покупаю у фирмы ваши ощущения. Объясните ему, Дженингс. Я вижу, что он ни черта не понимает.

— Хорошо, мистер Фауст. Ваши обязанности, Смит, будут заключаться в том, чтобы снабжать мистера Фауста ощущениями нормального, здорового молодого человека, пользующегося всеми радостями жизни.

— И пороками, — пропищал голос из кресла.

— И тем, что называется пороками, — согласился Дженингс. — Для этой цели будет налажена связь между биотоками вашего мозга и биотоками мозга мистера Фауста. Точнее говоря, ваши биотоки, разложенные на гармонические составляющие, будут модулировать несущую частоту радиоволны, на которой между вами будет осуществляться связь, и вызывать в мозгу мистера Фауста точно такие же ощущения, какие будете испытывать вы. Аппаратуру, необходимую для этой цели, фирма доставит через час.

Сэм тихонько ущипнул себя за ляжку.

Нет! На этот раз он не спал.

— Значит ли это, — спросил он, — что мои мысли будут передаваться по радио мистеру Фаусту?

— Человеческая мысль слишком сложная штука, чтобы это можно было сделать. Пока речь идет о передаче простейших ощущений, связанных с физиологической деятельностью организма. В этом отношении между вами будет налажена самая тесная связь. Во время сеансов, организуемых по желанию мистера Фауста, его ощущения будут точно копировать ваши. Следовательно, в это время вы должны заботиться о том, чтобы делать то, что вам приятно. Жить вы будете здесь. На время сеансов в вашем распоряжении будет автомобиль, отдельная квартира и открытый счет в ресторане. Вы будете снабжены небольшой суммой подотчетных карманных денег. Кроме того, фирма будет вам выплачивать по три доллара за каждый сеанс, которые вначале будут вычитаться в погашение стоимости выданной одежды. Сегодня состоится пробный сеанс.

— Муррей покажет вашу комнату, — сказал старичок. — Муррей — мой секретарь. Если вам будет что-нибудь нужно, обращайтесь к нему. Вечером будьте готовы к сеансу. Позаботьтесь, Дженингс, чтобы все было в порядке.

В отведенной комнате Дженингс усадил Смита на стул, открыл стоявший в углу чемодан и вынул оттуда машинку для стрижки волос. Через несколько минут череп Смита напоминал бильярдный шар. Затем Дженингс взял бутылку, кисточку и обмазал голову Сэма противно пахнущей липкой жидкостью.

— Вам придется носить парик, — сказал он, укрепляя у него на голове тонкую металлическую сетку, — для того, чтобы не привлекать внимания этой штукой. Сейчас мы проверим ее в работе. Этот миниатюрный передатчик на полупроводниках кладите в карман. В бантике, который вы должны носить вместо галстука, помещена ферритовая антенна. Радиус действия передатчика около двух километров. В этом радиусе вы должны находиться во время се-

ансов. Старайтесь, чтобы плоскость антенны всегда была ориентирована перпендикулярно к прямой, проведенной между вами и домом мистера Фауста. Так обеспечивается наибольшая сила передаваемого сигнала. Остальное вы скоро освоите сами. Теперь суньте руку в карман и нажмите кнопку на передатчике.

Нажав кнопку, Сэм почувствовал противное гудение в голове.

Дженингс вынул из чемодана небольшой прибор с экраном и включил его шнур в штепсельную розетку. На экране вспыхнули причудливо извивающиеся светящиеся кривые.

— Так, отлично! — сказал он, выключая штепсельную вилку. — Все работает нормально. В чемодане для вас костюм. Переодевайтесь. Скоро Муррей отвезет вас на пробный сеанс в ресторан, а я займусь подготовкой мистера Фауста.

Свежевыбритый, в отличном новом костюме, Сэм вошел в сопровождении Муррея в зал ресторана «Бристоль». Муррей сказал несколько слов на ухо подошедшему метрдотелю, и тот, поклонившись, повел Сэма к столику у окна.

— Обед заказан по выбору мистера Фауста, — шепнул Муррей на ухо Сэму, — шофер вас будет ждать. Поправьте парик, он у вас налезает на ухо. Я уезжаю. Во время сеанса я должен быть около шефа.

— Устрицы, суп из креветок, жульен из дичи, отварная форель, пломбир, кофе с коньяком. Вино по списку, коллекционное, — бросил на ходу метрдотель лакею.

Сэм взял в рот устрицу. Она показалась ему безвкусной, но он ее с жадностью проглотил. Притупившееся за день ощущение голода вновь овладело им с необычайной силой. Он, не разбирая, глотал все, что ставил перед ним изумленный лакей, залпом осушил полный бокал вина и снова глотал теплую пищу, заботясь только о том, чтобы поскорее наполнить пустой желудок.

Наконец голод был утолен, и он с наслаждением почувствовал тепло, разливающееся по всему телу.

Подали кофе.

Откинувшись на спинку стула, он обвел взглядом зал. На эстраде музыканты извлекали из своих инструментов спотыкающиеся, кудахтающие звуки. Мелодия внезапно оборвалась, и к рампе подошел барабанщик.

— Известная французская певица Маргарита Дефор, — объявил он.

На эстраду выпорхнула девушка лет восемнадцати, встреченная аплодисментами. Хриплые звуки джаза, казалось, подчеркивали чистый, нежный голос певицы. Она пела по-английски негритянскую песенку, которую часто пел Том, когда они с Сэмом работали на сборе хлопка. «Бедняга Том!» — подумал Сэм.

Потом место на эстраде занял верзила, жонглировавший двенадцатью откупоренными бутылками, умудряясь одновременно ловить ртом льющуюся из них жидкость.

Сэм допил кофе и, провожаемый метрдотелем, вышел из ресторана.

На следующее утро Муррей разбудил Сэма:

— Шеф хочет вас немедленно видеть.

Через несколько минут Сэм предстал перед мистром Фаустом.

— Неплохо, мой мальчик, но это далеко не то, что от вас требуется. Нельзя поглощать пищу без разбора, научитесь ее смаковать. Тот хаос вкусовых ощущений вперемежку с голодом, который я вчера испытал, очень далек от настоящего наслаждения пищей. Попробуйте понять вкус устриц и не налегайте так на вино. В большом количестве оно снижает вкусовые ощущения. Однако дело не в этом. Все придет со временем. Скажите: какое впечатление произвела на вас вчерашняя певичка?

— Она очаровательна, — ответил Сэм.

— Очень рад, что она вам понравилась. Постарайтесь завоевать ее расположение. Помните, что если нужны деньги, то они будут.

В кресле что-то забулькало и захрипело, как в испорченном водопроводном кране. Очевидно, мистер Фауст смеялся.

Бульканье прервалось так же внезапно, как и возникло.

— Можете идти, мой мальчик. Следующий сеанс будет сегодня вечером.

Так прошло несколько дней. Новая жизнь оказалась не такой ослепительной, как это представлялось вначале.

Мистер Фауст капризничал. То ему казалось, что смары не вызывают у Сэма должных вкусовых ощущений, то его возмущала неспособность Сэма наслаждаться сигарами. Целую бурю вызвал вопрос о наркотиках. Выкурив первую трубку опиума, Сэм не испытал ничего, кроме невыносимой тошноты. При этом он забыл выключить передатчик, и ему пришлось выслушивать нарекания мистера. Но больше всего недоразумений происходило по поводу мадемуазель Маргариты. Сэму удалось завязать с ней знакомство.

Но и только.

— Даю вам три дня срока, — визжал разъяренный хозяин. — Если за это время вы не справитесь с девчонкой, я порву договор с фирмой, или пусть присылают кого-нибудь другого, а не болванов, у которых после салата с уксусом начинается отрыжка и вечно чешется левая пятка.

Сегодня назначенный срок истекал.

Машина плавно подъехала к подъезду ресторана. Черная тень бросилась к автомобилю и открыла дверцу.

Сэм полез в карман за мелочью, но рука его застыла на месте.

— Том, дружище, ты ли это?

Сомнений не было, перед ним стоял тот самый Том, с которым они исколесили полстраны в поисках работы.

— Я, Сэм, своею собственной персоной, только что из тюрьмы. Им нужны места, и меня выпустили оттуда досрочно. Но что с тобой, Сэм? С каких пор ты начал разъезжать в автомобилях? Уж не получил ли ты наследство? Теперь ты уже не захочешь якшаться с бедным негром.

— Сейчас я тебе все расскажу, Том, только раньше всего нужно тебя покормить. Пошли!

— Ты с ума сошел, Сэм! Разве ты не знаешь, что цветным запрещен вход в этот ресторан? Если у тебя действительно завелась пара долларов, то пойдем поищем закусочную.

— Не беспокойся, дружище. Со мной тебя сюда пустят. Я тут важная персона.

— Не советую, мистер Смит, — вмешался шофер. — Вы знаете отношение мистера Фауста к цветным. Он никогда не потерпит...

— Поезжайте домой! — перебил его Сэм. — Я сам, если нужно, объяснюсь с хозяином.

В дверях им преградил дорогу швейцар.

— Мне очень жаль, мистер Смит, но я имею строгое предписание...

— Не беспокойтесь. Я знаю, что делаю, — сказал Сэм, отстраняя рукой швейцара.

В зале их встретил метрдотель.

— Крайне сожалею, мистер Смит, но правила нашего заведения категорически запрещают появление в нем цветных.

— Даже если это делается по желанию мистера Фауста?

— Если убытки, понесенные заведением, будут компенсированы, — пробормотал метрдотель, — то... Впрочем, я не могу отвечать за последствия. Мы хорошо знаем мистера Фауста, но боюсь, что даже его имя не может оградить нас от неприятных инцидентов.

Друзья сели за столик.

Метрдотель благоразумно удалился.

— Два бифштекса и два виски с содовой, — сказал Сэм официанту, машинально включая передатчик.

— Но ваш ужин, мистер Смит, — пробормотал официант, явно смущенный.

— Ужин потом, — сказал Сэм.

Мертвая тишина воцарилась в зале. Все взгляды были обращены на их столик.

— Идем отсюда, Сэм, — пробормотал Том, — не нравится мне вся эта история.

В наступившей тишине резко прозвучал звук разбившегося стекла. Оттолкнув свой столик, высокая красивая дама со слезами на глазах шла к выходу. Ее кавалер еле поспевал за ней.

Зал быстро пустел.

Наконец сконфуженный официант принес заказанное. Том несколько оживился при виде сочного бифштекса.

— Я здорово рад, Том, что, наконец, встретил тебя.

Рука Сэма потянулась к стакану, но кто-то сзади схватил его за обе руки и вывернул их назад.

— Будешь знать, как водить сюда всякую негр-тянскую сволочь.

Их тащили за ноги по лестнице. Сэм чувствовал, как его голова ударяется о каждую ступеньку. Последнее, что он видел, был черный автомобиль, в который кинули Тома, и башмак с металлическими подковами над своей головой, поднятый для удара...

Сэм открыл глаза и застонал. Ныло все тело, и невыносимо болела голова. Он дотронулся до лба и нащупал повязку.

— Здорово вас разукрасили! Какой мерзостью у вас была смазана голова? Нам пришлось перепробовать кучу растворителей, прежде чем удалось все это смыть. Мэри, дайте больному его платье и счет. — Толстый человек в белом халате игриво ткнул Сэма в живот и вышел из палаты.

— Вот ваш костюм, — сказала сестра, — я его как могла зашила и почистила, а вот счет. Двадцать долларов за оказание первой помощи, пять долларов за удаление лакового покрова на голове и доллар за ремонт платья. Всего двадцать шесть долларов.

Сэм сунул руку в карман того, что раньше называлось его пиджаком, вынул бумажник и пересчитал деньги, выданные ему мистером Фаустом на текущие расходы. Набралось всего двадцать пять долларов. Обшарив все карманы, он наскреб еще доллар и десять центов мелочью.

Домой пришлось идти пешком. Первый, кого он встретил в холле, был Муррей.

— Где вы шлаетесь, Смит? — сказал он. — Звонил Дженингс. С сегодняшнего дня ваша работа в фирме окончена. Вчера вечером во время сеанса мистер Фауст умер от кровоизлияния в мозг.

К. ФИАЛКОВСКИЙ
(Польша)

ПРАВО ВЫБОРА

Автомат замкнул выходные шлюзы, и внутренность кабины виднелась теперь только на экране. Тело лежало на операционном столе, белом, прямоугольном, под яркой голубой лампой. По нему ползала черная змея автомедя, залечивающего поверхностные ранения.

— ...Он упал во время приземления, — сказал Толев. — Выключил автопилот, чтобы избавиться от

автоматов, контролирующих движение, и сел на деревья. Слишком быстро потерял скорость, — пояснил он.

Фар отвернулся от экрана.

— Он летел один? — спросил он.

— Один. Такой глупый щенок! Наслушался лекций на тему «Веди машину без автопилота» и захотел проделать все самостоятельно.

«Выживет ли?» — подумал Фар и направился к пульту управления операционной.

Ин уже сидела у гомотрона.

— Что нового, эскулап? — спросила она.

— Какой-то парень. Разбил ракету при посадке.

— Ну что ж, починим его, — улыбнулась она Фару по-своему, только глазами.

— Он сильно разбился...

— Дай мне данные о его состоянии.

Фар подошел к пульту управления автомата и нажал красную кнопку с надписью «Информация». Он всегда поражался тому, как мало времени необходимо гомотрону, чтобы собрать и выдать сведения о состоянии больного. За десять-пятнадцать секунд автоматизированный прибор узнавал об индивидуальной анатомии и физиологии человека больше, чем он, Фар, за все годы своего обучения.

— Будь я гомотроном, я кончил бы обучение за пять минут, — сказал он как-то Ин.

— И был бы неинтересным, узкоспециализированным автоматом, с которым я не могла бы выдержать ежедневных четыре рабочих часа.

— Я был бы гениальным автоматом...

...Да, это было, когда они возвращались под дождем домой. Вероятно, была весна, так как листья на деревьях были маленькие и ярко-зеленые. Они возвращались по широкой серой трассе виробусов с блестящей от дождя поверхностью. Оба промокли и дрожали от холода, хотя солнце светило все время. По краям стояли мокрые автоматы — те, что выдают справки, и те, что на прогулках раздают детям конфеты. Автоматы не замечали дождя, не ощущали хо-

лода и, как всегда, мигали, реагируя на приближение людей.

Именно тогда он сказал, что хотел бы быть автоматом, хотя бы гомотроном. Потом их подобрал какой-то виробус, и они сушили скафандры под инфракрасными излучателями.

Лампочка над клавишей «Информация» погасла, зажужжал зуммер. Гомотрон уже узнал все. Там, в глубине, за пультами, в белых сосульках кристаллов, оплетенных запутанной сетью проводов, кружили импульсы, конфигурация которых моделировала работу сердца, легких, печени, прохождение кровяных телец сквозь капилляры и колебания диафрагмы при дыхании. Теперь достаточно спросить автомат о реакции организма на переливание крови или еще о чем-нибудь, и он, Фар, заранее будет знать, что случится с больным, когда он применит то или иное средство.

— Какой пульс? — обратился он к Ин.

— Сто шестьдесят в минуту.

— Давление?

— Сорок миллиметров ртутного столба. Фар, он не дышит!

— Я вижу, за него дышит автопульмомат. «Не считаешь ли ты меня слепым?» — мысленно добавил он.

— Температура падает, — сказала Ин.

— С какой скоростью?

— Не знаю.

— Проверь, пожалуйста, автомат первой помощи, — произнес Фар уже спокойнее.

— Все в норме, работает нормально, — сказала она, понижая голос.

Она знала об этом только от указателей, светящихся на пульте. Изображение внутренности кабины и тело юноши на операционном столе мог видеть только Фар. Но он не смотрел на экран. Боялся, что, если посмотрит на юношу, тот умрет. Не умер — значит, у него прекрасный организм, он не должен умереть. Фар прикусил себе язык. Он всегда прикусывал его, когда нервничал.

— Определи вероятный момент нарушения в кровообращении. — Он сказал «нарушение в кровообращении», а подумал «смерти».

Ин ожидала этого вопроса. Она знала, что Фар спросит ее об этом, если она не скажет сама, и знала, как он не любит об этом спрашивать.

— Около четырех часов, — сказала она и улыбнулась ему по-своему.

Обычно Фар не мог представить себе, чтобы кто-нибудь другой умел так улыбаться — не всем лицом, а одними глазами.

Когда-то давно они поссорились. Операция была совсем несерьезная, перелом ноги или еще что-то в этом роде, с чем автомед справляется сам и почти не спрашивает мнения врача. Сообщая Фару различные данные, Ин вдруг сказала:

— Давай после операции полетим на Петрон!

Он не ответил.

— Ты и вправду не хочешь? — спросила она.

— Займись, наконец, тем, что нужно...

— Ну, знаешь ли... Я и так говорю тебе все нужные цифры. А впрочем, автомед и без того делает все сам. — Она была явно обижена.

— Послушай, — спросил он у нее потом, когда они уже выходили из клиники, — ты всегда чувствуешь себя у гомотрона, как на практике?

— На какой практике?

— Ну, ты рассказывала мне когда-то, что когда вы проходили теорию гомотрона, то аппарат настраивали так, чтобы он имитировал какой-нибудь трудный случай и при этом никакого больного не было...

— Ну да! И что же из того?

— А тут, в операционной... — начал было он и не окончил.

— Конечно, нет! Я всегда помню, что там лежит человек, и делаю все как можно лучше.

— Но ты...

— Не волнуйся так, как ты?

— Да.

— Видишь ли, — произнесла она очень серьезно, — если бы это могло помочь тому, кто лежит там

на столе, я волновалась бы и нервничала, как только могла. Но ведь ему это не поможет, — так зачем же делать то, в чем нет смысла?

Он не ответил. Смотрел вниз по каменной лестнице, ведущей из клиники на гелиодром. «Так аргументировать мог бы и автомат», — подумал он.

— Ну, отвечай же. Полетим? — Ин не сдавалась.

— Все равно, — махнул он рукой. — Летим на Петрон.

Петрон был одинокой возвышенностью, поднимавшейся посреди равнины древней астрономической обсерватории. На самой вершине лежало несколько крупных валунов, и Ин, с детства помнившая удивительные сказки, уверяла, что именно тут собирались когда-то колдуньи. Поднявшись на вершину, они увидели, что на валунах кто-то сидит.

— Это одна из твоих колдуний, — сказал Фар. — Прилетела на метле, потому что вертолета нигде не видно.

Но это был молодой человек в обычном сером скафандре. Он грыз травинку и смотрел на солнце, уже принявшее красный закатный цвет. Они сели на другой валун, а он некоторое время приглядывался к ним. Потом встал и подошел ближе.

— Можно мне сесть с вами? Простите, но я еще никак не могу привыкнуть к тому, что здесь так много людей и что можно просто сидеть на камнях.

Ин расхохоталась. Фар огляделся, но тут не было никого, кроме них. Юноша окончательно смутился.

— Я знаю, что нас тут только трое, но я вернулся с Марса только два дня назад.

...Фар оторвал глаза от индикаторов переливания крови и через плечо взглянул на Ин.

— Есть уже результаты предварительного диагноза?

— Да. Череп размозжен. Осколок кости в скрещении зрительных нервов.

— Нужно поскорее удалить его!

— ...три ребра сломано, левая нога размозжена... кроме того, нет самостоятельного дыхания.

— Погоди, а температура тела?

— Не беспокойся. Поднимается.

— Значит, не так плохо, — с облегчением сказал он и впервые взглянул прямо на Ин.

— Обогрев, — сказал он.

Она кивнула.

— Да, обогрев... И это все, что до сих пор сделал автомат? — Она взглянула на Фара.

— Может быть. Ведь и так уже видно, что больной вышел из состояния шока.

— Не ворчи. Ты никак не можешь от этого отвыкнуть. Впрочем, ты всегда был таким, — добавила она, словно осененная вдохновением. — Человек, который принципиально всегда прав...

Он не знал, говорит ли она серьезно. Он никогда этого не знал, за все время их знакомства. Даже говоря, как сейчас, она смотрела так, словно готова была рассмеяться. Он только пожал плечами.

— Кончай же свои пробы на гомотроне.

Она кивнула, но продолжала развивать свою мысль:

— ...потому что ты должен был бы родиться несколько сот лет назад, когда врач по необходимости должен был быть прав. — Она нажала клавишу «включения», и кривые на экране гомотрона стали четче. — Тогда, в ту эпоху, врач приходил, осматривал больного, ставил диагноз и всегда был прав... разве что другой врач ставил другой диагноз...

— В этом было что-то от искусства, — улыбнулся Фар. — Но потом появились математики, цифронники, кибернетики, семантики и построили такие автоматы, как автомед или гомотроны... и — прощай, искусство! Правда, Ин?

— Более или менее. А сейчас благодаря гомотрону я могу сказать тебе, что больной вышел из состояния шока.

— Это я знал и без тебя.

— Ошибаешься. Ты только предполагал, как те старинные врачи. Знаешь только сейчас... Послушай, Фар, — добавила она другим тоном, — выберется ли он из всего этого?

— Не знаю. Это только первый этап. Будем оперировать.

— А может быть, проконсультироваться с профессором и передать полную информацию группе Рона? Кажется, он принимает дежурство после нас...

— Нет, начнем сейчас сами.

Ин умолкла и посмотрела прямо перед собой.

«Что с ней случилось? — подумал Фар. — Почему она не хочет оперировать? Нет, это не похоже на Ин... Ведь она всегда, даже после этого, работала так, что лучшего и представить себе нельзя. Вообще она замечательная девушка».

— Погоди. Одну минутку. — Она встала из-за пульта и подошла к видеотелефону.

— Местную информацию, — сказала она и ждала, пока на экране не появился информатор.

— Когда прилетает корабль со Спутника Шесть?

— Опаздывает на двадцать минут, — ответил информатор.

— Ах, так? Спасибо.

«Спутник Шесть. На Шестом спутнике был тренировочный лагерь этого марсианского парня, Даза», — подумал Фар. Он узнал об этом случайно, так, как узнавал обо всем. Правда, он заметил, что Ин какая-то странная, но математики всегда бывают чудаками. Только тогда, в то утреннее дежурство...

Были еще сумерки, когда он опустил на гелиодроме. Вышел из кабины и смотрел, как винты клубят струи утреннего тумана. Он слышал только шум мотора, а когда тот остановился, то тишина стала полной. Звезд уже не было, только клиника светилась голубыми прямоугольниками окон. Фар ждал Ин. Он ждал долго, пока не услышал высокое, неясное жужжание. Вертолет опустил среди площадки. В кабине были двое. «Не тот вертолет», — подумал он, но потом увидел длинные волосы женщины и уже знал, что это она. Не многие из женщин, так же как Ин, сохраняли волосы длинными, на манер древних. Они выскочили из кабины и поцеловались коротко, так, на прощанье. Потом он смотрел, как Ин бежит по ступенькам, на которых они иногда сидели летом.

Фар медленно двинулся по площадке гелидрома. Юноша заметил его.

— Мне неприятно, что так получилось, — сказал Даз.

Фар не ответил ничего, но чувствовал себя очень плохо.

— Все это было так неожиданно, что мы не успели поговорить с тобой, — продолжал тот. — Она хотела сегодня сказать тебе все...

— ...

— Ты на меня сердишься, Фар. Я должен был бы поговорить с тобой раньше. Но я могу покинуть Спутник Шесть только на несколько часов. У нас там тренировочный лагерь, — пояснил он. — Послушай, это будет очень тяжелый для нее разговор. Помоги ей как-нибудь. Она тебя очень любит...

— Не беспокойся. Она с этим справится. — Фар прошел мимо юноши и направился к лестнице. Было уже светло.

Что-то настойчиво жужжало между пультами. Экран, до сих пор монотонно серый, засверкал молниями.

— Он пришел в себя, — сказала Ин.

— Включи анестезирующее поле.

— Уже включено.

«О чем может сейчас думать этот мальчик? — думал Фар. — Может быть, вспоминает последнюю секунду перед катастрофой и видит приближающиеся вершины деревьев?»

— Ты уверена, что он ослеп? — спросил Фар.

— Уверена. Осколок кости давит на скрещение зрительных нервов. Подумай, Фар, одно неточное движение руля, и это случилось сразу...

— У тебя уже есть все данные? — прервал он.

— Морфология, РОЭ, уровень гемоглобина, щелочной резерв.

— Все в порядке. Начинаем.

Он придвинулся ближе к пульту и просунул руки прямо к центральному управлению автомата. Сделал

несколько быстрых движений пальцами, пока не увидел на экране череп. Перестроил излучатели так, чтобы частота увеличилась.

— Перейди на контроль, — приказал он Ин.

Фар еще раз проверил все и включил автоблокировку автомата. Он работал лишь долю секунды. Безошибочно, как может только автомат, он раздвинул вибратором кости и ткани, извлек осколок, и тогда вспыхнула зеленая лампочка, означавшая, что задание выполнено.

Фар на мгновение прервал работу и откинул волосы, падающие на лоб.

— Контроль? — спросил он.

— Есть контроль.

— Я еще уберу остальные.

Автомат действовал безошибочно. В заключение он исправил сломанную глазную орбиту.

— Теперь сделаем маленький перерыв, — произнес Фар.

Он улыбнулся Ин, так как был доволен тем, что все прошло так хорошо. Смотрел на ползающие по экрану беловатые разряды. Больной был в сознании.

— Проверь, видит ли он, — попросил Фар.

— Проверь сам. Извини, я на минутку. — Она снова подошла к видеотелефону.

— Прилетел уже корабль? Только что?.. Спасибо.

Фар включил в операционной кабине мигающую желтую лампочку. Искры на экране забегали интенсивнее. Больной наверняка видел.

«Чего она ждет? — подумал Фар. — Не уговорилась же она с ним именно на это время».

— Проверь по гомотрону, что еще нужно сделать.

— Ампутировать левую ногу, — тотчас же ответила она.

Операция была из тех, которые автомат выполняет сам, по внутренней программе. Она продолжалась едва с минуту. «Наконец я смогу встать и пройтись немного», — подумал Фар. Он чувствовал, как цепенеет у него нога.

— Пульс ускоряется, — произнесла вдруг Ин.

— Сколько?

— Больше ста шестидесяти.

— А ритмичность?

— Не очень правильная. Впрочем, посмотри сам. — Она указала на кардиоскоп.

Да, пульс не был ритмичным, а кроме того, замирал.

«Недостаточность кровообращения», — подумал Фар.

Он взглянул на экран. Линия извивалась и порой выбрасывалась кверху белыми иглами импульсов. «Полный хаос», — подумал он.

— Ин!

— Да?

— Включи ему искусственное сердце. Пока наружное.

Он не видел, как автомед вскрыл юноше грудную клетку. Подключение сердца заняло несколько секунд. Потом пульс и давление вернулись к норме.

— Пересади ему искусственное сердце с питанием от батареи, — сказала Ин. — Кажется, в солнечной системе уже есть несколько сот человек с такими сердцами, и все они живы.

— Трудно жить с таким сердцем. И потом, он не дышит.

— Что ты сделаешь?

— Не знаю. Могу только ждать и проверить его шансы по гомотрону. Это кровоизлияние в дыхательном центре мозга.

— Глупая история, — произнесла Ин.

Когда-то она уже говорила так... Они возвращались из клиники. Это было в тот день, когда он увидел их утром на гелиодроме. В виробусе ехали еще два студента, громко споривших о безвихревых полях, и девушка с огромной сумкой, переливавшейся узором из разноцветных колец. Девушка некоторое время присматривалась к волосам Ин с тем любопытством и уважением, с каким люди смотрят на экспонаты в музеях.

— Ты обрежешь волосы? — спросил тогда Фар.

— Обрежу, — кивнула она головой.

— А когда он улетит на спутник Сатурна, у тебя будут короткие светлые прядки, как у той девушки?

Она снова кивнула.

— И вообще глупая история с этим его полетом, — сказала она. — Там математики с моей специальностью не нужны. Я выбрала не очень космическую специальность.

Пульс у юноши был уже правильный, и Фару можно было, наконец, встать. Он прошелся вдоль автоматов раз и другой, выглянул в окно, за которым дул ветер. В небе, под низкими серыми облаками спускался маленький красный вертолет.

— Фар, — произнесла Ин у него за спиной, — ничего не получается.

— Попробуй еще раз. Всегда есть вероятность, что он начнет дышать сам.

— Хорошо, попробую, — сказала она, но Фар почувствовал, что надежды мало.

Он резко повернулся от окна и подошел к ней.

— Так проверь еще раз, — жестко произнес он. — Проверь десять раз, потому что тут не до шуток. Если он не начнет дышать сам, то нам когда-нибудь придется отключить его от автомата, а тогда конец.

Он стоял над ней и смотрел, как она нажимает клавиши и как на экранах появляются, извиваются и гаснут кривые.

— Нет. Действительно, нет никаких шансов. Смотри, — указала она на один из экранов. — Вот этот незначительный, чуть заметный зубец на этой кривой означает шанс выживания для больного. Шанс практически равен нулю. Ты понимаешь, это может быть даже не шанс для него, возможно, это только автомат ошибся на долю процента.

— Ну, так что же дальше?

— Не знаю, действительно не знаю. Я ему уже ничем не могу помочь. Расчеты показывают, что он не выживет, что он не сможет дышать...

«Неужели все было напрасно? У него нет шансов?..» Фар прикусил себе язык. «Глупый щенок, которому захотелось приземлиться без автопилота...»

«Мальчик в сознании... он, наверное, знает, что

лежит в автомед... и думает, что самое страшное уже миновало».

Он снова подошел к окну, но ничего не увидел, так как пошел дождь.

«А может быть, попытаться... Я, собственно, с самого начала думал об этом, но боялся. Хотя действительно, если приказы от нервных центров ко всем органам идут в виде определенных рядов импульсов, то можно в поврежденный центр ввести электрод извне и оттуда посылать эти импульсы, — так мы рассуждали тогда с Роном. Это было бы чем-то вроде искусственного дыхания».

— Ин!..

Она снова говорила по видеотелефону.

— ...да, скажите ему, чтобы он продолжал! Операция скоро окончится, и я выйду. Одну минуту! — Она кончила разговор и взглянула на Фара.

— Что ты хочешь делать?

— Буду стимулировать его дыхательный центр программой извне!

Она отвернулась от экранов и посмотрела на него очень серьезно.

— Ты? — спросила она наконец.

— Да.

— Но это абсурд... Тебе нельзя рисковать! Ты не имеешь права!

— Иначе он умрет.

— Ничего не поделаешь. Это не наша вина. Мы сделали все.

— Неважно, почему он разбился. Я врач, Ин.

Она уже не смотрела на него. Перевела взгляд на экраны, где извивались и переплетались кривые.

— Кто проведет операцию? — спросила она.

— Я.

— Сам?

— Да. Я сам.

«Неужели она действительно думает, что с этим электродом в мозгу я не смогу оперировать? Электроды ведь вообще не чувствуются».

— Я приготовлю тебе автомед, — сказала она.

— Ин! — окликнул Толев с экрана видеотелефо-

на. — Ин, этот парень не мог больше ждать и лег обратно на Спутник Шесть. Просил меня сообщить тебе, что вы летите на Марс. Его руководство согласилось...

«Так вот чего она ждала», — подумал Фар.

— Хорошо. Спасибо, — сказала Ин, даже не глядя на Толева. Встала и подошла к автомату. — Я приготовлю автомед, и мы сможем начать. Кроме того, я вызвала Рона. Он установит тебе электрод.

«Она нажала кнопку тревоги, и Рон сейчас прибежит, — подумал Фар. — Так всегда бывало. Мне никогда не удавалось предвидеть, что она сделает... Конечно, Рон сейчас бежит по коридору с другого конца клиники и думает, что случилось неизвестно что».

Когда Рон вбежал в кабинет, Ин не дала ему сказать ни слова.

— Установи Фару электроды в дыхательном центре, это очень срочно, потому я тебя и вызвала, — сказала она.

— Электроды? Фару? А что с ним случилось?

— Возбуждение нефункционирующего центра импульсами из здорового. Как в ваших опытах.

— Но Фар...

— Не спорь с ним, Рон. Мы уже спорили. Установи ему электроды.

Фар кивнул головой.

— Установи, — подтвердил он.

— Как хочешь, но ты ведь знаешь...

— Знаю. Я уже все обдумал.

Рон снова взглянул на Ин.

— Хорошо, — согласился он. — Выходи в операционную, Фар. Больно не будет, — добавил он, словно говоря с больным.

Кабина была маленькая. «Никогда не думал, глядя извне, что она действительно такая тесная», — подумал Фар. Операционный стол, прямоугольный, белый, как тот, на котором лежит юноша, большая, яркая лампа и ровно столько места, чтобы можно было улечься на стол.

Он улегся, автомат слегка прижал ему голову.

«Это анестезирующий электрод», — успел он еще подумать, а потом наступило короткое беспамятство. Короткое только для него, так как фактически прошли минуты, пока операция была выполнена.

Он вышел из кабины и подошел к пультам управления.

— Может быть, я сделаю это? — предложил Рон.

— Нет! — Фар сел перед экраном и смотрел прямо перед собой.

— Фар, что с тобой? — Ин положила ему руку на плечо.

— Ничего. Иди к гомотрону и перейди на контроль. Сейчас начнем.

Она отошла к автомеду.

«А потом она улетит на Марс, — подумал Фар. — Я буду получать открытки на Новый год, открытки с красной марсианской пустыней, когда у нас будет холодно и будет падать снег. А потом уже ничего не буду получать, потому что открытки посылаются не вечно...»

— Есть контроль, — произнесла Ин.

Фар выключил искусственное легкое и теперь думал только о серых тканях на экране, раздвигаемых концами электродов...

— Шевельнулись... мышцы шевельнулись, — сказала Ин.

«Значит, попал. Его центр реагирует, и мышцы двигаются, — подумал Фар. — Теперь маленькая поправка».

Он передвинул электрод на долю миллиметра.

— Лучше... теперь лучше. — Ин встала и подошла к нему. — Как ты себя чувствуешь?

— Вернись к пультам, — коротко сказал он.

Да, мышцы двигались, явственно увеличивая объем грудной клетки юноши.

— Посмотри на экране распределение напряжений...

— Были какие-то проблески, но погоди... — Она наклонилась к экрану. — Какой-то перепад уже есть!

Фар разомкнул контур, и импульсы из его мозга больше не шли по проводам.

— Дышит, — произнес он.

— Дышит, вправду дышит! — повторила Ин, вглядываясь в экран, словно впервые видела такой процесс. — Он будет жить, Фар!

— Поздравляю. Удалось! — сказал Рон. — Теперь нужно передать его новые параметры гомотрону, а ты, Фар, возвращайся в операционную.

И снова Фар лежал в маленькой кабине на белом столе, под огромной лампой.

Выйдя оттуда, он снова взглянул на Ин и Рона, склонившихся над пультами.

По каменным ступеням он спустился на гелиодром. Дождь перестал, и на площадке блестели лужи. «Это была трудная для нашей группы операция, — подумал он. — Жаль, что последняя».

Он повернулся к зданию и увидел Ин.

Перепрыгивая через лужи, она бежала к нему по серой площадке гелидрома.

А. ДНЕПРОВ
(СССР)

ПОДВИГ

I

Все началось неожиданно. Олла пришла взволнованная, с фототелеграммой в руках.

— Я немедленно возвращаюсь в Москву. Магнитоплан

отправляется через сорок минут. Через час мне нужно встретиться с Корио.

Я удивился. Наш отпуск только начался, а что касается Корио, то он сам должен был прибыть на берег моря со дня на день.

— Что такое стряслось? — спросил я сестру.

— А вот послушай. «Олла, мне нужно с тобой повидаться. В моем распоряжении только сутки. Сегодня в двадцать два часа решается моя судьба. Корио».

— Это звучит, как в старых приключенческих романах, — сказал я.

Я знаю Корио много лет как очень умного и уравновешенного человека. Его работы по микроструктуре энергетических полей сделали его имя известным среди ученых всей планеты. Год назад Корио получил Почетную грамоту Народов Земли второй степени и звание Ученого первого класса.

В скупых строках фототелеграммы я уловил скрытую тревогу. Олла чувствовала тревогу любимого человека значительно острее, чем я. Она торопливо начала складывать свои вещи.

— Корио не пошлет такую телеграмму без всяких оснований. Если с ним все благополучно, я сегодня же вернусь, — сказала Олла. — Если же нет...

— Ну что ты! — воскликнул я, беря сестру за руки. — Что может с ним случиться? Болезнь? Опасность? Ну что еще там? Я себе просто не представляю, что в наше время может случиться с человеком. Был бы он космонавтом или летчиком-испытателем... Он ведь физик-теоретик.

— Корио не пошлет такую телеграмму без всяких оснований, — повторила Олла упорно. — До свидания, Авро!

Она подошла ко мне и поцеловала меня в лоб.

— До свидания. От меня пожми руку Корио. И еще, позвони мне вечером. Было бы хорошо, если бы у видеотелефона с тобой был и Корио.

Олла улыбнулась и вышла из комнаты. Я помахал ей рукой с террасы. Через несколько минут от Южной станции, прямо через горы умчался монорельсовый электровоз. В нем Олла отправилась на аэродром.

После обеда я спустился на набережную посмотреть на море. Набережная была пустынной, только

несколько любителей морского прибоа сидели с полузакрытыми глазами и слушали, как о бетонные стены разбиваются волны. Над морем висела сероватая дымка, сквозь которую солнце казалось оранжевым. Было очень жарко и влажно. У гранитного спуска к воде я посмотрел на гигантские термометр и гигрометр. Двадцать девять по Цельсию и восемьдесят процентов влажности: как в теплой ванне.

Я длго стоял у двух колонн из стекла, которые одновременно являлись измерительными приборами и украшением лестницы, ведущей к морю. Архитектору, создавшему этот ансамбль, удалось слить воедино целесообразность и красоту.

— Если так будет продолжаться, я отсюда уеду, — услышал я голос сзади.

— А, старый ворчун Онкс! Что же тебе здесь не нравится?

Это был мой друг, Онкс Фелитов. Ему никогда ничего не нравится. Его специальность — ворчать и во всем выискивать недостатки. Недаром он член критического Совета Центрального промышленного управления.

— Мне не нравится вот это, — он показал пальцем на измерительные приборы.

— А по-моему, недурно. Архитектор, безусловно, малый с фантазией.

— Я о другом. Мне не нравятся показания приборов. Не знаю, как ты, а я жару переношу неважно. Особенно когда воздух больше, чем наполовину, состоит из водяных паров.

Я рассмеялся.

— Ну, тогда тебе нужно ехать отдыхать на север, например в Гренландию.

Онкс поморщился. Не говоря ни слова, он протянул мне бюллетень Института погоды.

— Вот читай про Гренландию...

Я прочитал:

«Пятое января. Восточное побережье Гренландии +10...»

— Чудесно! Скоро там зацветут магнолии!

— Не знаю, зацветут ли. Только на памяти человечества такого еще не бывало.

Продолжая что-то бормотать, Онкс побрел вдоль набережной, то и дело вытирая платком потную шею.

К шести часам я вернулся в свою комнату и уселся у видеотелефона. Олла должна была вот-вот появиться на матовом экране прибора.

Так я просидел до ужина. Вызова из Москвы не последовало. Я пошел в столовую.

Олла позвонила мне только в двадцать три часа, когда я начал дремать, почувствовав облегчение от жары после трех часов работы регулятора микроклимата.

— Что случилось? — воскликнул я, всматриваясь в лицо сестры. Оно было каким-то странным и чужим. — Что случилось, Олла? Где Корио?

Олла жалко улыбнулась. Я видел, как дрожали ее губы.

— Ты плачешь, милая? Ты плачешь?! — закричал я.

Я никогда не видел свою сестру плачущей. Никогда. Только в те времена, когда она была совсем-совсем маленькой. Я вообще никогда не видел плачущих людей!

Олла отрицательно покачала головой, пытаясь что-то мне сказать.

— Нет, ты плачешь! Немедленно говори, что случилось!

Она посмотрела мне прямо в глаза, и я видел, что они блестят от слез. Мое сердце разрывалось на части. Люди плачут только тогда, когда на них обрушивается большое несчастье или когда они испытывают страшную боль.

— Только что я почти попрощалась с Корио, — наконец сказала Олла шепотом.

— Он?..

— Нет, он жив и чувствует себя прекрасно. Но мы с ним на всякий случай попрощались...

— Он тебя не любит? Он тебя больше не любит?

Олла опустила голову и странно улыбнулась.

— Не знаю... Это все так непонятно... Я ничего не понимаю в том, что произошло...

У меня перехватило дыхание. Если бы Олла была рядом со мной, я бы добился от нее ответа. Но она была далеко — на расстоянии полутора тысяч километров, и я мог лишь беспомощно наблюдать, как она страдала.

— Милая моя, расскажи все по порядку. Я должен тебе помочь. Тебе все должны помочь.

— Мне никто не сможет помочь. Никто.

Олла отбросила прядь волос со лба и, сжав зубы, процедила:

— Скоро не будет Корио...

Я ухватился за металлическую раму экрана.

— Ведь ты же сказала, что он жив и чувствует себя хорошо...

— Да... Но...

Я видел, как сестра не выдержала, слезы брызнули из ее глаз, и, закрыв лицо ладонями, она исчезла. Я продолжал звать ее, кричал в трубку, грозился пожаловаться на операторов. Наконец на экране появилось строгое лицо девушки, которая сказала:

— Ваш корреспондент закончил разговор.

По местному телефону сообщили мне, что первый магнитоплан отправляется в Москву завтра в пять утра.

II

Поднимаясь в сумерках по трапу в самолет с магнитным двигателем, я нечаянно толкнул локтем пассажира, шедшего впереди меня. Он обернулся, и я узнал Онкса Фелитова.

— Итак, тебе надоел юг? — спросил я безразлично, думая совсем о другом.

— Как бы не так, — проворчал старик. — Получил телефонограмму срочно выехать в Совет.

— Появилась необходимость кого-нибудь за что-нибудь срочно раскритиковать? — спросил я.

— Какое-то важное дело. Ты ведь знаешь, по пустякам из отпуска не вызывают.

Когда мы заняли места рядом, Онкс наклонился ко мне и прошептал:

— Я, кажется, догадываюсь, в чем дело.

— Ну?

— В этой проклятой погоде. Перед отъездом из Москвы у нас в Совете говорили о том, что началось интенсивное таяние льдов в Антарктиде и в Гренландии.

Я вопросительно посмотрел на Фелитова.

— Это грозит большими бедствиями. Представляешь, что будет, если уровень воды в Мировом океане поднимется метра на четыре!

— Для этого необходимо, чтобы растаяли все льды Гренландии и Антарктики.

— А если они действительно растают?

— Не вижу оснований, — сказал я и углубился в свои мысли.

Вначале заревели обычные реактивные моторы, а когда самолет поднялся на высоту около двадцати тысяч метров, были включены магнитные двигатели, и в салоне воцарилась тишина, пронизываемая едва уловимым свистом выбрасываемого из магнитной ловушки мощного потока ионизированного газа.

Магнитоплан рассекал разреженный воздух со скоростью пяти тысяч километров в час, а я то и дело поглядывал на ручной хронометр: мне казалось, что машина приближается к Москве слишком медленно. Только один раз я посмотрел вниз и заметил, что на необъятных просторах Земля была не белой, как обычно зимой, а грязно-серой. Таял снег, таял в январе. А над магнитопланом простиралась пурпурная бездна, пронизываемая оранжевыми полосами из-за горизонта, где поднималось солнце.

Я удивился, когда обнаружил, что моя квартира заперта. Постучал — дверь открыли. Олла бросилась мне на грудь и зарыдала. Как бы извиняясь, она прошептала:

— Я заперлась, чтобы кто-нибудь случайно не вошел и не увидел, что я плачу...

— А теперь ты мне все объяснишь по порядку, —

сказал я, усаживая почти насильно сестру в кресло против себя.

Олла глотнула из стакана какую-то жидкость, наверное лекарство.

— Случилось большое несчастье, Авро... Несчастье, которое грозит всем нам, всем людям...

Она встала и подошла к стеллажу с книгами.

— Вот смотри, — протянула она мне листок бумаги, на которой были нарисованы четыре линии — красная, синяя, зеленая и желтая.

— Это мне оставил Корио. Он сказал, что ты все поймешь. Красная линия показывает рост среднеземной температуры по дням. Синяя — рост влажности в атмосфере. Зеленая — интенсивность ультрафиолетового излучения Солнца. Желтая — интенсивность инфракрасного излучения. Смотри, как круто кривые ползут вверх. С каждым днем активность Солнца увеличивается...

Я посмотрел на кривые. На горизонтальной оси было отложено девяносто интервалов, соответствующих девяноста дням. На вертикальной оси были показаны результаты измерений температуры, влажности и интенсивности радиации. За последние три месяца кривые круто поднялись вверх, почти в три раза превысив значение измеряемых величин вначале. Я с удивлением посмотрел на Оллу.

— Все это пока держится в большом секрете. Но ты сам должен понять, что случится, если так будет продолжаться.

Я кивнул головой и затем спросил:

— А при чем здесь Корио?

— Не торопись. Научные сотрудники из Центральной службы Солнца установили, что так будет продолжаться в течение года. Начнут испаряться океаны, таять льды, Землю окутает плотная пелена водяных паров, сквозь которые будут проникать лишь тепловые лучи. Температурные условия, невыносимые для всего земного...

— А что известно о причинах повышения активности Солнца?

— В своем движении во вселенной Солнце и вся

наша планетная система попали в густое облако водорода. Интенсивность реакции синтеза гелия на Солнце возрастает с каждым днем. По данным спектрального анализа, мы пересечем область максимальной плотности водорода через четыре месяца... Если ничего не будет предпринято, температура на Земле поднимется на десять-двадцать градусов.

Мне стало жарко, я подошел к окну и отдернул плотный занавес. Впервые за свою жизнь я посмотрел на Солнце с ненавистью. Утреннее, оранжевое, оно казалось зловещим. Я задернул занавес и возвратился к сестре.

— Не плачь. Плакать нехорошо. Я уверен, что наши ученые что-нибудь придумают.

— Я тоже уверена, Корио придумает... Но я его так люблю...

Я ничего не понимал.

— Но, Олла, милая! Какое имеет отношение ваша любовь к стихийному бедствию?

— Не говори больше об этом, Авро!.. — почти с отчаянием в голосе воскликнула Олла. — Умоляю тебя...

— Почему?

— Потому что... Потому что Корио...

В этот момент дверь комнаты отворилась, вошел Корио. Не обращая на меня внимания, он бросился к Олле и сжал ее в своих объятиях. Я отошел к окну, снова отодвинул занавес и стал смотреть на Солнце. Как все перепуталось всего за несколько часов! Нехорошее чувство неприязни к другу шевельнулось в моем сердце. Что бы там ни было, но к страданиям Оллы он имел какое-то отношение. И вот сейчас он что-то торопливо шепчет ей на ухо, и она отвечает ему таким же торопливым шепотом. Это стало невыносимым. Я резко повернулся к ним и грубо бросил:

— Прекратите эту комедию и объясните, что здесь происходит.

Корио поднялся с дивана и протянул мне обе руки.

— Здравствуй, Авро!

— Здравствуй! Почему плачет Олла?

Я заметил, что лицо его было усталым, глаза ввалились.

— Я ничего толком не могу добиться от нее, — сказал я более мягко. — Она рассказала мне все про надвигающуюся катастрофу. Остальное я не понимаю.

— Я тоже не очень понимаю... Собственно, понимаю только в самых общих чертах... Дело в том, что... как бы тебе сказать... я согласился работать в теоретической группе, которая будет разрабатывать меры и средства для предотвращения бедствия.

— Ну и что же?

— Времени на работу очень мало, чересчур мало, не более десяти дней. Иначе будет поздно.

— Так.

— Ты сам понимаешь, проблема очень сложная. Ее решение требует огромного напряжения ума. Это раз. Второе: решение должно быть абсолютно правильным, потому что за ним сразу последуют практические мероприятия, связанные с деятельностью людей, промышленности и так далее. Просчетов быть не должно. Иначе — гибель...

— Да. Ну и что же?

— Значит, умы, которые в эти десять дней будут работать над проблемой, должны быть необыкновенными. Это должны быть гениальные ученые.

Я с удивлением посмотрел на своего друга. Конечно, он был выдающимся ученым, но гениальным...

— В том то и дело, что ты прав, — угадал мою мысль Корио. — Конечно, я довольно заурядный ученый. Но беда в том, что вообще, как показали недавно выполненные исследования, на Земле не существует ученого, который в такой короткий срок смог бы переработать огромное количество научной информации и найти решение.

— Для переработки научной информации можно привлечь машины.

— Верно. Но для машин нужно составить программу.

— И нет ученых, которые бы смогли это сделать?

— За такой короткий промежуток времени — нет...

— Так что же тогда?

— Нужно создать таких ученых.

Я остолбенел. Этого еще не хватало! За последние сто лет люди привыкли к фантастическим успехам науки. Они свыклись с полетами в космос, они больше не удивляются управляемой термоядерной реакции, они перестали восхищаться животными, выращиваемыми в искусственной среде, их больше не удивляют успехи в области экспериментальной генетики, которые позволяли получить совершенно новые виды живых существ. Но создавать гениальных ученых...

— Чуть какая-то, — пробормотал я, с подозрением глядя на Корио.

— Я знал, что ты мне не поверишь. Я хочу, чтобы ты и Олла пошли со мной на заседание ученого совета Института структурной нейрокибернетики. Там по этому вопросу сегодня будет дискуссия. Основной докладчик — доктор Фавранов...

Доктор Фавранов... Я был однажды на его публичной лекции и помнил, как он заявил тогда:

— Коммунистическое общество освободило человечество от всех материальных забот, от всякого морального гнета. На повестке дня стоит важная задача — раскрепостить гений человека. Человек имеет в себе все необходимое, чтобы стать гениальным.

III

Доклад доктора Фавранова был не таким популярным, как тот, который я слушал несколько лет назад. В кратком введении он сообщил о наблюдениях его института над часто встречающимися случаями гениальности у детей, которая с годами угасает. Он подверг анализу это явление и сообщил, что основная причина такого угасания — это многочисленные побочные и ненужные в новых социальных условиях нервные связи, которые возникли у человека в про-

цессе многовековой эволюции. Хотя коммунизм избавил человека от борьбы за существование, от страха перед неизвестным, от заботы о своей жизни и жизни своего потомства, физиологическая структура нервной системы продолжает повторять схему, которая была человеку нужна тогда, когда на земле царили волчьи законы. Необходимость в аппарате приспособления к враждебным условиям жизни исчезла при социализме. В коммунистическом же обществе отдельные проявления этой приспособляемости являются главным тормозом раскрытия гигантских творческих способностей людей.

— Организация нервной системы человека, доставшаяся нам по наследству, — говорил Фавранов, — слишком несовершенна и обременительна. Мы не можем ждать, пока она отомрет сама собой. Еще многие поколения людей будут чувствовать безотчетный и беспричинный страх, отчаяние, ненависть, горе, печаль. Задача науки — ускорить процесс духовного совершенствования человека.

На схемах, проектируемых на экран, докладчик показал, какие участки центральной нервной системы современного человека являются, как он выразился, «аппендиксами», тормозящими проявление гения человечества в области науки и искусства.

— И вы предлагаете удалить эти «аппендиксы»? — спросил Фавранова председательствовавший доктор Майнеров.

— Да, конечно.

— И после этого человек обретет способности?

— Тот, кто обладает нужным комплексом знаний, будет пользоваться им более эффективно. Кто таких знаний не имеет, приобретет их достаточно легко. Вы, конечно, понимаете, — добавил Фавранов, — что речь идет не о хирургическом вмешательстве в структуру коры головного мозга. Ненужные традиционные нервные связи можно легко и безболезненно разорвать при помощи обыкновенной ультразвуковой иглы.

Сидевшая рядом со мной Олла медленно поднялась.

— Разрешите вопрос, доктор.

— Пожалуйста.

— Скажите, а не повлечет ли за собой такая операция полное изменение личности человека? Хочу сказать, не станет ли человек совсем другим?

Фавранов ласково улыбнулся.

— Конечно, человек станет другим. Он станет лучше, богаче, умнее. Он станет внутренне свободным.

Олла тяжело опустилась в кресло.

— Вы понимаете, доктор Фавранов, что значит изменить личность человека? Вы чувствуете всю этическую глубину проблемы? — спросил Майнеров.

— Да, конечно. Человек, который первым согласится на такую операцию, совершит подвиг. Для того чтобы решиться стать совершенно другим, необходимо огромное мужество. Мы абсолютно уверены в безопасности операции. Правда, мы не знаем, как глубоко и далеко пойдет изменение личности, как измененное «я» будет относиться к самому себе, к окружающим его людям. Но анализ нервных путей и проведенные математические расчеты показывают, что его интеллектуальная работа будет неизмеримо продуктивней.

— Друзья, — обратился к аудитории Майнеров, — вы, конечно, понимаете, какими чрезвычайными обстоятельствами вызвана сегодняшняя дискуссия. Я прошу вас высказаться по затронутым вопросам.

— Давай выйдем, — прошептала Олла. — Я больше не могу.

Мы вышли из здания института и уселись на скамейке прямо перед воротами в парк. Я знал, что Олла не уйдет отсюда, пока не увидит Корио. Снег таял на глазах. В бетонированной канавке журчал ручеек. Мимо изгороди прошли какие-то женщины, и мы слышали, как одна сказала: «По данным института прогнозов, такая погода была триста лет назад...»

— Ты знаешь, чего я боюсь? — не выдержав, спросила Олла.

— Да. Ты боишься, что после операции он перестанет тебя любить.

— Или я его... Вдруг он станет совершенно другим человеком?..

Снег под ногами совершенно растаял, и мы увидели кусок сырой земли и на ней зеленую прошлогоднюю траву.

— Скоро здесь будет тепло, как летом, — пробормотал я.

— Это ужасно... Это страшно... Знаешь, мне стыдно, что я... что я не хочу, чтобы Корио...

— Я понимаю, Олла. Но может быть, ты себя так чувствуешь по тем же причинам, по каким люди не могут стать гениальными?

— А я не могу себе представить, как я могу чувствовать себя иначе.

— Ты же слышала, Фавранов говорит, что таких чувств просто не должно быть, что их можно и нужно ликвидировать.

— Я не знаю, хорошо ли это. Я бы ни за что не согласилась стать другой. О, это, наверное, страшнее, чем умереть совсем.

Если стать другим только чуть-чуть, то это ничего. Что я мог ей ответить? «Стать совершенно другим» — это просто не укладывалось в моей голове.

— Конечно, это подвиг, — после долгих раздумий сказал я. — Подвиг, требующий не меньшего мужества и отваги, чем первый полет на аэроплане, чем первое путешествие в космос. Всегда кто-то первый, самый мужественный, должен для людей что-то совершить и своим примером увлечь других.

— И все же в этом есть что-то противоестественное, — прошептала Олла. — И в воздухе и в космосе человек остается самим собой. Здесь он никуда не девается, никуда не улетает, а становится другим.

— Но, Олла, скажи, что плохого в том, что наука разработала рациональные способы перестройки человеческой психики?

Не знаю, для кого больше я затеял этот спор: для себя или для Оллы. Я сам тоже хотел постигнуть этическую глубину проблемы, о которой говорил доктор Майнеров.

— Такие свойства человека, как его ум, характер,

его чувства, интуиция, составляют сущность его личности, его «я». Лиши его искусственно одного из характерных только для него элементов, и он станет другим. Я глубоко убеждена, что такое искусственное вмешательство в самую сущность человеческого неправомерно и неэтично.

— Даже если это необходимо для решения жизненно важной задачи, если это делается во имя всего человечества?

— Даже, — твердо сказала Олла.

— А как же тогда следует судить о людях, которые для спасения своих товарищей жертвуют своей жизнью? Помнишь, в истории войн рассказывается о легендарном герое Александре Матросове, который своим телом закрыл вражеский пулемет и спас жизнь нескольких сот человек?

— Он умер, оставаясь Александром Матросовым. А Корио будет жить, перестав быть Корио.

— Он станет для людей более ценным и полезным, чем Корио сейчас.

— Но он будет другим, понимаешь, совершенно другим, чужим...

— Сейчас нет чужих людей, — сказал я. — Все люди — товарищи и друзья.

— Он может стать чужим для меня!

Я обнял Оллу и хотел ей сказать что-то, хотел успокоить, но к нам подошел Корио.

Он был очень взволнован.

— Ну что? — спросил я.

— Решено. Я первый.

IV

Я, Олла и Корио, не торопясь, шли к Институту структурной нейрокибернетики. Время еще было, и мы выбрали не самый короткий путь, а пошли вдоль набережной Москвы-реки и далее через парк. Лед на реке растрескался, под мостами, у быков, образовались лужи воды. На небе не было ни облачка, и солнце светило, как в теплый майский день.

— Эти счастливые молодые мамы с колясками и не подозревают, как плохо, что солнце такое яркое, — задумчиво произнес мой друг.

— Ты вот сейчас идешь на операцию, которая должна сделать из тебя необыкновенно умного человека, Корио, — спросил я. — Любопытно, сейчас, в данный момент, у тебя есть какие-нибудь идеи насчет того, чтобы остановить надвигающуюся катастрофу?

— Конечно, есть, — ответил он. — Но все они какие-то неуклюжие и, я бы сказал, неумные. Понимаешь, они, эти идеи, все построены на основе того, что науке сейчас хорошо известно. И если их начать реализовать, то для этого не хватит ни людских, ни материальных ресурсов Земли. Необходимо что-то принципиально новое! Решение проблемы нужно искать в каком-то совершенно новом ключе.

— И ты думаешь, что после операции ты будешь знать, где нужно искать решение проблемы? — с горечью спросила Олла.

— Не знаю, дорогая. Доктор Фавранов говорит, что, может быть, я буду знать.

Олла остановилась у парапета набережной и, не глядя на нас, с грустью заговорила:

— Доктор Фавранов... доктор Фавранов... А откуда он знает, что имеет смысл ставить такой жестокий эксперимент? Стать другим человеком!..

— Перестань, Олла. Рассуждать так очень эгоистично. Кроме того, еще совершенно неясно, действительно ли Корио будет другим, то есть действительно ли...

Я хотел сказать что-то, но Корио меня перебил, заметив:

— Я не верю, что после разрыва каких-то неверных связей в мозгу чувства человека, его мирозерцание, его личность изменятся существенным образом.

В парке снег совсем растаял, и над обнаженными клумбами поднимался теплый пар. Здесь по-настоящему пахло весной, пели птицы, со всех сторон слышались детские голоса. Корио остановился.

— И даже если бы пришлось при этом пожертвовать самыми дорогими чувствами, разве человек, любящий других людей, не сделал бы этого?

А вот и колоннада у центрального входа в институт. Мы в нерешительности остановились. Я отвернулся, увидев, как Корио и Олла посмотрели друг на друга. Меня охватили странные чувства. Операция над моим другом произойдет через пять часов. Через пять часов его введут в необычную «операционную» — зал с большим количеством измерительных и контрольных приборов и с замечательным инструментом профессора Фавранова — «ультразвуковой иглой», которая безболезненно разрывает тончайшие волокна нервной ткани на любой глубине, в любом месте.

Нервные ткани, нервные волокна... Это в их сложном и запутанном лабиринте заключены вся разумная сущность человека, его внутренний мир, его взгляды, его восприятия, его анализы, его чувства и настроения. В глубину человеческого мозга свет никогда не проникает, и тем не менее мы видим свет. Там мертвая тишина, а мы слышим сложную гамму звуков. Сложный термостат человеческого организма поддерживает температуру в строгих пределах, а мы чувствуем жару и холод, хотя наша собственная температура при этом неизменна.

Только в последние пятьдесят лет мозг стал постигать самого себя, стал анализировать свою собственную работу, начал придирчиво изучать свои собственные функции, находя в них сильные и слабые стороны. Мозг начал критиковать себя! Он начинает восставать против своего собственного несовершенства, он начинает разрабатывать методы, как себя улучшить! Он пришел к выводу о необходимости освободить себя от пут, от бремени ненужных структур, которые возникли в процессе эволюции. Он нашел методы и средства, как это сделать. Он приказывает самому себе сделать это во что бы то ни стало!

И кто знает, может быть, в удивительном процессе самопознания и лежит главное направление са-

мосовершенствования человеческого мозга? Может быть, раскрепощение человеческой гениальности, прыжок в совершенно новое качественное состояние как раз лежит через процесс объективного самоанализа мозга, самоизучения, которое позволяет ликвидировать слабости и усилить силу?

— Войдемте туда вместе, — вдруг сказал Корио. Он был немного бледен и взволнован.

Олла старалась ни на кого из нас не смотреть. Мы поднялись к двери и вошли в холл института.

У широкой лестницы стояла группа людей в белых халатах во главе с доктором Фаврановым. Спокойно, неторопливо они разговаривали о том, что должно произойти сейчас. Они тоже готовились к операции, но только после Корио.

— А-а! Вот и Корио! — воскликнул Фавранов. — Вы немного опоздали. Мы вас ждем.

— Знакомьтесь, это мои друзья, — Корио представил Фавранову меня и Оллу.

Взглянув на сестру, Фавранов слегка сощурил глаза и крепко пожал руку Олле.

— Скажите, а операция занимает долгое время?

— Пустяки. Всего минуты три-четыре. Больше занимает подготовка к операции. Но после Корио все будет значительно быстрее.

Фавранов хлопнул в ладоши и громко произнес:

— Итак, друзья, прошу внимания! Сейчас пожмите руку нашему дорогому товарищу Корио. Мы его забираем.

Далее он обратился к сгруппировавшимся рядом ученым — геофизику Лейкерту, астрофизику Малиновскому, химику Портеллову, математику Гримзо:

— Вам расходиться не следует. Доктор Косторский проведет вас в аналитическую лабораторию. После работы с Корио мы пригласим вас к себе. А вы, девушка, не волнуйтесь. Просто не думайте об этом, — ласково обратился он к Олле. — Если же вам будет очень тяжело, приходите ко мне. Мы вам поможем...

Я взял сестру за руку, и мы вышли на улицу.

Через два дня, после того как мы проводили Корио, я встретил Онкса Фелитова. Несмотря на свой преклонный возраст, он шагал по улице бодро и стремительно. Он заметил меня первым.

— О, Авро, добрый день!

— Здравствуй, старик!

— Как погода? — спросил он, лукаво кивнув на солнце.

— Будь она проклята! — процедил я.

— Ой, мой дорогой, нехорошо, нехорошо! Ты сквернослов. Это запрещено.

— Послушай, Онкс. Честное слово, мне сейчас не до твоих критических замечаний. Олла очень больна, и я тороплюсь за ионизатором...

— Нервы?

— Да.

— Хочешь, я вылечу твою сестру? — шепотом произнес Онкс.

— С каких это пор ты стал специалистом по нервным болезням?

— С сегодняшнего заседания критического Совета.

— Неподходящее место для получения медицинского образования.

— Зато подходящее место для приобретения оптимизма. Авро, ты даже не представляешь, что случилось!

Я посмотрел на часы, давая понять старику, что мне не до его разговоров. Он же, взяв меня за руку и отведя в сторону, доверительно прошептал:

— Найден!

Я схватил Онкса за плечи и потряхнул его изо всех сил.

— Кто нашел? Как нашел?

— Ага! Совсем другие эмоции! Проблема решена физиком-теоретиком Корио, который стоит во главе группы...

— Корио! — прокричал я вне себя от радости.

— Да. И ты знаешь, что он предложил?

— Что?

— Выбрасывать на ракетах на высоте пятисот километров над поверхностью Земли обыкновенную воду!

Я нахмурил лоб, усиленно соображая, что может дать такая операция.

— Только что закончилась дискуссия по проблеме, и решение принято. Через час или два первые тысячи тонн воды будут на орбите.

— Я ничего не понимаю, — пробормотал я.

Онкс расхохотался.

— Никто ничего не понимал. Все были загипнотизированы тысячами старых проектов. Предлагали выбрасывать порошкообразные вещества, металлы, графит, металлизированные пленки и еще черт знает что. Каждое предложение немедленно оценивалось с точки зрения промышленного и материального потенциала Земли. Все это пришлось отвергнуть. Не хватало либо требуемых материалов, либо производственных мощностей. Представляешь, сколько нужно выбросить в космос обыкновенного мела, чтобы уменьшить радиационный поток хотя бы вдвое? Миллион тонн! А сколько нужно ракет! И каждая ракета будет создавать лишь ничтожное облачко, а из них нужно составить колоссальное покрывало для Земли. Кроме того, когда Солнце вернется к прежней активности, совершенно неясно. Как все это с орбиты убрать? И вот Корно предложил воду, обыкновенную воду!

Я все еще ничего не понимал.

— Он подошел к проблеме совершенно с неожиданной стороны, он рассуждал так. Закрыть Землю нужно плотно, надежно и самыми дешевыми средствами, а главное — только на определенное время. Конечно, вода — самый дешевый на Земле материал. Но что с ней будет в космосе? Вся гениальность решения заключена в выяснении механизма поведения воды там, над первым радиационным поясом. Оказывается, и он это неопровержимо доказал, вода сама будет растекаться по огромным пространствам, как растекаются поверхностноактивные вещества по по-

верхности твердого тела. Тонна воды образует за несколько часов тончайшую пленку с фантастической площадью. А далее молекулы воды этой пленки под действием солнечной радиации будут диссоциировать на водород и кислород. Те, в свою очередь, подвергнутся ионизации, создавая области с повышенной концентрацией водородно-кислородной плазмы. Корио и его товарищи вычислили, какая работа будет затрачиваться на эти процессы, и пришли к выводу, что она может по желанию составить до семидесяти процентов излучаемой Солнцем энергии. Представляешь?

Я застыл с открытым ртом. Онкс хлопнул меня по плечу и, убегая, крикнул:

— Пойди и расскажи обо всем своей сестре! В промышленном управлении все знают, что она любит Корио, а он ее!

«А он ее... Любит ли?»

Мой взволнованный рассказ не произвел на Оллу того впечатления, какое он произвел на меня. Она слабо улыбнулась и сказала:

— Я знала, что Корио предложит что-нибудь необычное.

Окна нашей квартиры внезапно вздрогнули, потом еще и еще.

— Началось! — прошептал я. — Корабли с водой пошли в космос. Проект Корио осуществляется!

Окна вздрагивали до самого вечера и в течение всей ночи, а Олла, не закрывая глаз, лежала на диване и смотрела вверх. Утром, когда она, наконец, уснула, я включил радио. За последними известиями последовала сводка погоды. Я слушал ее с замиранием сердца. Да, повышение температуры прекратилось. В заключение диктор сказал:

— В ближайшие сутки ожидается резкое понижение температуры до двух-трех градусов мороза, а затем до десяти-пятнадцати...

Они даже и это рассчитали!

Я тихонько оделся и вышел на улицу. С севера потянул непривычный холодный ветерок. За ночь в парке комья сырой земли затвердели, лужи покрылись тонкой корочкой льда. Утреннее небо было без-

облачным, черно-фиолетовым. Воздух внезапно вздрогнул от последовательных взрывов, и я заметил, как минут через пять высоко в небе появились тонкие яркие штрихи, как от метеоритов.

Со всех концов Земли в космос выбрасывали воду.

Я неуверенно открыл дверь Института структурной нейрокибернетики и вошел в пустой полутемный холл.

— Вы к кому? — спросил молодой человек, быстро поднявшись с кресла.

— Вы дежурный?

— Да. Вы за какими-нибудь сведениями?

— Мне нужно узнать, как обстоит дело с моим другом, с Корио.

— Его тревожить нельзя. Он работает. Он и его товарищи.

— Как прошла операция?

— Блестяще.

Глаза у молодого человека блеснули.

Мне хотелось узнать что-то такое, чего я и сам не знал. Я только кивнул головой и вышел. Уже совсем рассвело. Я посмотрел на верхние этажи здания института и заметил, что электрический свет продолжает гореть в трех окнах. Наверное, за одним из них работает мой друг. Он совсем рядом со мной, но, может быть, теперь очень и очень далеко. Я поймал себя на том, что сейчас, когда проблема, касающаяся всей Земли, решена, я начал думать о себе, о судьбе сестры. А как же иначе? Человеческое счастье дедуктивно. От общего — к частному...

К институту подъехала машина, из нее вышел доктор Фавранов. Наши глаза встретились.

— Как ваша сестра? — спросил он, крепко пожав мне руку.

— Плохо. Она очень боится.

— Это понятно.

— Когда Олла сможет увидеть Корио?

— Сегодня вечером. Сейчас он заканчивает разработку программы запуска ракет на период до первого мая, а вечером я выгоню его на прогулку.

Днем пошел снег. Вначале это были огромные сырые хлопья, которые таяли, едва коснувшись земли, потом подул колючий северный ветер, и снег стал мелким и частым. В три часа дня по радио объявили, что предсказанное утром резкое понижение температуры наступит значительно раньше. На улицы вышли снегоочистительные машины. В пять часов снег внезапно прекратился, тяжелая свинцовая туча проплыла над городом, обнажив оранжевое небо. Крыши домов засияли пурпурными красками.

— Так должно быть, — шептал я, с восхищением глядя на настоящую январскую зиму, как будто бы никогда не видел ничего подобного.

Я подошел к дивану и взял сестру за руки.

— Пойдем гулять. Смотри, какая красота!

Она посмотрела на меня и догадалась обо всем.

— Мне страшно.

— Через это нужно пройти, понимаешь?

— Да.

Олла начала торопливо одеваться.

Солнце было настоящим зимним солнцем. Оно висело низко над горизонтом, и на оранжевой пелене вытянулись синие тени. На ветвях деревьев качались комья пышного снега. В парке сновали ребятишки, появились первые снежные горки, юные лыжники барахтались в сугробах.

— Ох, как я боюсь, Авро! — шептала Олла, прижавшись ко мне.

Мы стояли у центрального входа в институт и ждали, когда откроется дверь. Прошло всего несколько минут, но мне они показались часами.

Внезапно дверь энергично отворилась, и из нее вышел, а вылетел Корио. За ним показался человек в белом халате. Это был доктор Фавранов. Корио схватил ком снега и, смеясь, бросил его в доктора.

— Со мной-то вам легко справиться, — громко сказал старик, — а вот попробуйте с ними.

Он повернул Корио в нашу сторону и скрылся за дверью. Сердце у меня стучало, как молот. Корио несколько секунд стоял, в недоумении глядя на нас.

На нем был лыжный костюм. Он стоял с непокрытой головой и неуверенно мям ком снега в руках.

Вдруг, как бы спохватившись, он быстро сбежал по ступеням вниз и стал прямо перед нами. Мне казалось, что я вот-вот сойду с ума. Я не верил, что лицо Корио может иметь такое выражение. Я никогда не представлял, что человеческое лицо может быть таким одухотворенным, вдохновенным, радостным. Его глаза излучали яркий свет, волосы искрились в лучах заходящего солнца, губы двигались, расходясь в счастливую улыбку.

— Корио, это ты? — задыхаясь, пролепетала Олла.

Вместо ответа Корио бросился к ней, оторвал ее от меня и, подхватив на руки, побежал.

— Корио, Корио! — кричал я, едва поспевая за ними.

На мгновение он остановился и весело посмотрел на меня.

— Ну и смешной же ты, Авро! Только люди, потерявшие здравый смысл, пытаются догнать влюбленных!

Я остановился, взял ком снега и начал тщательно растирать им лоб.

Я пошел вперед, прямо по снегу, туда, где парк переходил в лес. Я вдыхал упругий морозный воздух и смотрел на покрытые снегом ели, которые обрели свой вечно сказочный вид. Лес кончился, а я все шел и шел через снежное поле, туда, где сгущались зимние сумерки. Моя тень с каждой минутой вытягивалась передо мной, и я шаг за шагом наступал на нее. Но вот меня нагнали еще две тени, и я пошел медленнее, чтобы увидеть их. Они шли рядом.

Тогда я круто свернул в сторону, чтобы уступить им дорогу.

В. РАЙКОВ (Болгария)

БОЛЬШИЕ ДЕТИ ЖИЗНИ

Май положил паяльник на подставку и выпрямился. Ему трудно было работать среди паутины тонких проводов. А произвести исправление было сложно: обрыв случился в дальнем конце шасси.

Май закурил и обернулся к жене. Она лежала на диване у окна и читала книгу. Было что-то особенно привлекательное в ее личике с чуть вздернутым, вызывающим носиком. Карие глаза блестели. От мягких очертаний ее плеч и рук, от всего ее стройного тела веяло той неуловимой женственностью, которая превращает девочку во взрослую женщину.

— Начнем, Кристи?

Она отложила книгу, встала и молча подошла к штативу, где на тонкой нитке была привязана пчела.

— Я готова.

— Так начнем, — сказал он и повернулся к аппарату.

Молодая женщина начала дразнить соломинкой пчелу, легонько гладила ее по тельцу, осторожно притрагивалась к голове и лапкам. А Май поворачивал верньеры с упрямством, о котором его коллеги нередко говорили: «После двухчасового ожидания всякий осел уступит ему дорогу». Май поворачивал верньеры, а его глаза, покрасневшие от продолжительной бессонницы, не отрывались от сигнальной лампы.

Вдруг аппарат затрещал, и Маю послышалось что-то очень похожее на человеческий голос: «...заду-

мался о чем-то серьезном?» Рука у него замерла в этом положении, но слова растаяли, как пар в воздухе. В тот же момент лампа мигнула и погасла.

Май изумленно поглядел на аппарат и начал вращать верньер в обратную сторону, на этот раз очень медленно. Вскоре в окошке приемника снова появился зеленый свет, а в ушах раздался человеческий голос: «...еще испортится. Это не дело. Ну, ты! Ты что, взбесилась? Ступай на место!»

Май обернулся так резко, что стул оставил царапину на блестящем паркете. Жена продолжала дразнить злосчастную пчелу. Она обернулась к нему, словно хотела спросить о чем-то. Они смотрели друг на друга долго, очень долго, не говоря ни слова. И вдруг в ушах у Мая снова прозвучал голос, заглушаемый мягким треском аппарата: «Бедный! Он похож на больного. Под глазами черные круги, лицо осунулось... Боже мой, этот человек погубит себя! Но как...»

Май вскочил, зашагал по комнате, ища что-то глазами. И тут он понял, что голос исчез, что он больше не слышит его. Он внимательно вслушался, словно стараясь уловить что-то, лежащее за пределами человеческого слуха. Ничего! Только тогда он понял: в сущности, «голос» совсем не был похож на голос. Май не мог вспомнить ничего о его тембре и силе, о теплоте этого голоса. Если бы не потрескивание аппарата, он подумал бы, что это его собственные мысли, а не чужой голос... Его мысли?.. Но он в этот момент ни о ком не думал! Он не думал вообще ни о чем, он только наблюдал...

Неожиданно Май почувствовал, как кто-то схватил ему голову клещами и беспощадно сжимает их. В последнее время он никак не мог отделаться от этих сводящих с ума головных болей. Сейчас он едва не застонал, но вовремя опомнился: Кристина не должна знать об этом. И он только провел рукой по пылающему лбу и опустился на диван, почти теряя сознание от нестерпимой боли.

— Май, что с тобой? — Голос жены заставил его быстро очнуться. — Тебе плохо? Ты очень побледнел...

Он видел, что она сильно встревожена.

— Ничего, Кристи. Уверяю тебя. Я немного устал.

— Знаю я твое «немного устал»! Ну, довольно работы на сегодня! Одевайся, пойдем погулять!

— Что такое? Да, да, пойдем. Только попробуем еще раз, хорошо? Давай, Кристи!

— Ты неисправим, Май, — примирилась она в конце концов. — Хорошо, но сейчас же после этого пойдем, слышишь?

Он большими шагами направился к аппарату. У Мая было такое впечатление, что по мере того, как он подходит, сигнальная лампочка разгорается. И вдруг в уши ему ударило знакомое заглушенное потрескивание. Но оно — оно словно не в ушах у него. Оно словно раздается где-то внутри черепа, в самом мозгу. А в следующее мгновение что-то завладело его сознанием, парализовало волю, и в голове начали складываться мысли... чужие мысли... «Нет! Если отложить, когда еще придется! Сегодня пойдем. На этот раз я не отступлю!»

Май обернулся и изумленно поглядел на жену. Нет, не похоже, что она только что обращалась к нему. Она только глядела на него пристально, не на шутку испуганная безумным огнем его глаз.

— Что с тобой случилось, Май? Возьми себя в руки!

Он едва смог произнести дрожащим голосом:

— Кристи, подумай о чем-нибудь! Произнеси мысленно хоть одну фразу!

Его волнение мгновенно передалось ей. Она долго стояла, как загнипнотизированная, неспособная даже думать. Постепенно взгляд у нее прояснился, и она устало опустила руки. А в голове у Мая послышался заглушенный стук, и тот же таинственный внутренний голос произнес: «Ты неисправимый осел, дорогой мой. Напугал меня, просто ужас!»

Лицо у Мая просияло. Он выпрямился, торжественно поднял руку, отчетливо проговорил:

— Ты неисправимый осел, дорогой мой. Напугал меня, просто ужас!

Кристина окаменела. На лице у нее отразился не-

вообразимый страх — первобытный человеческий ужас перед необъяснимым. Но Май подошел и обнял ее.

— Не бойся! Ничего плохого не случилось. Я объясню тебе, слышишь, я сейчас тебе все объясню. Случилось нечто невероятное, Кристи! Я могу слышать чужие мысли. Вернее, я могу «думать» их. Я никогда и не мечтал ни о чем подобном, настолько фантастично это звучит. Только сейчас я сам начал понимать в чем дело.

Она стояла перед ним, растерянная и безмолвная. Смотрела на него так, словно видела в первый раз. Прямые светлые волосы совсем растрепались. Небритый, с темными кругами под глазами. Может быть, его продолговатому бледному лицу не хватало только очков, чтобы он стал совсем похожим на захваченного своей работой ученого. Но сейчас он выглядел бодро и сосредоточенно. В глазах светилось столько счастья, что она невольно начала заражаться этим восторгом, хотя и не понимала его

— Слушай, Кристи, моей целью было построить такой чувствительный аппарат, который записывал бы биотоки даже от самых мелких насекомых. Ведь эта проблема одинаково интересует и биологов и физиков. Такой аппарат может показать нам, как общаются между собой насекомые, которых мы считали глухонемыми. Я не сочту неправдоподобным, если мне скажут, что пчелы общаются между собой на основе электромагнитных волн. Чем еще можно объяснить их коллективный труд? Или, скажем, муравьи...

— Ничего не понимаю, — вовсе растерялась молодая женщина. — Пока твой приемник не настолько чувствителен, чтобы регистрировать даже биотоки пчелы. Как же ты можешь с его помощью ловить мои мысли? Не кажется ли тебе, что во всем виноваты нервы и усталость?

— Никоим образом. Объяснение здесь совсем другое. Приемник все-таки очень чувствителен, несмотря на видимый неуспех. Но я невольно попал на что-то совсем другое. Послушай, усилитель у меня очень

мощный, настолько мощный, что увеличил незначительное напряжение электромагнитного поля твоего мозга, а я уловил его излучение. И начал думать твоими мыслями, словно синхронно с тобой. Все остальное — это технические подробности. Чудо только в настройке, ее очень трудно добиться. Но если ты сядешь на мое место и настроишь аппарат соответственно твоей мысленной волне, то тогда ты будешь ловить мои мысли, а не я твои. Вот и все.

— Жаль, — вздохнула Кристина. — Столько трудов, и все ни к чему. Это напоминает мне сказку о рыбаке, который собирал на берегу только черные камешки. А другие, блестящие, как осколки стекла, он пропускал, потому что они не были черными.

— Кристи, неужели ты действительно не понимаешь, что я собирал на морском берегу только жемчуг? То, что произошло, настолько прекрасно и невероятно, что это даже нельзя понять сразу. Это открытие полностью изменит людей на нашей несчастной планете! Представь себе: люди вдруг перестанут лгать. Все без исключения. Ведь все они смогут читать мысли друг друга. Кассир не будет ошибаться в счете. Радиотехник не будет лгать, что сменил в телевизоре три лампы, а не одну. Бакалейщик перестанет добавлять глюкозу в пчелиный мед. Женщины перестанут так часто ходить к врачам и к приятельницам. Мужья перестанут ходить на охоту, с которой никогда ничего не приносят... Ты понимаешь, Кристи?

Она только погладила ему руку и кивнула. Не могла говорить. А Май продолжал говорить тем же возбужденным голосом, словно видя все собственными глазами:

— Человеческий прогресс достигнет небывалых вершин. На международных конгрессах ученые перестанут осторожно докладывать о результатах своих исследований, тщательно скрывая методику и материалы. Понятие о тайне исчезнет. Осуществится, наконец, мечта о единых научных институтах, в которых будут обмениваться опытом крупнейшие ученые. Это двинет науку вперед гигантскими шагами. Все мечты

человечества облекутся плотью и кровью. Космос будет побежден...

— Довольно! — прервала его Кристина. — Скорее спустись с неба, и идем со мной. — Она повела его к выходу, как маленького ребенка. — Чтоб через несколько минут ты был готов выйти, понял? Обо всем остальном можешь рассказывать и в парке.

— Слушаюсь, — отозвался Май.

Кристина ласково смотрела на него. Она едва сдерживала волнение, и ее маленький носик казался сейчас особенно смешным на напряженном лице. Она поспешно ушла в другую комнату, так как боялась, что вот-вот заплачет.

Месяца через два после описанных событий ясным утром Май попрощался с женой и вышел из дому. Он казался спокойным и задумчивым, но сердце у него трепетало от волнения. Только сейчас, когда приблизилось время назначенного визита, на него снова нахлынули старые сомнения. Удастся ли ему? Он хорошо продумал весь план, но все-таки...

Дополнительные опыты полностью разъяснили действие аппарата. Техническая подготовка не отняла много времени. Сейчас чудесный аппарат находился в красивой коробочке, чуть побольше папиросной.

За время опытов Май убедился, что мыслям каждого человека свойственны определенные частота и длина волны, так что прибор нужно было настраивать для каждого человека. Это заставило его расширить диапазон шкалы и особенно усовершенствовать систему настройки. Настраивать нужно было быстро и точно, несмотря на высокую чувствительность аппарата. Видоизменился и мыслеразложитель — та часть, которая разлагает электромагнитные излучения на отдельные мысли. Но Май ничего не мог сделать с радиусом действия, тот оставался в пределах десяти-пятнадцати метров. В сущности, этого расстояния было вполне достаточно.

Секретарша встретила его сдержанно, с обязательной улыбкой, которая должна была свидетельствовать

о ее глубочайшей симпатии к посетителям. Секретарша относилась к тому типу несколько перезрелых женщин, которые ценой героических усилий и лишений стараются сохранить стройность своей фигуры. Женщина предложила ему сесть у столика с грудой иллюстрированных журналов и углубилась в прерванную работу.

Вскоре двери кабинета раскрылись, пропустив широко улыбающегося человека. Май тотчас же вскочил, и, когда секретарша утвердительно кивнула ему, он переступил порог, за которым должна была решиться судьба его последней мечты.

Президент имел лицо бывшего спортсмена, со слегка выдающимися скулами и несколько орлиным изгибом носа. Это впечатление смягчалось благодаря спокойному взгляду серых глаз и матовому блеску полуседых волос. Президент выглядел приветливым, но утомленным, словно день и ночь работал на благо страны. Впрочем, такой вид мог быть вызван и чрезмерным употреблением алкогольных напитков. Но подобная мысль была крайне нелепой в спокойной, творческой обстановке этого роскошного кабинета.

В знак демократичности Президент встал и пожал Маю руку. Потом широким жестом предложил ему сесть, сел сам, бросил быстрый взгляд на часы и приготовился выслушать своего посетителя. Деловой прием почти обезоружил Мая, но он вовремя успел овладеть собой.

— Прежде всего попрошу, чтобы этот разговор шел только между нами, — сказал Май и остался доволен твердостью своего голоса. — Я хочу попросить не записывать его на магнитофон. Дело касается чрезвычайно важных вопросов, которые я держу в тайне.

По губам Президента скользнула улыбка, хотя строгие слова молодого человека застали его врасплох. Он нажал кнопку на панели перед собою.

— Не имею ничего против, — любезно произнес Президент. А Май, успевший тем временем настроить аппарат, ясно услышал его мысль: «Хитрец! Какую гримасу он сделал бы, если бы узнал о двух других?»

— Я не хитрец,—невозмутимо продолжал Май.— Это только предосторожности. Все-таки выключите, пожалуйста, и другие магнитофоны.

Президент слегка побледнел, но внешне сохранил полное спокойствие. Только в глубине глаз у него мелькнули страх и гнев.

Мгновенно выполнив просьбу своего странного посетителя, этот опытный государственный деятель снова засветился уверенностью и доброжелательной снисходительностью.

— Сейчас я скажу вам, что вы только что подумали обо мне, — произнес Май. — Прочитирую точно: «Смотри-ка! Он словно повторяет мои собственные мысли. На сумасшедшего не похож, но кто его знает? И откуда он узнал о магнитофонах?»

Лицо Президента исказилось от животного страха.

— Я вам отвечу на все, — медленно продолжал Май. — Я не сумасшедший, а о магнитофонах узнал от вас. Я физик. Мне удалось изобрести прибор, с помощью которого можно читать чужие мысли. Вот почему я здесь. У меня есть одна идея, которой я хочу поделиться с вами.

Президент смотрел на него так, как простой смертный смотрел бы на волшебника, превратившегося в змею. Он провел языком по пересохшим губам, с благодарностью принял стакан воды, который подал ему Май, и жадно выпил. Потом закурил сигару и попытался улыбнуться. Его способность владеть собою была поистине изумительна.

— Я вас слушаю.

Май старался изложить свой проект преобразования мира сжато и ясно. Но ничего не получилось. Его охватило какое-то странное вдохновение, и он заговорил, как поэт. Слова сами собой слетали с его уст, он раскрывал самые сокровенные уголки своей души и опомнился только тогда, когда окончил.

— Вот и все, — сказал он, слегка смущаясь. Он не помнил, чтобы еще когда-нибудь говорил так. Его некрасивое лицо стало прекрасным, озарившись мягким блеском глаз.

— Да-а-а, все это чудесно. Только, видите ли, немного наивно, немного...

— Глупо, — холодно подсказал ему Май его собственную мысль.

— Вот именно! В сущности, в принципе я с вами согласен, но не одобряю вашего образа действий, — договорил Президент.

А дальше... А дальше Маю показалось, что он стал свидетелем самого странного в мире монолога. Президент встал и теперь ходил по кабинету. Он говорил медленно, взгляд его словно унесся куда-то далеко.

— Этот аппарат должен принадлежать только одному человеку, — говорил он. — Это даст ему возможность легко создать очень сильное государство. Понимаете, самое сильное государство в мире!

И тут же думал:

«Это нетрудно. Что, если никто больше не будет мне лгать? Особенно министры. Что, если я раскрою все их козни против меня? И уничтожу их. Еще в зародыше. А сам легко стану первым человеком в стране. В истинном смысле этого слова. Не таким, как сейчас!»

— Слава государства разнесется повсюду, озарит весь материк, — продолжал Президент.

«С помощью этого аппарата я узнаю мысли иностранных дипломатов. Открою военные тайны других государств. Их секретные планы. Их тайное оружие. Тогда мне будет нетрудно покорить их. Всех. До одного!»

— А другие народы сами присоединятся к этому государству. Они будут бояться гибели.

«А я завладею несметными богатствами. Стану самым сильным. Стану единственным владыкой мира. Я!»

— Только тогда сможет воцариться та высшая справедливость, о которой вы мечтаете, — повернулся Президент к Маю. — Мир может преобразиться только тогда, когда он подчинен единой воле, единому всевластному уму, вносящему в жизнь людей истинный порядок.

— Вы ошибаетесь, вы очень ошибаетесь. Изобретение должно облагодетельствовать всех, а не только одного человека.

— Я прекрасно понимаю ваши побуждения, — мягко произнес Президент, словно говоря с родным, но нерассудительным племянником. — И уважаю их. Но что вы знаете о людях и об их денежных делах? Ничего! Все собственники, от бакалейщика до крупного магната, все они низкопробные мошенники, бесовестные лжецы и воры. Это в их психике. Как сделать их честными? Они мгновенно сошли бы с ума, почувствовали бы себя ограбленными. И только ли они? Действительно честно служит большинство чиновников, весь высший государственный аппарат, дипломатический корпус. Это я знаю отлично. А остальные? Кучка обыкновенных мелких людишек, честных только потому, что они бедны.

— Честных людей не так уж мало. А мы заставим стать честными и лжецов. Сила у нас.

— Это слабая сторона вашей гипотезы, — усмехнулся Президент с превосходством более взрослого и более разумного. — Вы хотите преобразовать мир на основе страха. А мир всегда изменялся только путем оружия и силы.

— Этот страх будет чем-то большим, чем переворот в общественной жизни. Все будут бояться лгать, потому что их мысли не будут тайной ни для кого. Этого достаточно, чтобы переделать самого отчаянного преступника. Если он будет знать заранее, что его схватят, он не будет совершать преступлений. И постепенно люди начнут говорить только правду. Это станет для них так же естественно, как пить воду или дышать воздухом. Вот как я представляю себе преобразование мира!

Май достал носовой платок и вытер себе лоб.

— У нас двоих есть все: у вас — власть, а у меня — изобретение. От нас зависит обеспечить себе место в истории человечества, заслужить самый светлый памятник человеческой благодарности.

В этот миг в голове у Мая прозвучало предостерегающе: «Боже мой, какой отчаянный глупец! Но он

неисправимый филантроп. Что с ним сделать?» Эта мысль заставила его насторожиться.

— Вы неправильно выразились, — медленно произнес Президент, которому, казалось, надоело спорить. — В сущности, у вас нет ничего. Власть, составляющая в этом мире все, есть только у меня. С ее помощью мне очень легко получить ваше изобретение. Но я предлагаю вам другое: продайте мне его. Цена мне безразлична. Я дам вам все, что вы пожелаете.

— Никогда! — категорически отказался Май. — Я пришел к вам не за деньгами.

— Послушайте меня, так будет лучше для нас обоих.

— Это ваше последнее слово? — тихо спросил Май, и ему показалось, что он погружается в безбрежный ледяной туман.

— Да!

Май достал аппарат из кармана, поставил его на стол и одним ударом тяжелой пепельницы раздавил его, как спичечную коробку. Хрустальный футляр разбился вдребезги, и его осколки заблестели на темно-красном ковре.

— Теперь изобретение находится только здесь, — произнес Май и выразительно постучал себе пальцем в лоб. — Я наверняка найду кого-нибудь, кто бы им заинтересовался.

— Молодой человек, — сказал Президент несколько строже, но все еще с известным доброжелательством, — не забывайте, что вы в моих руках.

— А если я оставил своей жене определенные инструкции? — попытался защищаться Май. — Может быть, она знает, к кому обратиться, если я не вернусь через определенный срок?

— Бедняжка! — произнес Президент, и Май понял, что на этот раз он говорит вполне искренне. — Нет ничего легче покушения на жизнь женщины. Нападения бандитов всем хорошо известны, и никто не станет сомневаться в правдивости газетных сообщений.

Май молча глядел на него, застыв от ужаса. Он понял, что если не согласится, то Кристина обречена.

Ее не пощадят. Нет смысла уверять Президента, что она ничего не знает об изобретении. Кто бы этому поверил? Значит...

Вдруг лицо Президента словно исчезло в тумане, и Май увидел перед собой Кристину. Она ждет его возвращения, она смотрит жадно и тревожно... Сколько ночей она ждала его так, когда он работал в лаборатории? А сколько радости он дал ей за их короткую совместную жизнь? Только огорчения, тревоги и какие-то далекие мечты, о которых нельзя сказать, когда они сбудутся.

— Итак, что вы решаете?

Слова Президента заставили Мая вздрогнуть, но он не сказал ничего. Не получив ответа, Президент продолжал совершенно другим голосом, в котором улавливалось почти дружеское сочувствие к нему:

— Вы понимаете, я не могу отпустить вас. Я стал бы тогда врагом самому себе. Вы страшнее всех моих политических противников. Вы опасны, потому что вы ученый. А все ученые — это большие дети. Пусть даже великие, но дети! Ради блага человечества вы готовы умереть уже сейчас — вот чем вы страшны. Откуда я знаю, что вы сделаете завтра? Всего можно от вас ожидать, всего! Поэтому подумайте хорошенько. Я дам вам времени, сколько захотите. Согласитесь, это ради вашего же блага.

— Об этом нечего и думать, — устало произнес Май. — Я никогда не взял бы на себя такую ответственность перед целым миром.

И он вспомнил с мрачным удовлетворением, что не оставил дома никаких следов своего изобретения. Но от этого ему не стало легче.

Серые глаза Президента пытливо глядели на него, и в этом взгляде Май прочел свой приговор. Потом он увидел, как пухлый палец государственного деятеля нажал красную кнопку на столе. И в следующий бесконечный миг ожидания он подумал с болью: «Прощай, Кристи! Пойми меня в мой последний час и, если можешь, прости. Прощай, моя Кристи!»

IV. ЛУЧШИЙ ИЗ МИРОВ

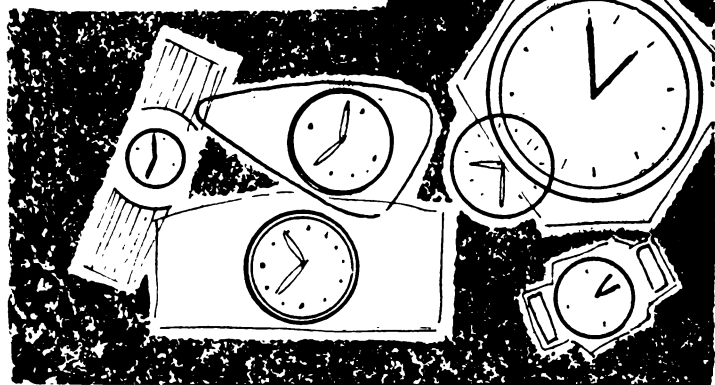
Ю. ДУБРОВИН (СССР)

ЭТИ ТРОЕ

Августовский полдень.
Солнце.

Сидя на скамейке,
Иван Матвеевич Курилов
спорит с Сашей Любимовым.

Час назад Саша про-
ходил по бульвару и уви-
дел своего учителя —
члена-корреспондента
Академии наук, тихо

и смиренно прогуливавшегoся в тени деревьев. Поздo-
ровался, поговорил о жаре. Сейчас сидит на солнце-
пеке, на раскаленной скамейке, не замечая прохожих,
криков играющих рядом ребят.

Они в пути. Кругом шелестят заросли формул,
выкладок, уравнений... Под ногами прогибается зыб-
кая почва предположений, догадок, сомнений. Ковар-

ные ямы, лабиринты и тупики, ложные тропы и непроходимые кустарники замедляют их движение к истине.

Саша, застряв в пути, отчаянным взглядом уставился на Курилова, а тот хитрит и не торопится подбрасывать спасительную мысль.

Мячик, которым играли ребяташки, прыгнул два раза по гравию и попал точно между спорящими.

— И... эх! — выдохнул с досадой черноглазый шустрый мальчик и побежал за мячом.

— Не спешите, Саша, — говорит назидательно Курилов и подкидывает мяч несколько раз.

Саша стремительно несется кратчайшим путем к истине, его феноменальная память услужливо предоставляет новые и новые данные.

Курилов подкидывает мяч.

Мальчик лет десяти, в белой рубашке, в коротких штанишках с пояском и в сандалиях, нерешительно стоит перед ними, слушает мудреную Сашину речь и странно морщится.

— Извините, — говорит он вдруг и излагает формулу, к которой, словно к финишной ленточке, мчится взволнованный Саша, подстегиваемый колкими замечаниями Курилова.

Слова мальчика производят на ученых обжигающее действие. Мяч выкатывается из рук растерявшегося Курилова. Саша замолкает и бледнеет. Они недоверчиво смотрят на мальчика, а тот приветливо улыбается.

— Я хотел вам помочь, мне показалось — вы в затруднении, — говорит он и убегает к товарищам.

На скамейке остаются два оцепеневших человека. «Да, да! — думают они. — Все было именно так, мы сидели и спорили, подошел десятилетний мальчик и одним махом подвел черту нашему спору. Мальчик свободно оперирует сложнейшими абстрактными понятиями...»

Испепеляющее любопытство поднимает их со скамейки. Мгновение — и они возле играющих в мяч.

Задыхающийся от бурного бега Курилов спрашивает черноглазого мальчика:

— Как тебя зовут, малыш?

— Игорь.

Саша Любимов агрессивнее Курилова. Он атакует мальчика вопросом из анналов ядерной физики.

— А известно тебе, что...

Видимо, мальчику это известно, потому что он расцветает улыбкой, немедленно выясняет суть вопроса, и в тот момент, когда Курилов, подавляя невольную зависть, вынимает платок из кармана и начинает обмахиваться, вопрос решен.

Далее следует заявление мальчика, вежливое и безапелляционное:

— Метод рассуждений, которого вы придерживаетесь, устарел! Представьте себе, что вы хотите изучить повадку рыб и вытаскиваете для этого рыбу из воды! Нас учат в школе, что любой вопрос берется в совокупности... Простите за пример...

Молниеносным движением рука мальчика собирает воедино несколько неоднородных фактов, сжимает их в кулак, и — происходит чудо! — на разогнувшейся ладонке возникает ясная, кристальная мысль.

Мысль поражает ученых новизной, в то же время Курилов готов поклясться, что он приближался к ней. Ну, конечно! Это же грезилось ему однажды... Москва... беседа с американским физиком... ощущение — вот-вот!..

Грезилось и исчезло. И волшебным образом возвращено сейчас десятилетним Игорем, феноменальным мальчиком в белой рубашке и коротких штанишках.

— Что я наделал! — вдруг огорчается мальчик.

— Что? Что? — испуганы ученые.

— Папа и мама... Они ищут меня. Я же ничего не сказал им, ушел играть, и все.

Ученые смотрят туда, куда с виноватым видом вглядывается мальчик.

Папа и мама бегут, спешат, видят сына, машут ему руками.

Курилов тихим, восхищенным голосом говорит:

— Древние греки...

Саша Любимов односложно подтверждает:

— Да...

Игорь удивленно на них косится.

— Вот уж не древние греки... Нормальные люди — мой папа и мама...

Папа и мама подбегают к сыну, папа говорит всем:

— Здравствуйте!

К сыну:

— Где ты пропадаешь?

— Как можно? — возмущается мама.

— К машине! — восклицает папа. — Немедленно к машине, иначе мы не улетим!

— До свиданья! — говорит Игорь ученым.

— До свиданья! — говорят папа и мама ученым.

Взявшись за руки — папа слева, мама справа, посередине мальчик, — загадочная троица в белом направляется вдоль бульвара. Ученые ловят себя на том, что любят их бегом. И люди на бульваре останавливаются и любят их бегом...

Потом Курилов ужасается скорости, с какой тайна уходит из рук. Он приказывает:

— Саша! Вы молодой, сильный — бегом за нами, не упускайте их!

Саша исчезает быстро. Курилов, отдыхая через каждые двадцать метров, тихонько поругивая возраст, пробегает два квартала и видит долговязую фигуру своего ученика.

Ученик стоит в неловкой позе и смотрит в небо.

Курилов яростно кричит:

— Упустили!

Саша вдруг смеется и мотает головой. Внезапно смех его стихает. Саша говорит:

— Эти «древние греки»... Они оттуда...

— Откуда?

Саша повествовательным тоном начинает:

— Я догнал их. Я спросил, кто они. «Из будущего!» — ответили они мне. Я намекнул, что меня ничуть не забавляют их шутки. Они повторили свой от-

вет. Некоторое время я бежал, обескураженный. Они заговорили между собой о каких-то неполадках в управлении. Папа сказал, что Игорь тронул не тот рычаг, и их занесло в прошлое время. Мама сказала, что теперь целый год Игорю не доверят такой сложной машины. Мальчик что-то возразил им, он так безбожно уснащал свои объяснения непонятными терминами, что папа сравнил сына с ожившим техническим справочником. Меня это замечание почему-то рассмешило, я фыркнул, они оглянулись на меня и засмеялись. На тротуаре стояла какая-то ребристая блестящая машина. Прохожие любопытствовали, трогали машину руками. Эти трое подбежали к машине, я остановился в пяти метрах от нее. Открыли люк, папа крикнул людям: «Дальше, дальше, пожалуйста, отойдите!» Люк закрылся, машина вздрогнула, завибрировала и вдруг исчезла! Все по привычке стали смотреть в небо, ища ее следы. Но ведь она и не поднималась, она просто исчезла! И тут я поверил во все, что они говорили мне! Они оттуда... Они действительно оттуда!

Саша умолк и засмеялся.

Курилов говорит теперь, что ему снится часто мальчик Игорь, он играет в футбол и в промежутках между ударами по мячу рассказывает об античастичках.

Курилов рассказывает сон и смеется.

— Все правильно! Все правильно! Теперь я понимаю это слово — «будущее». «Будущее» — это десятилетний мальчик, владеющий мыслительным богатством гениев всех времен!..

А Саше Любимову снятся трое: мужчина, женщина и мальчик. Они бегут, они прекрасны, как большие белые птицы.

К. БЕМ (ГДР)

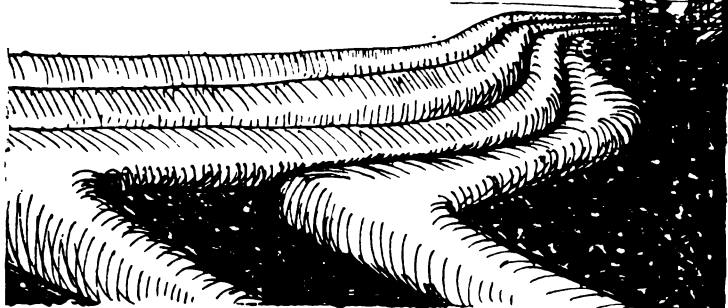
РЕПОРТАЖ

ИЗ 1990 ГОДА

НЕ СЛЕДУЕТ ПИТЬ ИЗ БУТЫЛКИ

Я совсем не сторонник утопий. Откровенно говоря, они меня не интересуют. Но после того как я познакомился с одной из них, я стал их иначе расценивать — вернее, не утопии, а вопрос их осуществления.

Все началось с того, что я слишком много выпил. Нет, не спиртного! Я не пью и не курю; иначе я совсем не пригодился бы для этого эксперимента. Почему же я сделал глоток из бутылки, а не из пробирки, как это полагалось бы? Почему глоток оказался слишком большим? Это зависело просто от того, что эксперимент был не официальный, а, так

сказать, частный. Он был вызван громким, резким спором.

Мое неверие профессор переносил с кажущимся достоинством, но со скрытым гневом. «Только пятьдесят граммов, и ты исчезнешь», — сказал он. Я приложился к бутылке и выпил приблизительно тройную дозу. Вкус напоминал горькую водку.

Когда я проснулся, я увидел склонившегося надо мной сына. Но, как потом оказалось, это был совсем не мой сын, который к тому времени был на четверть века старше и находился далеко отсюда — обследовал рыбные пастбища в южных морях. Около меня стоял его сын — еще незнакомый мне — следовательно, мой внук. Он снял с моего лба холодный компресс и тихо спросил:

— Как ты себя чувствуешь, дедушка?

Человека, который считает себя еще молодым, едва ли может что-то больше расстроить, чем это обращение: дедушка! Я с огорчением закрыл глаза и решил не открывать их до тех пор, пока я не вернусь в наше время.

Из этого ничего не получилось. Такой закоренелый репортер, как я, любопытен уже по роду своей профессии. Тем более в моем положении он может делать все что угодно, только не закрывать глаза.

— Петер, — сказал я своему внуку — правда, имя его было не Петер, а Манфред. — Петер, где я? И как все здесь выглядит?

И вот последствия этого неосторожного вопроса.

ВИД С БАШНИ

Машина с застекленной кабинкой, выглядевшей, как разрезанная пополам капля воды, тихо, как бы с облегчением пыхтя, остановилась у ворот завода.

Ворота завода? Вернее говоря, я не мог увидеть ни ворот, ни забора, ни даже общепринятой проходной с вахтером. Высокая арка, обвитая розами, возвышалась над дорогой, обрамленной изгородью из живых цветов.

— Нам далеко еще? — спросил я.

— Это ничего. Мы ведь поедem, — равнодушно сказал Манфред и потянул меня на быстро движущуюся вдоль улицы ленту-транспортер, полосатую как зебра.

Конечно, я тут же упал, к счастью, на нечто вроде скамейки, которая мягко подалась подо мной.

— А где же заводские трубы? — продолжал я приставать к Манфреду с расспросами. — Здесь не видно ни одной, не видно и дыма. Здесь чувствуешь себя, как в городском парке.

— Серой, мой милый друг, была старая промышленность, но наша — зелена, как мечта, — продекларировал Манфред.

— Это что-то знакомое. Из Гёте, не так ли?

— Это мое, — смутился он. — У Гёте заимствовано только внешнее оформление. Впрочем, откуда же должен взяться дым? Мы ведь не жжем угля. Мы не жжем даже газа, поступающего по трубопроводам.

— Ясно, атомная энергия, — догадался я.

— Ничего подобного. Электроэнергия. И атомные электростанции подают энергию в большую единую сеть, питающую все пространство между Атлантическим океаном и Уралом.

Я хотел еще что-то спросить, но появились необыкновенной формы постройки, такие пестрые, как иллюстрированные книжки для детей дошкольного возраста. И Манфред спокойно сошел с ленты-транспортера. Я спрыгнул вслед за ним.

Просторный клуб, в который мы вошли, по крайней мере с первого взгляда не очень отличался от самых красивых и хорошо оборудованных зданий нашего времени. Много просторных светлых помещений, с большим вкусом обставленных. Удобство в каждом уголке. За домом террасы — удивительных размеров полузастекленный плавательный бассейн и высокий кустарник, перед которыми стоят лежаки. Откуда-то доносится монотонное постукивание теннисных мячей.

Мы поднялись по широкой лестнице.

— Оттуда, сверху, я могу лучше показать тебе все, — сказал Манфред.

Он был прав: с плоской крыши башни открылся широкий вид.

То, что раскинулось перед нами, совсем не походило на фабрику. На площади, равной приличному стадиону, лежала — как сплетение толстых шнуров — сеть огромных труб, окрашенных в разные цвета. На одинаковых расстояниях друг от друга в трубы были вмонтированы «жемчужины» живописной формы. Их трудно описать. Они казались огромными черепахами, супершкафами, помещением блокировочного поста без окон, шахматными фигурами огромных размеров, покрытыми блестящим и прозрачным слоем пластмассы, — я смог подобрать лишь слабо приближенные сравнения... Вся эта система, казалось, сходилась у комплекса больших зданий, среди которых смело возвышалось одно с прозрачным куполом, будто бы сделанное из единого куска.

— Это центр, — объяснил мой провожатый, поймав мой взгляд. — Там сидят все, у кого есть ноги: директор, главный инженер, главный химик, диспетчер, математик и их сотрудники, а также и Архимед, — добавил он.

— А кто занят на производстве?

— Конечно, они, — ответил внук. — В каждой смене работает меньше ста человек. Все остальное делает Архимед — наш электронный мозг.

— Значит, сейчас работают только головы? — спросил я. — Руки, значит, совсем не нужны больше?

— Ну, нет. Просто нет больше рук без головы. Тот коллега, например, там внизу еще часто пользуется своими руками. — Манфред указал на человека, ехавшего на чем-то вроде комфортабельной электротележки. — Это дежурный электроинженер. Если выходит из строя какая-нибудь электролиния или переключение, которые не восстанавливаются автоматически, он не может обойтись без отвертки и других инструментов наших прадедов. В трудных случаях ему приходится основательно поработать. И в наших

лабораториях и мастерских не обойтись без ручного труда.

— А что же получается при таком скоплении интеллигенции?

— А какого уровня вы достигли тогда, в твое время? — ответил он на вопрос вопросом.

— Ну, — сказал я не без гордости, — выпуск годовой продукции на одного человека в размере двенадцати тысяч марок, например в химической промышленности довоенного времени, мы подняли, во всяком случае, до тридцати тысяч. В нефтеперерабатывающем комбинате в Шведте, который как раз строился, мы хотели достигнуть уже миллиона.

— Черт возьми, это хорошие прыжки! — удивился Манфред. — Но мы, конечно, и в этом еще немножко продвинулись — мы достигли свыше пяти миллионов.

Теперь была моя очередь удивляться:

— Да ведь это неслыханный выпуск годовой продукции для такой небольшой лавочки!

— Небольшая лавочка? Не забывай, это одно из наших новых предприятий, действительно полностью автоматизированное. У нас нет больших, высоких производственных цехов, нет ни одного кубического метра неиспользованной площади. Кроме того, большая часть машин и проводов находится под землей. Это как у айсберга. Лавочка больше, чем ты думаешь.

Это я понял.

— Впрочем, мы находимся в центре целого комплекса фабрик, — продолжал Манфред. — Там на самой крупной установке производится сырье: совершенно новая пластмасса из кремния — кварцан и вяжущее вещество — киноль. Они перекачиваются по подземным трубопроводам. Вон то предприятие прядет из кварцана волокна, делает из него проволоку, трубы и ленты. Мы, как следующий этап, ткем, формуем, прессуем плиты и заготовки. Там, по ту сторону, на последнем этапе делается только готовое платье, главным образом из этих двух материалов.

— Да это же сплошной цикл!

Я стоял на башне и смотрел вокруг: на цветущий,

редкостной тишины, почти идиллический ландшафт с его странными пестрыми строениями, в которых незримо пульсировал мощный темп работы промышленного предприятия; на корпуса из пластмассы, в которых люди думали и исследовали, учились и творили. Глубоко внизу я увидел свой мир, из которого я пришел, нашу республику в ее гигантском прыжке из вчерашнего дня в завтрашний.

ЭКСКУРСИЯ В ЮЖНОЕ МОРЕ

Я чуть-чуть не остался непобритым. По старой привычке. Но в мире завтрашнего дня, простиравшемся теперь вокруг меня, кажется, это не было принято. Смущенный, я скрылся в парикмахерской, в мужском салоне. Там рассматривали меня, покачивая головой, и благоухающим воздухом подули мне в лицо. Борода исчезла.

— При случае зайдите еще, — сказал заведующий. — Тогда мы сдуюм и остаток, навсегда!

Когда я хотел заплатить, я не нашел кассу. Я извлек из кармана двухмарковую монету еще нашего времени, чтобы дать ее заведующему. Он оскорбленно посмотрел на меня. Но когда разглядел монету, он щелкнул языком.

— Забавно, но красиво, — сказал он. Его улыбка показалась мне довольно дорогой. Но, вероятно, это объясняется разницей во времени.

В вестибюле стоял Петер — нет, Манфред — и просматривал утренние новости. Собственно, он смотрел на экран величиной в полстены, на котором показывались события во всем мире, поскольку они были интересны в это утро.

Все-таки его дедушка казался ему достаточно интересным для того, чтобы оказать ему предпочтение. Мне даже не пришлось крепко ударить его по плечу, как это я привык делать с его отцом — моим отсутствующим парнишкой прежних времен.

— Куда? — воскликнул Манфред, как хороший гид.

— Туда, где можно увидеть что-нибудь красивое, — ответил я и сел за стол, чтобы позавтракать. Я нажал кнопку, и на столе появилось все то, чем обыкновенно угощала меня моя почтенная жена, ставшая между тем, ничего об этом не зная, бабушкой.

— Если у тебя есть достаточно времени, то я хотел бы повидать твоего отца, — сказал я, лакомясь фруктовым кремом, несомненно, доставленным сюда с Олимпа.

— Что тут время, дорогой дедуся, — сказал мой внук с успокаивающим нервы добродушием. — Когда нам надо лететь далеко, мы летим быстро.

— Десять или пятнадцать тысяч километров — покорнейше благодарю! — сказал я. — И притом мы должны его еще найти.

Внук улыбнулся, за это я охотно дал бы ему по уху, если бы он мне не так нравился. Здесь обнаружилось, какой я старомодный человек.

— Расстояния действительно не играют у нас никакой роли, дорогой дедуся. Важно только выбрать подходящее средство сообщения.

Я сдался и в мгновение ока, после невероятно короткого пути на автоматическом такси, сидел в какой-то машине не только большой, но и такой красивой, что самый красивый самолет нашего времени «ИЛ-18» выглядел бы рядом с нею довольно неуклюже.

Манфред — по профессии физик! — расспрашивал меня больше, чем я, журналист, его. Когда он дошел в своем интервью до самочувствия своей совершенно незнакомой ему бабушки, мы опустились уже на посадочную дорожку большого аэровокзала. Через несколько минут мы были на чем-то вроде портовой набережной, пересели на моторную лодку, дрожавшую от готовности ринуться в путь.

— Наш отец находится в районе Каролинских островов. Мы можем быть у него через два часа, если тебе не хочется завернуть куда-нибудь по пути.

«Наш отец» — я не нашел нужным поправлять это выражение, а также не пожелал завернуть куда-нибудь. Манфред вполголоса дал несколько указаний

пилоту, который как бы со скуки нажимал на какие-то кнопки. Вдруг раздался голос, знакомый мне более, чем мой собственный. Казалось, что Петер хлопывает меня по плечу, как это он любил делать, когда был еще маленьким.

— Вам надо поторапливаться, — сказал он. — У нас ведь мало времени. Первые стаи карпов в море, ведь это важное дело. И волнующее!

Как мне кажется, мы не медлили. По крайней мере по нашим понятиям. От аэродрома на острове в Южном море до места работы научно-исследовательской группы мы добрались всего лишь за несколько минут. Ну, пусть за много минут. Но, во всяком случае, не за несколько часов.

Далеко в море, на лазурной воде видно было несколько бросающихся в глаза волн. Эти волны могли быть и от акул.

Когда я посмотрел на экран, я увидел Манфреда — нет, на этот раз Петера. Он был мне близок, как всегда, хотя казался удивительно старым, почти как я. Он сидел в чем-то вроде торпеды. На нем был прозрачный шлем, вокруг него много приборов, почти как в кабине самолета нашего времени. Вокруг прозрачной оболочки его торпеды бушевала вода. Он весело помахал мне рукой в перчатке, на каждом пальце которой, казалось, было больше приборов, чем нервов под кожей.

— До встречи, батя! — крикнул он мне. — Я обнаружил в соленой воде первых пятифунтовых карпов. Закажи, пожалуйста, к ним картофельный салат!

Этого мне было достаточно. Я решил проснуться.

Но это мне несколько не помогло, потому что будущее осталось в моих мечтах, то будущее, которое не является больше утопией.

С. ВАЙНФЕЛЬД
(Польша)
ЗЕМЛЯ
ЕГО ПРЕДКОВ

«Застегнуть ремень», — приказал автомат.

Я выполнил указание и выглянул в окно. Уже четко были видны очертания Земли. Я даже различая хорошо известные мне по атласам контуры ма-

териков. Странно, у меня было такое впечатление, словно я видел все не один раз. Впрочем, этого можно было ожидать. Об экскурсии на Землю я мечтал давно. Собирал путеводители и проспекты бюро путешествий, коллекционировал записи известных авторов. Я столько раз всматривался в экран киноощущений, что, когда мечты стали действительностью, меня обескуражило: стоило ли так долго лететь с Венеры, чтобы увидеть уже давно известное?

Тем временем пилот произвел маневр, до утомительности описанный во всех репортажах: изменил положение ракеты, включил тормозные двигатели и запустил автопилот № 3. Теперь оставалось ждать.

Мы пришвартовались к спутнику старого типа, большому правильному тороиду. Начались нудные и нервирующие паспортные, таможенные и денежные формальности, санитарный и радиационный контроль. Потом оказалось, что стратостат по каким-то там причинам опоздал. И только спустя два часа мы опустились на Старую Планету.

Должен признаться, эту первую непосредственную встречу с Землей я представлял себе совершенно иначе. Я думал, что увижу кровавый заход солнца, меня будет овеять знаменитый полевой земной ветер, а может быть, я отправлюсь в одинокое увлекательное странствование по — как это называется?.. — улицам городов. Между тем планета приветствовала меня ярко освещенным современным залом космодрома и услужливыми чиновниками, перекидывавшими меня друг к другу, как мячик: «Ваша багажная квитанция?», «Где вы намерены остановиться?», «Вы заказали номер в отеле «Атлас»?», «Гарантируем полный комфорт», «Вы первый раз на Земле?»

— Да, — ответил я, немного растерявшись.

Хотел о чем-то спросить, но вдруг почувствовал, как меня всосало в терракар и осторожно притянуло к креслу. Рядом сидел землянин, возвращавшийся, как оказалось, из какой-то служебной командировки. Он на минуту выключил нивелятор ускорения и сказал:

— Вы в «Атлас»? Сейчас будем на месте. Уже тормозим.

Действительно, через минуту дверь открылась, и меня выдуло наружу. Так прямо с межпланетной трассы меня перевезли в один из наиболее известных отелей, не дав даже возможности ступить на поверхность Старой Земли. Хотя я горел нетерпением скорее познакомиться с планетой, я никоим образом не мог уклониться от официальных формальностей, особенно имея поручение весьма деликатного характера. Честно говоря, я был далек от восхищения, когда ко мне обратились с этим поручением, однако согласился, так как с ним была связана желанная и долгожданная поездка на Землю.

Углубленный в свои мысли, я даже не заметил, как подошла моя очередь. Работник отеля, видимо, уже привыкший к рассеянным гостям, повторил четко и настойчиво:

— Ваша комната 2-С-31. Ваши вещи будут туда продунуты. А вот ваша память... — и подал мне что-

то вроде легонького шлема, снабженного малюсенькими присосками. — Наденьте на голову, нажмите рычажок, и электроды включатся автоматически.

Видимо, решив, что я заколебался, он добавил:

— Это безопасно и безболезненно.

Оказавшись в своей комнате, я надел шлем, решительно нажал рычажок и принялся лихорадочно искать то, что было мне поручено. Еще не зная устройств памяти, я пробегал через множество исторических, географических и общественных информации, несомненно, весьма интересных, но в данный момент совершенно ненужных. От сообщений об Эпохе Ликвидации Войн я перескакивал к данным об использовании морских глубин, от указаний Земного бюро услуг — к списку заповедников. Настойчиво, как припев песенки, повторялись записанные между отдельными разделами информации слова приветия: «Ты наш гость, которого мы ценим и уважаем. Мы хотели бы, чтобы пребывание на Старой Земле было для тебя по возможности приятным. Говори нам обо всем, чего желаешь!»

Если бы я не был заранее предупрежден, я мог бы подумать, что они ответят мне на любой вопрос! А ведь никому из наших дипломатов и ученых, в бесчисленном количестве посещающих Землю, не удалось ничего узнать о тайне величайшего сокровища ее обитателей — о тайне счастья. В ответ на этот вопрос земляне только улыбались или говорили что-то весьма туманно и невразумительно. Они не скрывали от нас никаких технологических тайн, никаких новых открытий и изобретений, передали нам даже код развития организмов землян. Только одного мы не могли у них узнать: как программируется счастье. Все усилия наших ученых не дали результатов. Земляне, казалось, не проводили в этом направлении никаких научных работ, а, однако, ухитрялись вводить себя в это удивительное и, как нам представлялось, поразительное состояние, называемое счастьем.

Мое увлечение Землей и несколько научных работ, посвященных традициям землян, видимо, обратили на меня внимание Органов Авторитетности, и мне

было поручено раскрытие этой земной тайны. Я не сразу принял предложение, хотя выполнение самого поручения казалось мне очень простым. Земляне не передают информации непосредственно мозгу, как это делается на Венере; они пользуются дополнительно подключаемой искусственной памятью. Что может быть проще, чем внимательно покопаться в содержащейся в электронной памяти информации и соответствующим образом интерпретировать ее...

Так мне казалось перед отлетом. Однако врученная мне в дирекции земного отеля память заставила меня попотеть. Старательно копаясь в информации, я напрасно потерял несколько часов и, наконец, решил соединиться с дирекцией. На экране появилось уже знакомое улыбающееся лицо служащего.

— Что угодно?

— Прошу сменить мне память! — попросил я. — Эта незаряжена.

На лице служащего появилось выражение удивления, смешанного с сожалением.

— Памяти для космических гостей заряжаются специально расширенным объемом сведений и трехкратно проверяются.

— В таком случае прошу дать мне земную память.

Моя просьба явно удивила служащего.

— Земных программ памяти чрезвычайно много. Опасаюсь, что в большинстве своем они не особенно интересны для туристов. Однако если вы этого желаете, мы доставим вам память из запасов, приготовленных для участников ежегодной конференции Исследователей Вымерших Животных.

Следующие несколько часов я старательно считывал записанные в новой памяти рефераты о лошади как тягловом животном, о неизвестных мне даже понаслышке животных, именуемых «блохи» и живших, видимо, в ту же эпоху, что и мамонты. Когда, наконец, я добрался до информации организационного порядка и узнал, что будет подано к столу на торжественном обеде, я сдался: чтение следующих сообщений я рассматривал как пустую трату времени.

Надо было что-то предпринять, что-то решить... Но что?

После некоторого раздумья я пришел к выводу: надо будет добраться до памяти обыкновенного землянина, который ввиду своей постоянной жизни на Старой Планете способен к восприятию состояния счастья. Однако мой план было не так просто реализовать. Невозможно было вообразить, что первый встречный землянин одолжит свою память чужаку из космоса. Надо было с кем-нибудь подружиться, а чтобы подружиться — надо познакомиться. Но как?

Рассчитывая на случайность, я вышел на улицу и тут же забыл о порученном мне деле.

Хотя наши датчики ощущений позволяли нам достаточно точно и технически безупречно представить себе земные города, непосредственно воспринятые мною впечатления были совершенно другими, абсолютно другими. На Венере земное строительство казалось смешным, странным и устаревшим: как можно тратить драгоценную площадь освещения, строя дома на поверхности планеты, вместо того чтобы размещать их под поверхностью? На Земле же огромные и одновременно легкие здания, которые вращаются вокруг своей оси вслед за Солнцем, показались мне прекрасным решением. Через минуту я даже стал понимать, почему земляне не особенно стремятся к туристским посещениям Венеры: для них, воспитанных в настоящих лучах Солнца, наши подземные города с искусственным освещением должны были казаться гигантскими норами. Во всяком случае, меня уже не поражали вещи, которые до этого я рассматривал, как остатки прошлого: подвижные тротуары, переполненные толпами пешеходов, и вагончики городской дороги, подвешенные на рельсах.

Растерявшись от оживленного уличного движения, я встал не на тот тротуар, и меня тут же сбросило на землю. Рядом потирала ушибленную руку девушка, с которой я так неожиданно столкнулся. Мы поднялись, укоризненно глядя друг на друга. Зная о вошедшей в поговорку галантности по отношению к женщинам, я старался подыскать слова извинения.

Увы! Память участников конференции Исследователей Вымерших Животных все время подсказывала мне выражения, меньше всего подходящие к данному моменту: «Мой глубокоуважаемый предшественник простит мне, если я...», «Любезный оппонент изволил забыть, что...» Окончательно отчаявшись, я произнес несколько подобных фраз. Это сначала повергло девушку в дикое изумление, а потом привело в неудержимое веселье. Я почувствовал весь комизм положения и неожиданно для себя также рассмеялся от всего сердца.

Так у меня завязалось знакомство с Аней — самой прелестной землянкой, какую только мне приходилось встречать. Ее глаза были, как весеннее небо (оттенок, известный только на Старой Планете). Волосы цвета спелой пшеницы, которую, кстати, Аня не замедлила мне показать во время первой же экскурсии в резервацию древних растений. Гордая своей планетой, Аня старалась как можно больше успеть показать мне за то короткое время, которым я располагал. Таким образом, мы посетили старые города с их узкими, тенистыми ущельями улиц, с их вздымающимися многоэтажными домами и висячими садами — воплощением древней человеческой мечты; мы пролетали по воздуху над обширными районами заводов-автоматов и опускались на дно океана, чтобы осмотреть подводные рудники, плантации и питомники. Однажды мы сели в ракету, чтобы осмотреть расположенный где-то в Центральной Европе зоологический сад — резервацию ненужных животных. Наконец-то я собственными глазами увидел лошадей, собак и кошек — символы древней жизни, так хорошо знакомые мне по рассказам прадеда.

Между прочим, эта экскурсия принесла мне особое удовлетворение. Используя специальную память Исследователей Вымерших Животных, я блистал эрудицией, богатство и точность которой привели Аню в изумление. Вначале она пыталась не показывать своего удивления, но любопытство — это ставшее уже поговоркой свойство женщин Земли — взяло верх. Она захотела сама прочесть то, что было за-

писано в используемой мною памяти. Разве можно отказать женщине? Нет! Я был уже весь во власти земных традиций!

Кончилось тем, что мы обменялись шлемами памяти. О небо! И как я сразу не сообразил, что мне представляется неповторимая возможность. Память землянки! То, о чем я мечтал, пришло совершенно неожиданно. Я начал лихорадочно просматривать записи. «Классики средневековья: Бальзак, Толстой, Хемингуэй...» Аня была филологом. Это облегчало положение. Я быстренько пролетел сквозь лабиринт специальной информации, чтобы добраться, наконец, до отдела повседневной жизни. Прочел: «Обслуживание вибратора: 1. Нажать кнопку с надписью «калибрация...» Дальше! «Рецепт сырника по-ставропольски: на кило белого творога взять десять яиц, полкилограмма сахара, пол-литра молока...» Нет, не то. Может быть, во временной памяти? «Спросить у Марыси, где она достала такой хорошенький гарнилон на платье...» Я покраснел: информация становилась слишком интимной, чтобы можно было читать дальше, не опасаясь совершить бестактность.

Аня заметила мое замешательство, но истолковала это по-другому.

— Тебя что-нибудь беспокоит? — спросила она. — Может быть, плохо чувствуешь себя в земном климате?

Этот вопрос дал мне возможность выбраться из неприятного положения.

— Ничего особенного, — ответил я, — небольшая психическая депрессия, причину которой в данный момент трудно установить. Возможно, результат отсутствия профилактических облучений, к которым я привык как житель Венеры. Достаточно лишить венерианина облучений, чтобы тут же выступили признаки сомнений, экзальтации и других помех и нарушений психического равновесия. Вы еще не ввели у себя подобных облучений?

— Нет, — вздохнула она. — Наши психологи утверждают, что надо пользоваться ПВН.

— Я не слышал об этом изобретении.

— ПВН, — сказала Аня, — это Программа Возбуждения Настроений. О ней начали думать довольно давно, еще во времена так называемого «алкогольного наводнения», однако ввели только несколько лет назад.

Мы шли, держась за руки, и я неожиданно почувствовал, как мне это приятно.

— ПВН передается централизованно через стационарные спутники, — говорила она, а я, делая вид, будто внимательно слушаю, всматривался в ее тонкий, чистый профиль. — Благодаря этому, имея при себе карманный приемник, каждый может принять программу. В зависимости от того, какой род музыки и какие изображения выберешь, через несколько минут приема ты уже весел или серьезен, чувствуешь наплыв энергии или, наоборот, тебе хочется спать. Лично я всегда пользуюсь этим: настраиваюсь на отличное настроение и потом уже все время чувствую себя прекрасно. Может быть, что-нибудь принять и тебе? — спросила она, вынимая из сумочки маленькую плоскую коробочку.

— Настрой мне счастье.

Она удивленно подняла глаза. Я пояснил:

— Я слышал, что на Земле, кажется, существует такое ощущение, но я совершенно его не представляю. Хотел бы хоть раз быть счастливым.

Она рассмеялась.

— Да, это очень приятное ощущение, но ПВН не может его вызвать.

— А как вы его создаете? — спросил я. — Химическим путем? Или, может быть, у вас есть какой-нибудь орган счастья?

— Счастье возникает в нас самих, — ответила она задумчиво.

— Это значит, что вы программируете его одновременно с программой развития организма?

— Нет... Во всяком случае, я об этом не слышала, — ответила она, захваченная врасплох.

Не знала или тоже не хотела сказать? И вообще программируется ли счастье?

Вот вопросы, над которыми я раздумывал на про-

тяжении следующих дней и на которые так и не мог найти ответа. А тем временем мое пребывание на Земле уже подходило к концу. Надо было еще совершить несколько официальных визитов и проделать формальности, связанные с выездом.

— Сегодня наш прощальный вечер, Аня, — сказал я однажды в Парке Природы, — через три дня отлет.

Она не ответила.

— Я очень рад, что добрый случай позволил мне узнать тебя. Пребывание на Земле не было бы и в десятой части так интересно и приятно, если бы не твое присутствие.

Я чувствовал, что не в состоянии сказать ей всего, что хотел бы. Эти вежливые и округлые фразы как будто произносил не я, а кто-то посторонний. В голове — впервые в жизни — был полный сумбур, какая-то мешанина из злости, обиды и предчувствия пустоты, поджидающей меня. Вероятно, это было вызвано длительным перерывом в облучении, а может быть, иным, чем на Венере, климатом Земли.

— Я хотела бы родиться венерианкой, — неожиданно сказала она.

— Мне кажется, что, несмотря на все, ваша земная жизнь полнее и интереснее, — заметил я.

— Я хотела бы родиться венерианкой, чтобы не переживать всего того, что надо переживать на Земле. У вас гораздо проще... Чувствами полностью владеют химия и физика. Синтетическая радость, синтетическая любовь... Все употребляется только тогда, когда надо, и ровно столько, сколько надо.

Что она имела в виду? Откуда в ее словах взялся этот тон горечи? Неужели?.. Это было совершенно невероятно, но предположение, что я ей могу быть нужен, что она не хотела оставаться одна, принесло мне огромное облегчение. Я чувствовал, что мог бы, как землянин, танцевать и петь, несмотря на то, что никогда в жизни даже не понимал, как можно делать что-либо подобное. Наверное, это было вызвано земной природой: я неожиданно заметил, что солнце светит очень ярко, а зелень деревьев и голубизна не-

ба невероятно выразительны. Пахли цветы и луга. Пели птицы.

Все это я прекрасно знал из воспроизводителей ощущений, однако даже в самых совершенных нуле-нейтронных воспроизводителях я не чувствовал себя так радостно, легко, весело; не желал всеми силами, чтобы мгновение длилось вечно, чтобы не кончалось никогда! «Что со мной делается? — раздумывал я. — Откуда это необыкновенное, неизвестное мне настроение?»

Что-то сверкнуло. Это солнце отразилось от стекол высокого, стройного небоскреба. Я отвернулся и увидел хлопотливую пчелу, кружившую вокруг головы девушки. Глаза Ани, больше чем когда-либо, отражали голубизну неба. Вдали блеснула ракета межконтинентальной связи. Доносились чистые голоса играющих детей...

Такая ты есть, прекраснейшая из всех своих сестер, самая старшая и одновременно вечно молодая, полная простоты в своих тайнах, колыбель цивилизации, мать человечества — Земля моих предков!

Я. ВИНАРЖ

(ЧССР)

ЭСТА

(ЗАПИСКИ РЕПОРТЕРА)

Я посетил Шевцова:

— Итак, вы хотели бы что-нибудь узнать о них...

Пока Шевцов не заговорил, я вообще не знал, слышал ли он, в сущности, мой вопрос. И сейчас, когда он говорил, глаза его были закрыты, и он не изменил позы — так же полулежал в удобном кресле, повернувшись ко мне боком.

Я не удивился — то, чего я от него хотел... Да, для этого нужно было сосредоточиться. Кроме того, я не знал, будет ли он со мной вообще разговаривать, да, кажется, он и сам этого не знал. Наконец он, по-видимому, все-таки решил.

— Значит, вы хотели бы что-нибудь о них узнать, — повторил

Шевцов. — Но почему? Для чего вам это нужно?

— Я хотел бы об этом написать, — я привел единственный аргумент, который мне пришел в голову, — думаю, что люди должны бы узнать об этом.

— В этом я с вами согласен. — Шевцов открыл глаза и стал внимательно меня осматривать. — Но почему вы обратились именно ко мне? Самое интересное об этом вам могут рассказать на Земле в Биохимическом институте. Или доктор Ле, которого сюда послали. Почему вы не обратились к ним?

— Вы же знаете, что научная сторона этого дела не является самым существенным.

Конечно, он знал об этом, но по какой-то причине он хотел, чтобы я снова это повторил. Может быть, хотел убедиться, что его сведения попадут в надежные руки.

— И то, что я обращаюсь к вам, не случайно: ведь вы их нашли здесь, на Эсте, с самого начала это было ваше открытие.

— Нет, не с самого начала, — заметил Шевцов. — Это уже была вторая часть. Начало... Началось все сто пятьдесят лет тому назад — мы же узнали о случившемся по их бортовому журналу. Конечно, вы его читали?

— Да, но не весь.

Я начал читать журнал вчера, сразу же после прилета. Это был обыкновенный бортовой журнал, но события, описанные скупыми словами, были так волнующи, что мне казалось, будто я являюсь прямым их участником...

...Что мне рассказали бы...

— Четыре недели, — сказал Росс и отвернулся от умолкнувшего автосчетчика.

Первым откликнулся, конечно, Гранди — он был капитаном экспедиции на планету Эста.

— Все?

— Все, — подтвердил Росс.

Теперь и Росс был совершенно спокоен, как и все остальные. «Нет, — говорил он сам себе, — мы не

выглядим несчастными, мы, потерпевшие крушение люди, находящиеся на тридцать парсеков от Земли, на чужой, неисследованной планете внутри довольно поврежденной ракеты, которая никогда уже не сможет подняться. И, конечно, никто не сказал бы, что нам остается всего четыре недели жизни. Только мы одни это знаем, чувствуем».

...Как заболела Нина...

Это случилось четырнадцать дней тому назад, когда Нина пришла к Россу.

— Странно, Нина,— он сжал еще раз ее локоть,— здесь все еще болит?

Он задумался. Подкрепительная жидкость должна была уже действовать... Она не действует — значит, мускул не поврежден. Тогда... Что же это может быть, черт возьми?..

— Дайте-ка мне вашу руку. Будет немного больно.

Он взял какой-то блестящий инструмент, приложил его к вытянутой руке девушки и нажал маленькую кнопку. Потом отложил его, завязал рану.

— Это все, Нина. Руку держите пока спокойно.

Как только за ней закрылись двери, он опять взял инструмент. Пинцетом вынул маленькую тонкую иглу, положил ее под микроскоп и начал регулировать микроманипулятор. Небольшую частицу мускула, которую захватила и вынесла наружу игла, нужно было специально подготовить для исследования на электронном микроскопе. Росс начал работать.

Это произошло четырнадцать дней тому назад... А сегодня? Глазами он отыскал Нину. Она сидела на диване возле дверей, прислонившись к сидящему около нее Пьеру. Одновременно они повернулись друг к другу и грустно улыбнулись. Прошло только два месяца с тех пор, как они познакомились. Росс об этом думал уже тогда, когда он позвал в свой кабинет не только Гранда, но и Пьера, чтобы сообщить им о состоянии здоровья Нины. В то время они еще всего не знали.

...А потом и остальные...

— Ждать пришлось довольно долго, пока я их увидел, — Росс движением головы показал снимки.— Необходимо было применить некоторые специальные методы, но это сейчас не важно. Более важно то, что я увидел.

Росс перестал ходить по кабинету и задумался. О таких вещах вообще трудно говорить, а тут еще Пьер.

— В сущности, это не болезнетворные бактерии. Это вирусы. Они, по-видимому, здесь играют роль гангренозных бактерий. Процесс очень болезненный, но только до тех пор, пока не будут захвачены кончики нервов. Потом боль прекращается. Это означает... Ну, в общем процесс нельзя остановить. Ну, а потом...

Он замолчал. Только через несколько минут заговорил Пьер:

— Так Нина...

— Подожди, Пьер, — мягко перебил его Гранди, обращаясь к Россу. — Ведь биологическая охрана...

— Я уже об этом думал, — устало ответил Росс.— Может, Нина как-то нарушила правила биологической охраны.

— А не может быть так... — сказал Гранди все еще спокойно. — А не может быть так, что вся биологическая охрана — ничто против этих вирусов, скажи, Росс?

— Но это означало бы, — почти что сразу отозвался Росс, — тогда, значит, все мы...

— Именно, именно, — подтвердил Гранди. Он поднял рукав и протянул руку Россу.

Росс открыл шкаф с инструментами.

Потом он повернулся и нажал кнопку видеофона. На экране появилось лицо Нины.

— Росс, — вскрикнула она, — все в порядке, рука уже не болит!

— Чудно, Нина. Пожалуйста, зайдите сюда ко мне.

Росс выключил видеофон раньше, чем она могла что-либо спросить.

...Для отчаянья не было времени...

«Теперь они все знают, — подумал Росс. — Для отчаянья нет времени — мы должны найти какой-нибудь выход. Найти выход».

Он не давал себе отчета, что повторяет это вслух. Вдруг он услышал голос Нины:

— Я думаю, что есть выход.

Все повернулись к ней, но она на это не обратила внимания. Она продолжала:

— Вы говорили, Росс, что эти вирусы не переносят холода.

— Да, то есть при температуре, близкой к нулю, их жизнь прекращается. Они превращаются во что-то вроде спор. И остаются в таком состоянии практически неограниченное время, но как только температура повысится, они опять оживают.

— Я думаю, что можно было бы таким образом...

...И Росс нашел выход...

— Мысль была, в сущности, весьма простая. Простая сейчас, когда оглядываешься назад. Действительно, это именно так, — улыбнулся Шевцов. — Как говорят в нашей стране: «Задним умом все крепки». Уже тогда конструкторы знали, что главной опасностью для ракеты является повреждение лямбда-генераторов. Если к этому еще присоединится недостаток топлива... Вы, наверное, знаете, как решали этот вопрос тогдашние конструкторы?

— Да, гибернаторы. Но при чем здесь они?

— Гибернаторы... — повторил Шевцов за мной. — Для человека в гибернаторе биологическое время замедляется в десять раз. Достигается это специальными питательными растворами и низкой температурой — около нуля. Вам это ни о чем не говорит?

— Около нуля? Подождите! Это та температура, при которой вирусы... Они решили лечь в гибернаторы и...

— ...ждать. Это было очень просто. Но была одна загвоздка. Экспедиция выслала в район Земли резервный миниатюрный ракетный зонд с радиосведе-

ниями о создавшемся положении. Для того времени это было совершенным чудом. Ну, а потом оставалось только лечь и ждать. Самое главное — задержать рост бактерий. Они верили, что люди найдут средство, способное их вылечить. Поэтому-то они и могли вообще решиться на это.

— Подождите, — прервал я его. — Ведь если тогда применялись гибернаторы на палубах ракеты, один человек оставался всегда на дежурстве. Он должен был уложить остальных и опять разбудить. Они сами не могли этого сделать!

— Правильно, — подтвердил Шевцов. — Они это знали. — В этом-то и заключалась загвоздка.

...Только командующий имел возражения...

— Пьер и Нина, конечно, не принимаются во внимание, — Гранди нетерпеливым жестом остановил Пьера, который хотел что-то сказать, и продолжал: — У них вся жизнь впереди. Их нельзя принимать во внимание и вообще... Так что остается нас двое. Ты, Росс, врач. Ты будешь нужен здесь. Что касается меня...

— Так у тебя же в голове все, что сделала вся экспедиция. У тебя разработана новая теория гравитации на основании наших наблюдений. Это так важно. Кроме того, меня совершенно спокойно могут заменить записи исследований.

— Меня также, — заметил Гранди. — Как решим?

...Потом нашли способ...

— Есть один способ, — Росс задумчиво смотрел на свою руку, выстукивающую на столе странный ритм. — Жребий.

— Жребий? — Гранди усмехнулся. — Это смешно, о жребиях я читал в старых романах, и мне никогда не было ясно, зачем, собственно, это делали.

— Все очень просто, — Росс посмотрел вокруг. — Берутся, например, две спички...

— Например, две спички, — перебил его Гранди насмешливо, — я их видел в последний раз два года тому назад. В музее.

— Это ничего, — невозмутимо ответил Росс.

Он взял со стола лист бумаги, разорвал ее пополам. На одном листочке он нарисовал большую черную точку и сложил каждый листок несколько раз.

— Теперь нужно вложить билеты в шляпу... — задумчиво сказал Росс. — Да, я читал об этом. Люблю исторические романы.

Внимательно посмотрев вокруг, он увидел стеклянную банку. Он взял ее в руки и бросил туда билеты. Потом несколько раз сильно встряхнул банку, словно взбалтывая химические растворы.

— Закрой глаза, — обратился он к Гранди. — Теперь тащи один билет. Это касается третьего губернатора. Если бумажка с точкой у тебя, снаружи останешься ты. Если нет — остаюсь я. Вытягивай! — обрушился он на нерешительного капитана. — Ну, теперь разверни.

Медленно, неохотно разворачивал Гранди свой билетик.

Бумажка была чистой.

...Я читал в дневнике Росса...

— Обо всем этом позже написал Росс, — Шевцов посмотрел на часы и, убедившись в том, что у него есть еще время, продолжал: — В своих записках, которые, в сущности, были продолжением бортового журнала, он точно описывает факты, не добавляя к ним ничего. Но может быть, вы уже читали их?

— Нет, до них я еще не добрался. Расскажите мне, пожалуйста.

— В общем рассказывать нечего. Когда он уложил всех в губернаторы, он стал записывать все события. Правда, это очень краткие заметки, интересные скорее всего только врачам. Но все же... особенно окончание...

...Росс с трудом повернулся в кресле. Он хорошо все подготовил. На щите были видны данные приборов, измеряющих давление крови, температуру, пульс. Теперь бы он уже вряд ли мог бы сам изме-

рять. Магнитофон тоже подготовлен, он ждал Росса. Но что сказать? Времени остается не очень много, а ему так хочется что-нибудь передать людям. Что же сказать?

И Росс передает: «Ни в коем случае не повышайте температуру, пока не найдете противодействующих веществ. Опытные культуры находятся в лабораторном холодильнике...» Минута тишины... И снова неуверенный голос Росса: «Передайте привет Нине, Пьеру и капитану...»

...Потому что они верили людям...

— В сущности, это было совсем просто.

Мы стояли уже на краю посадочной площадки, и Шевцов рассматривал «Арху», вокруг которой суетились люди.

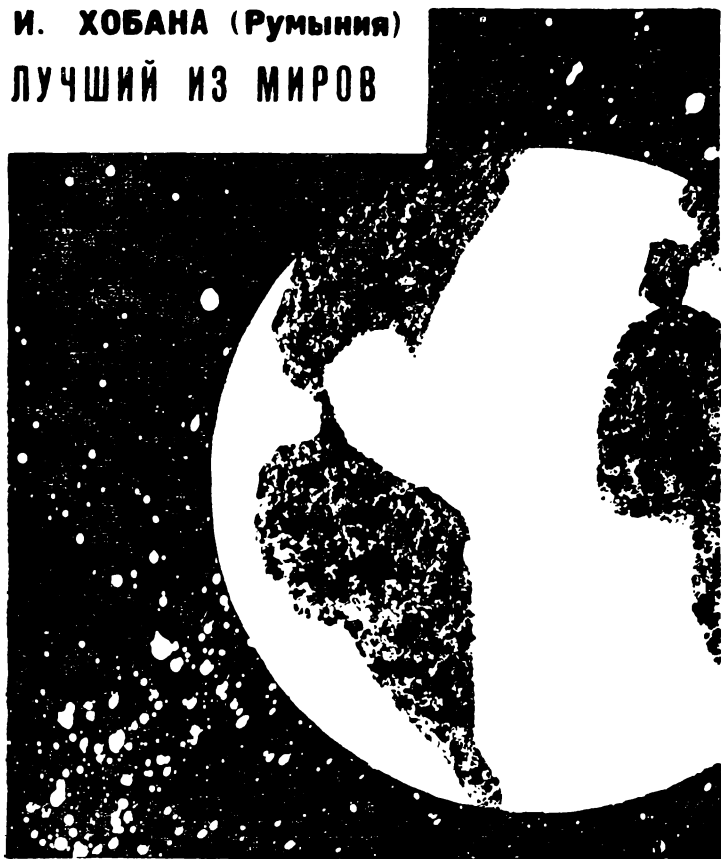
— Я уже однажды говорил — они просто верили людям. Если бы не их великая вера в людей, они могли бы смириться с судьбой и умереть.

— А теперь, — продолжал Шевцов, — мы их отвезем на Землю. Остальное — дело Биохимического института. Там уже год тому назад разрешили вопрос вирусов, культуру которых подготовил полтора века тому назад Росс. И там вам расскажут конец этой истории.

Шевцов еще раз пожал мне руку и обратился к подошедшему механику. Я повернулся и медленно вошел в помещение, где мы раньше сидели.

Снаружи послышался шум: «Арха» отлетала. Вскоре, после включения супер-лямбда-генераторов, «Арха» с ультрасветовой скоростью исчезнет в направлении к Земле.

И. ХОБАНА (Румыния)
ЛУЧШИЙ ИЗ МИРОВ

На операционном столе пилот казался выше ростом, чем человек, которого профессор помнил по газетам, кинофильмам и телевизионным передачам. Продолжительная гипотермия придала его телу холодность и твердость мрамора. Мраморным казалось и его бледное, бескровное лицо с синевой под закрытыми, глубоко запавшими глазами.

Профессор остановил струю ультразвукового душа, вставил под веки увеличительные линзы и подо-

шел к неподвижному телу. Сомнения, опутывавшие его до сих пор, как паутина, внезапно рассеялись. Перед ним был не какой-нибудь еще не виданный в медицинской практике случай, а просто преждевременно погибающий человек. Человек, которого надо было вернуть к жизни.

Ассистент повернул выключатель, и стол принял почти вертикальное положение. Казалось, летчик готов высвободиться из своих магнитных пут и шагнуть на полупрозрачный пол.

— Контакт!

На экране закружился целый рой зеленых искр; постепенно обрисовались очертания поврежденного мозга. Профессор несколько раз изменил угол наблюдения и в конце концов оказался вынужденным признать обоснованность заключений киберностика «Скорой помощи»: часть мозга, соприкасающаяся с центрами памяти, была разрушена.

Запасная клеточная масса ожидала своей очереди в прозрачном вместилище. Она была специально создана по образцу живых клеточек мозга пилота: первая попытка воспроизвести частицу наивысшей формы организации материи. Профессор покосился на нее. До сих пор он производил подобные пересадки только на животных, и результаты не всегда были блестящими.

В зеленоватой полумгле лицо пилота утратило свою неподвижность. Казалось, он спит. Но сердце уже не нагнетало в артерии кровь. Гипотермия сохраняла неустойчивое равновесие на краю пропасти.

Продолжая неотрывно следить за тем, что он видел на экране, профессор натянул на пальцы рук перчатки биоэлектронного комплекса. Скальпели, пинцеты, сшивной инструмент приблизились к разбитому черепу. Казалось, ими управляет их собственная воля, но на самом деле они могли только передавать в движениях нечеловеческой точности каждый оттенок человеческой мысли. И мысль приказала им: «Осторожно, вперед!»

Пересадка превзошла все ожидания, сердце снова безупречно отстукивало бег времени, но пациент как будто не желал поправляться. Чуть-чуть окрепнув, он потребовал диктофон, авторучку и бумагу. Зачем? Все это валялось теперь в углу. Пилот лежал по целым дням неподвижно, молча. Ел мало и без аппетита, отказывался от тонизирующих средств, противился всякой специальной процедуре.

Через две недели профессор зашел к нему в обычный час, уселся подле кровати и без всякой предварительной подготовки открыл наступление:

— Пришел вас побранить!..

— Имеете полное право, — пробурчал пилот, не сводя глаз с потолка. — Вторая жизнь... вечная признательность... и так далее и так далее...

Профессор поудобнее уселся в кресле.

— Вывести меня из себя вам все равно не удастся. У меня нервы крепкие.

Больной внезапно приподнялся на локтях.

— Меня ваши нервы ничуть не интересуют. Как не интересуете и вы!..

«Большой ребенок», — подумал профессор, улыбаясь одними тонкими морщинками в углах рта. Затем негромко, самым обычным тоном сказал:

— А вот вы меня интересуете.

— Знаю: пилот, открывший пять планет.

— И это тоже. Но и человек, который не желает жить.... Мой ассистент уверен, что ваша апатия — результат еще не обнаруженного повреждения. А я лично думаю...

— Я хочу спать, — заявил больной.

Тогда профессор изменил тактику:

— Отлично. От ссоры отказываюсь. Меня настолько утомили журналисты, что вряд ли хватит сил воевать еще и с вами.

— Вы поделились с журналистами вашими предположениями? И они с вами согласились?.. Как же это будет подано? В исчерпывающе ясных заголовках или в форме туманных намеков?

Профессор полез в правый карман, потом в левый и вытащил несколько вечерних газет.

— Если это вас интересует...

Ответа не последовало. Профессор с явным сожалением поднялся с кресла.

— Мне предстоит еще один визит.

...Брошенные на кровать газеты казались нетронутыми. Однако внимательный глаз профессора обнаружил признаки торопливого просмотра. Сложенный в последнюю минуту «Посланец космоса» приоткрывал заголовок статьи, напечатанный на второй странице: «Пилот на пути к выздоровлению». И ниже, жирным шрифтом: «Как сообщил главный врач, жизнь пилота вне всякой опасности. В ближайшем будущем герой космоса сможет возобновить...»

— Вот и час вечернего дождя, — проговорил профессор. — Дождю я обязан своими первыми стихами...

— Вы хотите убедить меня в том, что ваша единственная забота в данный момент — развлекать меня?

— Я хочу убедить вас в том, что ваше лечение и выздоровление — вопрос не только чисто личного порядка!

— Понимаю. Забота творца об увековечении его творения.

Профессор вздрогнул, но остался по-прежнему стоять у окна, наблюдая за тучами, которые готовили самолеты метеорологической службы.

Помолчав, он снова сказал, как будто без всякой связи с прежним разговором:

— В эру Разделения существовал период, именуемый средневековьем...

— У моего отца была замечательная коллекция раковин с α -Центавра, — прервал его пилот.

Тучи образовали уже огромную шапку, подобную гигантской медузе. Самолеты исчезли. Антенна метеорологической станции вспыхнула и послала в высоту сверкающий трезубец. Пораженная в сердце, медуза выбросила мириады серебристых шупалец.

— Я не хотел оскорбить вас, — негромко сказал пилот. — Но мой комплекс бесполезности...

— Бесполезности?

— Я родился на борту космического корабля, вылетевшего для исследования системы далекой звезды, — снаряда Барнарда. Это был звездолет героической эпохи. Запуск с земной орбиты, обтекаемая форма, ядерная система двигателей и скорость, которая сегодня кажется нам просто смехотворной. Путь туда и обратно длился почти два десятилетия. Два десятилетия свободного падения с коротким привалом на негостеприимной планете, не имеющей ничего общего с Землей. Два десятилетия в состоянии невесомости...

Героическое это было время... Злейшим врагом космонавта были не метеориты, не космические лучи, а время. Люди ели, спали, проверяли работу аппаратов, а затем... Думаю, именно тогда родилось выражение «убивать время», несмотря на то, что ему приписывают незапамятную давность.

На нашем космическом корабле была микрофильмотека, два спортивных зала, в которых ежедневно перекрывались земные рекорды по прыжкам и метанию.

Меня, однако, гораздо больше привлекали беседы.

В книгах ветераны космических полетов зачастую представлены какими-то молчаливыми исполинами с каменным лицом и бесчувственной душой. Глупости!.. Я видел их, ожесточенно отстаивающих «свою звезду», «свою планету». После словесного поединка следовало сравнение магнитных пленок. Меня они выбирали судьей, и мы часами сидели перед экраном, упиваясь трехразмерными картинками, звуками, красками и запахами миров таинственной, странной красоты. Я слушал комментарии: «Целый лес пурпурных кристаллов — единственная форма жизни на планете двойной звезды Лебеда... Здесь мы потеряли троих товарищей: плотоядные растения нагнулись над ними и...», «А эта сфера больше Юпитера. Нам едва удалось оторваться от нее»...

Они говорили и о Земле с выражением тоски, которая мне всегда казалась почему-то «обязательной». Что могла дать Земля людям, жаждущим трепета неизвестности?

Члены нашей экспедиции были, конечно, специалистами в самых различных областях. Под их наблюдением я обучался космографии и астроботанике, теории субсветового движения и звездной биохимии. Все эти знания были необходимы мне для получения диплома галактического пилота. Я учился и ждал встречи с Землей — пунктом обязательной посадки на пути к звездам.

Целое облако метеоритов, неожиданно возникшее на нашем пути между Юпитером и Сатурном, заставило нас истратить ценные запасы горючего, в результате чего стало труднее преодолевать земное тяготение. Моя мать не перенесла внезапной потери скорости...

На Земле я несколько месяцев с трудом волочился по залам Института космонавтики, раздавленный тяжестью моего собственного тела, потом сдал экзамены и был назначен стажером на звездолет, вылетавший к α -Центавра. Отец был врачом экспедиции. Землю я покинул без всякого сожаления...

В течение десятилетия я летал в космосе, исследуя десятки звездных систем. Открыл пять планет и явление интерференции гравитационных полей, которое носит теперь мое имя. Компенсатор эффекта Доплера, над которым я проработал немало, был запатентован, им снабжена теперь бортовая аппаратура фотонных звездолетов.

Из всего этого в моей памяти остались одни лишь названия. А больше я ничего не помню. Ни характеристик этих пяти планет, ни расчета интерференции, ни принципа компенсатора... абсолютно ничего!.. Чуждыми стали мне и основные элементы космонавтики. Я мучился часами, чтобы продиктовать связную формулировку даже самых элементарных законов звездной механики, исписал напрасно сотни страниц.

Я догадываюсь, что случилось. Всему виной несчастный случай. Затронуты центры памяти... И начать все сызнова я уже не могу! Вы понимаете, профессор? У меня больше нет на это времени!.. Я знаю, что вы мне ответите: что я должен найти себе дело здесь, на Земле, что меня всюду примут с распростер-

тыми объятиями... Что через шесть месяцев я буду в состоянии руководить оранжереей, где выращиваются растения с Венеры, а через год...

Нет, профессор, подобные перспективы меня не прельщают. Поставьте себя на мое место. Вообразите, что вы внезапно забыли все, что касается вашей специальности, не можете больше лечить людей... И это все-таки еще не совсем то же самое. У вас есть дом, семья, вы сын Земли, тогда как я...

Здание Центра галактических исследований (ЦГИ) ослепительно сверкало, излучая поглощенные за день солнечные лучи. Гравиплан, как огромная черная бабочка, спустился на верхнюю террасу. Из кабины вышел профессор и торопливо направился к кабинету директора.

— Пожалуйста, вас ждут.

Пройдя вестибюль, профессор отметил приятный грудной голос секретарши-робота.

Профессора действительно ожидали.

Директор обернулся к своему посетителю и с неподдельной озабоченностью спросил:

— Ну что, как его здоровье?

Выслушав рассказ профессора, он помрачнел и внезапно разразился:

— Мы должны что-то сделать для него! Я полностью в вашем распоряжении, со всеми ресурсами нашего центра! И мы и весь Солнечный Союз слишком обязаны ему, чтобы...

Профессор покачал головой.

— Я не в силах вернуть ему память.

— Поищем все же выход!

Через час директор велел секретарше вызвать одного из сотрудников Центра.

Это был невидный собой и застенчивый юноша ученый, которого настолько подавил высокий престиж его собеседника, что свое ошеломляющее

предложение он внес заикаясь. Теперь он слушал пилота, расхаживающего из угла в угол.

— Сверхсветовая скорость!.. Это означает... колоссальное увеличение радиуса исследований... Самые отдаленные системы нашей Галактики... Даже и метagalaktika!..

Он внезапно остановился перед креслом, на котором сидел юноша.

— Если ваш опыт удастся, вы навсегда останетесь в истории космонавтики... Благодарю вас за то, что подумали обо мне. К несчастью, состояние моего здоровья...

— Однако профессор говорил... — начал, внезапно покраснев, юноша.

— Профессор не сказал вам всего! Я не могу принять ваше предложение. Ведь вам нужен сотрудник, а не бесполезный балласт, — прервал его пилот, но, прочтя на лице своего собеседника что-то невысказанное, добавил: — Или, может быть, все-таки...

Молодой ученый привстал с кресла.

— Я приступил к разработке проекта после прочтения вашего труда об интерференции гравитационных полей. И я вылечу только с вами!.. Предварительные испытания протекали удовлетворительно. И профессор говорил... — Молодой человек с минуту колебался. — Существует шанс: сверхсветовая скорость может дать шок, который вернет вам память.

На полукруглом экране пульсировало невероятное северное сияние. Синее, красное, зеленое...

Цвета струились, сливались один с другим, расцветали сверкающими снопами искр.

Пилот упивался еще не виданным зрелищем, которое он не мог встретить в своих полетах с субсветовой скоростью.

— Мы направляемся к звезде Лаланд-21183, — объявил молодой ученый, склонившись над галактической картой. — Планета находится на расстоянии в среднем 0,132 звездной единицы относительно звезд

ды. Относительная масса 0,06, период обращения примерно четырнадцать лет...

Пилот любовался северным сиянием космоса.

Результат анализа оказался благоприятным: атмосфера не содержала вредных элементов. Космонавты сменили свои пространственные скафандры на легкие ксиленовые костюмы, огнестойкие и более прочные, чем сталь.

Планета отличалась исключительно буйной растительностью. Травы здесь росли чрезвычайно высокие, лианы повсюду раскачивали свои упругие сети, деревья переплетали ветви, образуя настоящий океан зелени.

Пилот и его спутник прокладывали себе дорогу к реке, которую они засекали с высоты. Было душно, и влажная жара замедляла их движения и мысли. Вокруг кипела невидимая жизнь, которую они угадывали лишь по движению травы и шелесту листвы.

Река! Серое полотнище воды, скользящее куда-то к неизвестной цели...

С этим образом у пилота было связано какое-то еще не ясное воспоминание. Пилот приблизился к берегу... Шаг, другой...

Ученый удержал его в последнюю минуту. У их ног трава скрывала серую гладь воды.

— Вы думаете, это опасно?

— Параграф тридцать седьмой Устава галактических экспедиций гласит: «Контакт с любым жидким веществом воспрещается до обязательной экспертизы». К тому же...

Брошенная в реку ветка описала в воздухе длинную траекторию. Но коснуться воды она не успела: внезапно вынырнувшее из-под воды незнакомое пилоту животное с раскрытой пастью с жутким лязгом мгновенно проглотило ее.

Звездолет расколол на тысячи осколков спокойное зеркало единого океана.

— Система Росс-614, — объявил молодой уче-

ный. — Планета обращается вокруг общего центра за пятнадцать лет. Она полностью покрыта водой.

— Росс-614, — повторил пилот и напряг память, стараясь что-то вспомнить.

— Вы были здесь тридцать лет назад. В вашем дневнике записано: «Исследовательские звездолеты должны обладать возможностью продвигаться в разных средах. Я вынужден покинуть этот водный мир, так и не узнав, что таят его глубины».

Пилот остановил на ученом долгий взгляд. Ему не верилось, что фразы, произнесенные им так давно, еще живут в чьей-то памяти.

На экране ультрафиолетовых излучений мелькали странные тени. Ему хотелось более детально изучить их, но стрелки приборов начали вибрировать. Звездолет замедлил снижение.

— Преграда?

Ученый не ответил. Он подключил перископ к большому полукруглому экрану. Пилот с трудом сдержал возглас: пучок света, отбрасываемого лазером, вырвал из темноты очертания фантастического подводного города. Полупрозрачные кубы, цилиндры, сферы, казалось, выросли из-под земли, питаемой остатками живых существ, выпавших из верхних слоев океана.

— Подводная цивилизация?

— Нет. Третья экспедиция ЦГИ обнаружила здесь большие месторождения урана.

Лазер освещал теперь работу экскаваторов и буровых установок, извилистые трубопроводы, по которым руда транспортировалась в гигантские полупрозрачные склады.

И пилот, с неведомой ему до сих пор силой ощутивший вполне естественную гордость человека, был вправе сказать себе: «Вот на что способны мои братья люди!»

Потом они с трудом передвигались по пустыне, сгибаясь под тяжестью пространственных скафандров. Вокруг них песок застыл волнами, устремившимися

на штурм невидимого берега. Солнце еще не зашло, но три аметистовые луны уже поспешили занять его место.

— Передохнем несколько минут, — сказал пилот.

Они добрались до купы деревьев с султанами широких листьев. Прислонились к шершавым стволам, отбрасывавшим на песок длинные тени.

— Сумерки, — пробормотал пилот, и в его голосе, слегка искаженном радиопередатчиком скафандра, прозвучало волнение.

Цветные волны протягивались от зенита к пламенеющему горизонту.

Молодой ученый невольно вздохнул и поторопился найти оправдание тому, что он считал отклонением от ясной мысли:

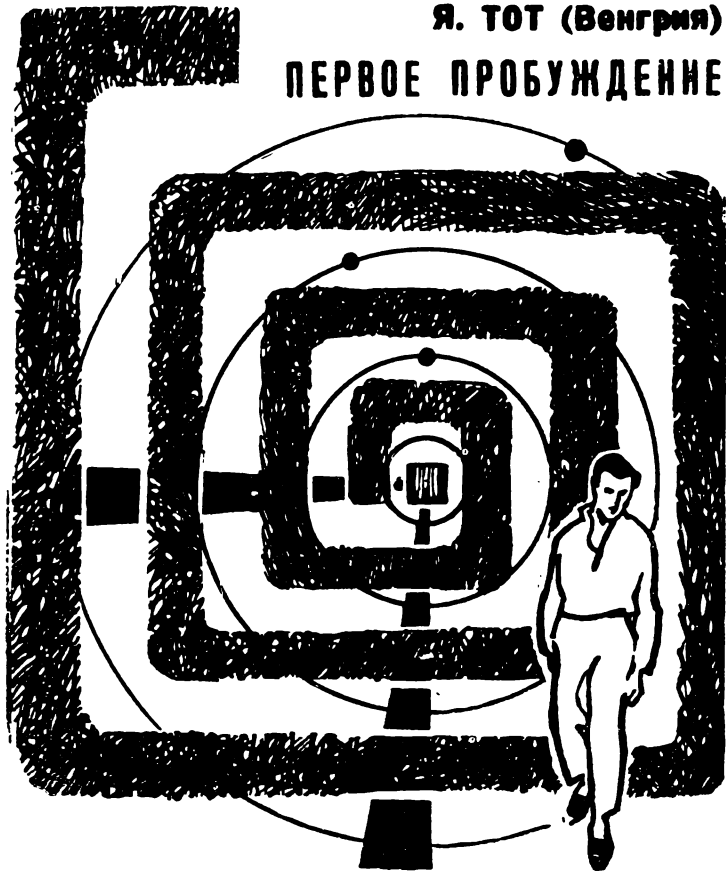
— Пора вернуться. После заката солнца температура резко падает.

Ответа не последовало. Он обернулся к своему товарищу и увидел его без шлема, всецело поглощенного созерцанием планеты, открытой после стольких поисков. Со смешанным чувством облегчения, стеснения и радости ученый тоже снял шлем, глубоко вдохнул ароматы пальм. «Неужели он понял это еще в джунглях Амазонки? Или только в глубинах Тихого океана? А может быть, здесь, в Сахаре?..»

Солнце скрылось за горизонтом. Луна и ее два искусственных спутника сверкали теперь еще ярче. На небосводе замерцали далекие звезды. Пилот блуждающим взглядом с минуту смотрел на них, затем нагнулся и коснулся рукой земли, как бы кланяясь ее неподражаемой красоте.

Память вернулась к нему. Здесь, на Земле.

Я. ТОТ (Венгрия) ПЕРВОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

По просьбе астронома профессор начал рассказ о молодом человеке, который первым согласился на «прерванную жизнь», как популярно именовался этот опыт.

— Он родился семьдесят лет тому назад, в 1932 году. Теперь же, в 2002 году, после тридцатипятилетнего искусственного сна, сна без сновидений, ему тридцать пять. Это мужчина хорошего телосложения, вполне здоровый, на вид отдохнувший. После его пер-

вого пробуждения прошел месяц. Он начал знакомиться с изменившимся миром. Его характеризует большая духовная восприимчивость тех переживаний, которые нахлынули на него в новых условиях. Очевидно, он и в дальнейшем сохранит рассудительность и свой внутренний мир. С декабря 1967 года мы добились больших успехов. Он начинает уже подозревать о важнейших из них. Несколько недель, конечно, короткий срок для того, чтобы составить себе понятие о нашем времени. Мы оказывали ему всяческую помощь многими педагогическими и техническими методами, и я надеюсь, что через год он освоится с нашей действительностью. Сейчас новый год, и я буквально опьянен удачей опыта. Ведь нам удалось держать в охлажденном состоянии этого отважного, самоотверженного человека, и мы смогли вызвать его пробуждение без ущерба его здоровью.

Продолжая беседу, врач и астроном направились к молодому человеку, который, сидя поодаль, наблюдал за веселившимся обществом. Большой зал был переполнен, и молодой человек по лицам людей, по их поведению пытался найти что-то общее с тем, как праздновали Новый год в прежние времена, и находил те же веселые надежды, шутки, смех. Но у него сложилось впечатление, что теперь люди живут более дисциплинированно, более сдержанно. Он улыбнулся, когда вспомнил о пессимистических пророчествах некоторых своих современников о вечном падении нравов. Отношения между мужчинами и женщинами стали более тонкими. В танцах он также не мог обнаружить безвкусицы.

В этом огромном зале он нисколько не был одинок, он понимал, что обязательно будет своим в их среде, если не сейчас, то немного позднее.

Его мысли прервал профессор, который представил своего друга астронома. Они вместе встретили полночь. Бокалы чокнулись. В гуле взаимных добрых пожеланий наступил новый, 2003 год.

...Несчастье пришло внезапно. В 0 часов 12 минут скончался астроном. Смерть была мгновенной. Профессор сошел вниз, позвонил куда-то, затем поспешно

вышел на улицу. Следом за ним вышел и молодой человек. Как бы он хотел утешить его! Но нет, профессор молчал, ничем не выдавая свою боль. Он стоял рядом со своим другом в холодной ночи и молчал.

К подъезду бесшумно подкатила машина, из которой вышли три человека. Двое из них уложили умершего на особые носилки и погрузили в машину. Третьему профессор отдал документы астронома.

— Едем вместе, — обратился профессор к молодому человеку, — а то, я вижу, вы очень немного понимаете из происходящего, и прежде всего не думайте, что я спокоен. Но примите во внимание, что за каких-нибудь пять-шесть минут мой друг попал в необходимые условия. И есть надежда, что его оживление пройдет успешно. Более того, даже с его болезнью, которую он сам запустил, будет также покончено!

— Медицина — вдохновляющая наука, — взволнованно сказал молодой человек, — если она в состоянии возвращать людей из пасти смерти, а не только пробуждать от искусственного сна!

Профессор кивнул.

— Во время вашего длительного сна многое изменилось в борьбе с клинической смертью. Изучив ее различные проявления, мы ведем организованную борьбу с ней. При помощи электрических аппаратов нам удалось раскрыть переход клинической смерти в биологическую. Следовательно, мы раскрыли существо смерти. Мы знаем и то, что происходит с человеком при наступлении окончательной смерти, когда мы уже не в состоянии вмешаться. Разве было бы гуманным и целесообразным сохранять жизнь людей, если человек обречен на тяжкие страдания из-за тяжелых повреждений организма? Что лежит в основе наших работ, интересуетесь вы? А то, что мы знаем, в каком возрасте, какой именно метод охлаждения следует применять в интересах максимального продления процесса гибели клеток. Это решающий момент! Мы знаем, какой способ оживления следует применять для различных типов людей.

— То, что вы делаете, профессор, чудодейственно, — заметил молодой человек.

— Наоборот, — возразил профессор, — мы не делаем ничего чудодейственного. И нашей целью не может быть и не является вечная жизнь. Наши усилия в скором времени приведут к тому, что продолжительность жизни будет сто двадцать — сто сорок лет. Мы сможем сохранить способность к творчеству на долгие годы.

Машины проносились мимо веселых людей, наслаждавшихся прелестью сверкающей, холодной новогодней ночи.

Профессор продолжал:

— Если где-нибудь умирает человек и есть надежда для его оживления, мы вызываем Холодильный центр. Машина направляется на место по радио. Там ее уже ждут.

— В столице у нас пять таких учреждений, — рассказывал профессор. — Вызовы поступают в центральное учреждение. Систему холодильной скорой помощи мы построили в зависимости от численности населения и условий его расселения.

Машина скорби и надежды остановилась возле здания в глубине двора.

Профессор провел молодого человека через двор в светлый зал. Там они молча сели в кресла.

Может быть, они просидели так около двух часов. Наконец в зал вошла медицинская сестра и, быстро подойдя к профессору, сказала:

— Ваш друг жив! Опасность миновала, его лечение продолжается.

Профессор отвернулся, чтобы не показать слезы радости и гордости за свой труд ради счастья людей. Сестра поспешно удалилась.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ЖИВОЙ СВЕТ

<i>Д. Пеев.</i> Волос Магомета. Перевод с болгарского З. Бобырь (Международная премия)	7
<i>С. Гансовский.</i> Не единственные сущие (Поощри- тельная премия)	20
<i>Р. Нор.</i> Живой свет. Перевод с румынского З. Б о б ы р ь (Национальная премия)	27
<i>В. Кайдош.</i> Опыт. Перевод с чешского З. Б о б ы р ь (Международная премия)	37
<i>Я. Бялецкий.</i> Дневник поваренка. Перевод с поль- ского Е. В а й с б р о т а (Международная премия)	54

II. ЧЕЛОВЕК-ИСКАТЕЛЬ

<i>Е. Войскунский, И. Лукодянов.</i> Алатырь-камень (Национальная премия)	67
<i>И. Вылчев.</i> Человек-искатель. Перевод с болгарского З. Бобырь (Международная премия)	80
<i>А. Кольцов.</i> Черный свет (Поощрительная премия)	92
<i>Н. Блинов, Ю. Лубянский.</i> Солнца сильнее (Поощ- рительная премия)	109
<i>М. Емцев, Е. Парнов.</i> Запонки с кохлеондой (По- ощрительная премия)	123
<i>С. Житомирский.</i> «Проект-40» (Международная премия)	133

III. ПОДВИГ

<i>И. Варшавский.</i> Индекс Е-81 (Национальная премия)	145
<i>К. Фиалковский.</i> Право выбора. Перевод с польского З. Бобырь (Международная премия)	157
<i>А. Днепров.</i> Подвиг (Национальная премия)	172
<i>В. Райков.</i> Большие дети жизни. Перевод с болгар- ского З. Б о б ы р ь (Национальная премия)	195

IV. ЛУЧШИЙ ИЗ МИРОВ

<i>Ю. Дубровин</i> . Эти трое. (Поощрительная премия)	209
<i>К Бем</i> (ГДР). Репортаж из 1990 года. (Международная премия)	214
<i>С. Вайнфельд</i> . Земля его предков. Перевод с польского Е. Вайсброта (Поощрительная премия)	222
<i>Я. Винарж</i> (ЧССР). Эста (Международная премия)	232
<i>И. Хобана</i> (Румыния). Лучший из миров (Национальная премия)	240
<i>Я Тот</i> . Первое пробуждение. Перевод с венгерского Л. Партоша (Международная премия)	251

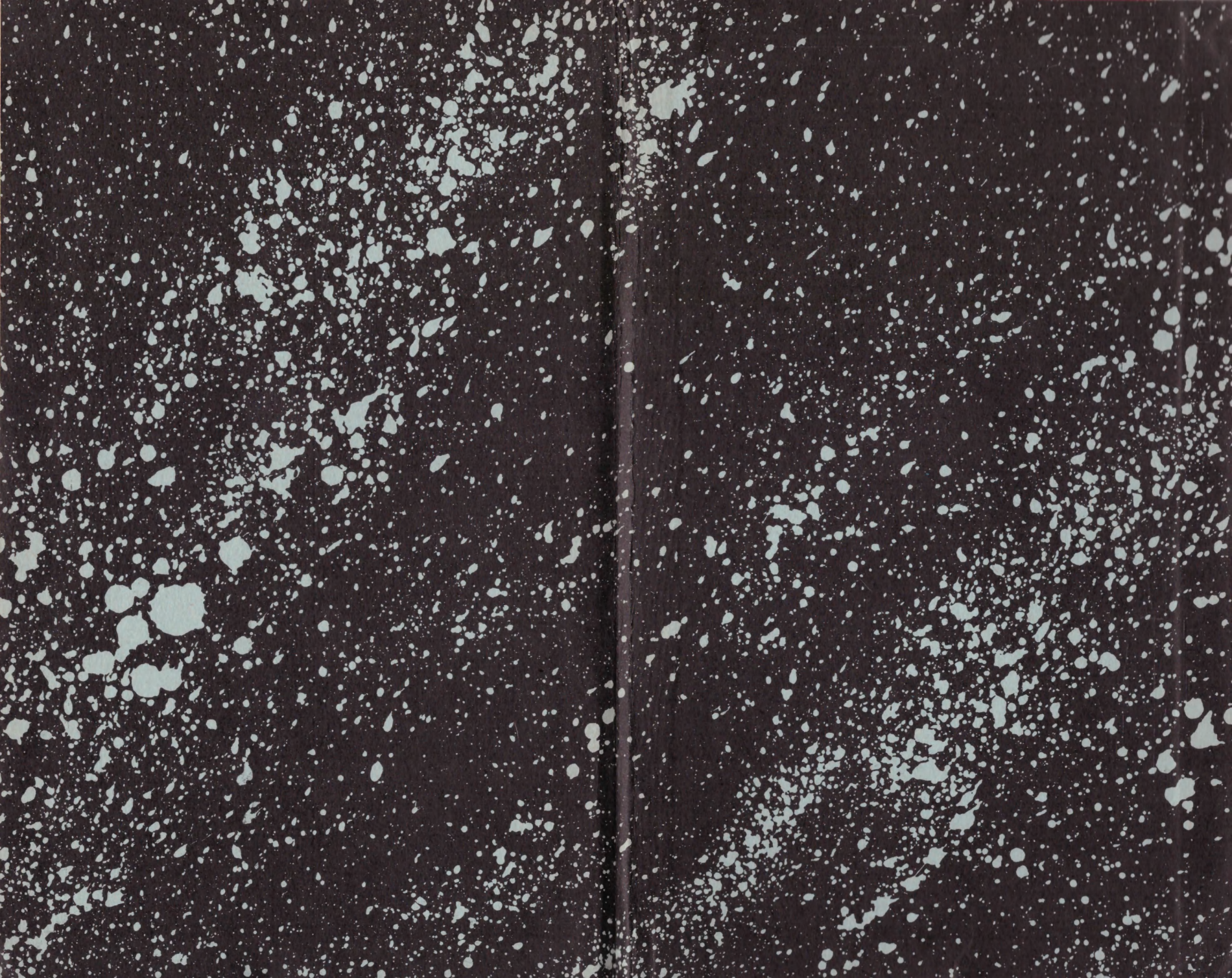
ЛУЧШИЙ ИЗ МИРОВ. Сборник научно-фантастич. рассказов. М., «Молодая гвардия», 1964.
256 с., с илл.

P2

Редактор *С. Митрохина*
Художник *В. Векслер*
Худож. редактор *Н. Печникова*
Техн. редактор *Н. Михайловская*

А01917 Подп. к печ. 13/1 1964 г. Бумага $84 \times 108\frac{1}{32}$. Печ. л. 8, (13,12):
Уч.-изд. л. 11,9. Тираж 115 000 экз. Заказ 1637. Цена 51 коп.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»,
Москва, А-30, Суцеская, 21.

51 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

СБОРНИК НАУЧНО-ФАНАТАСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ